

Институт философии РАН
Центр изучения социокультурных изменений

АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ УГЛУБЛЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

**Аналитический доклад
по результатам плановой темы (2012-2016 гг.)**

Авторы:

Н.И.Латин – руководитель темы, главный научный сотрудник, чл.-корр. РАН;

Л.А.Беляева – ведущий научный сотрудник, доктор социологических наук;

Н.А.Касавина – старший научный сотрудник, кандидат философских наук;

И.Е.Ахваткина – референт.

Москва, 2016

Содержание

	Стр.
Аннотация	1-1
Предисловие	1-6
Раздел 1	
МОДЕРНИЗАЦИЯ В МИРЕ И РОССИИ	1-11
Стадии и компоненты модернизации, инструменты измерения ее состояний и динамики	1
Неравномерность модернизации в мире и в России	9
Раздел 2	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	1-62
Пространство и природные ресурсы России: препятствие или стимул модернизации?	2
Население, человеческий капитал, субъекты модернизации	9
Структуризация российского общества в постсоветский период	32
Раздел 3	
РЕАЛИИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ	1-45
Спонтанность модернизационных процессов в современной России	1
О стратегии эффективной модернизации России	16
Конкретизация стратегии интегрирующей модернизации регионов (на примере ЦФО)	28
Долгосрочное целеполагание гуманистической модернизации	39
ВЫВОДЫ	1-1
Приложения	
1. Инструментарий измерения модернизации	1-3
2. Сводные таблицы параметров модернизации субъектов и федеральных округов Российской Федерации	1-21

Всего: 150 стр.

Аннотация

В настоящем докладе обобщенно представлены результаты исследований сотрудников Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН в рамках плановой темы «Анализ процессов углубления социокультурной модернизации России» (2012-2016 гг.). Доклад содержит три раздела. В первом из них дана характеристика стадий и компонент модернизации, ее неравномерности в мире и России. Во втором разделе изложено развернутое обоснование социокультурных вызовов российской модернизации как совокупности возможностей и препятствий, исходящих от природных и социальных факторов, от разных слоев населения и создающих предпосылки для социальных напряжений в регионах. В третьем разделе показаны: спонтанность процессов российской модернизации, их несбалансированность, рост социоэкономических индексов модернизации при стагнации ее человеческих измерений. Охарактеризованы качественные состояния/типы модернизованности регионов России, кластеры регионов и федеральных округов, существенно различающиеся по состояниям их модернизованности и нуждающихся в новой стратегии ее регулирования. Отмечено, что результаты опубликованы в серии статей и в главах коллективных монографий. Итоговые результаты пространственно систематизированы по федеральным округам в «Атласе модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» (2016). Результаты представляют интерес для преподавателей и учащихся вузов, журналистов и государственных служащих.

Ключевые слова: социокультурная модернизация; неравномерность модернизации в мире и в России; объективные факторы и субъекты российской модернизации; ее спонтанность и стратегическое планирование.

Предисловие

Цель данного исследования – выяснить, действительно ли в России, прежде всего в ее регионах, осуществляются процессы социокультурной модернизации и в каком состоянии они находятся. Поскольку не может быть модернизации в стране, если ее нет в регионах, то предстояло прежде всего выяснить, как она происходит в российских регионах.

Предпосылки региональной науки возникли в первой половине XX века, в том числе в СССР. В Европе она стала систематически разрабатываться на рубеже 50-60-х годов XX века, в основном как область экономических знаний. С тех пор развиваются многие ее направления, преимущественно прикладного характера. В августе 2014 г. в Санкт-Петербурге состоялся 54-й конгресс Европейской ассоциации региональной науки (посвящен памяти академика Гранберга А.Г.). В России региональная наука также разрабатывается прежде всего в рамках экономических дисциплин, в последние десятилетия повысилось внимание к экономико-географическим ее направлениям. С 70-х годов российские социологи расширили проблематику социологии городов и начали изучать отдельные аспекты социологии регионов.

Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН с 1990 г. осуществляет мониторинг «Ценности и интересы населения России». В 2005-2006 гг. ЦИСИ разработал типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» и инициировал комплексное изучение регионов как социокультурных сообществ. На основе этого инструментария в настоящее время под научно-методическим руководством ЦИСИ ведут исследования научные коллективы ведущих университетов и НИИ в 27 регионах страны – возникла волонтерская сеть таких коллективов, в которой участвуют свыше 250 специалистов: социологи, экономисты, историки, политологи, психологи и др. За 10 лет они опубликовали более 110 монографий и сборников, свыше 1000 статей в научных изданиях. В том числе вышли в свет обобщающие труды с грифом Института философии РАН: «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» (2009), «Проблемы социокультурной модернизации регионов России» (2013).

Ежегодно в разных регионах, по их инициативе и при поддержке РГНФ, проводятся всероссийские научно-практические конференции. В итоге, созданы: новое научное направление *социокультурная компаративистика российских регионов*, межрегиональная научная школа по этому направлению. С 2011 г. Концентрируется внимание на исследовании состояния и тенденций социокультурной модернизации регионов, а также на разработке интегрирующей стратегии регулирования ее эволюции,

нацеленной на повышение консолидации регионов и на достижение средневропейского уровня благополучия населения. Осуществляются межстрановые сопоставления, используя опыт ученых стран Европы, Китая.

Всю эту работу курирует Научно-методический совет Секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. В последние годы работа велась во взаимодействии с программой фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

Результаты исследований убеждают в том, что модернизация – не конъюнктурный лозунг, а всемирный цивилизационный процесс, успешное осуществление которого требуется также в России и ее регионах. Его осмысление наиболее продуктивно при сочетании конструктивно-реалистического и социокультурного подходов; первый соответствует современной философско-эпистемологической методологии¹, а второй, также в его современной, антропо-деятельностной интерпретации – методологии социальной философии и общей социологии².

Модернизация сама по себе, вне идеологических ее интерпретаций, представляет собой совокупность изменений, которые люди (индивиды и коллективные субъекты, сообщества) совершают, когда по собственной инициативе или вынужденно выбирают новые способы воздействия на объекты своей деятельности и на условия своей жизни - с целью ее улучшения. Кумулятивное нарастание, массовое тиражирование изменений в масштабе страны приводят к тому, что преобразуются культура, социальные практики, социокультурные качества индивидов и всего **общества**. Эти изменения чаще происходят спонтанно, но могут быть и целенаправленными. Если они охватывают ведущие страны данной цивилизации, то возникает качественно новое состояние **всей этой цивилизации** – она вступает в новую стадию (или ее фазу) своей эволюции.

Это комплексный процесс, игнорирование которого или противодействие ему в той или иной стране сопровождается ее стагнацией и отставанием от других стран, рецессией и даже гибелью. Поэтому модернизация жизненно важна для каждого человека, каждого социокультурного сообщества. Она имеет две основные функции: **обеспечение безопасности сообщества (страны) и повышение благополучия, качества жизни людей, всего населения**.

Как фактически совершается модернизация в современной России и ее регионах?

¹ См. В.А.Лекторский. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Человек в мире знания. К 80-летию Владислава Александровича Лекторского. Отв. ред.-сост. Н.С.Автономова, Б.И.Пружинин. М., РОССПЭН, 2012. С. 415-449.

² Подробнее см.: Латин Н.И. Антропосоциетальные основания общей социологии // Он же. Общая социология. 2-е издание. М., Высшая школа, 2009. С. 9-52.

На первом этапе исследования (2012-2013 гг.) его участники, при содействии специалистов из регионов, собрали и систематизировали статистические данные о модернизации России и ее регионов. Изучили и адаптировали к российским условиям инструментарий, который Центр исследований модернизации Академии наук Китая (ЦИМ АНК, руководитель профессор Чуаньци Хэ) разработал и использует в ежегодном мониторинге 131 страны мира, включая Россию. получили предварительную группировку регионов России по уровням, стадиям и фазам модернизации. Разработали методологические рекомендации, в соответствии с которыми специалисты Института социально-экономического развития РАН (ИСЭРТ РАН, г. Вологда) создали и запатентовали информационную систему «Модернизация».

Создана модель качественных состояний/типов модернизованности регионов России. Она получила развернутое подтверждение и конкретизацию при исследовании 18 регионов, представляющих 7 федеральных округов РФ. Разработан и применен индекс сбалансированности основных составляющих социоэкономической и социокультурной компонент модернизации. Показаны: низкая их сбалансированность, высокая неравномерность состояний модернизованности различных регионов и в то же время – наличие определенной логики перехода регионов от низких к более высоким состояниям модернизованности. Анализ статистических трендов показал рост социоэкономических индексов модернизации и стагнацию ее человеческих измерений. Социологические опросы свидетельствуют о накоплении напряжений в социальном пространстве регионов.

На втором этапе исследования (2014-2016 гг.) дано развернутое обоснование социокультурных вызовов российской модернизации как совокупности потребностей в ней, исходящих от разных слоев населения, всей страны. Основное внимание сосредоточено на пространственной систематизации процессов и проблем модернизации в условиях начавшегося кризиса и санкций западных стран. Выявлены кластеры регионов и федеральных округов, существенно различающиеся по состояниям их социокультурной и социоэкономической модернизованности. Эти различия заключают в себе потенциальные угрозы территориальной целостности Российской Федерации и риски снижения доверия населения органам власти. Предложена и обоснована стратегия интегрирующей модернизации.

Полученные результаты подытожены в «Атласе модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» (2016). Ниже изложена обобщенная характеристика этих результатов.

Раздел 1

МОДЕРНИЗАЦИЯ В МИРЕ И РОССИИ

СТАДИИ И КОМПОНЕНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ, ИНСТРУМЕНТЫ ИЗМЕРЕНИЯ ЕЕ УРОВНЕЙ И СОСТОЯНИЙ

Эпохи цивилизации и стадии модернизации

В большинстве стран мира, в том числе в странах континента Евразия, с переходом людей к оседлому образу жизни (около 10 тыс. лет назад) и возникновением цивилизации (около 5,5 тысяч лет назад) утвердилась и длительное время существовала **аграрная цивилизация**. Ее основу составляла созданная людьми культура земледелия, или, как прежде говорили - *агрикультура* (отсюда и возник термин *культура*), а также сопряженная с нею культура животноводства.³

Затем, начиная с Возрождения, Просвещения и первых промышленных революций, предприниматели, менеджеры, рабочие Англии и других западно-европейских стран стали овладевать новым типом культуры труда – труда индустриального. Общества этих стран встали на путь преобразований из аграрных в индустриальные – это была **первая, индустриальная стадия** модернизации, которая вначале осуществлялась в рамках западно-европейской (западной) цивилизации, а ее результатом стала **индустриальная цивилизация** как новый способ жизнеустройства западно-европейских сообществ людей. Таким образом, модернизация западной цивилизации осуществляется уже около 300 лет.

Индустриальная цивилизация возникла в условиях утверждения ценностей гуманизма и новых социально-политических и экономических институтов, на основе научно-технических достижений. Индустриализация означала переход от аграрных к индустриальным способам материального производства во взаимосвязи с переходом к правовому государству, контролируемому гражданским обществом, т.е. к демократическому политическому строю и рыночной экономике, которые обеспечивали свободу индивидов. Именно этот **комплексный** (техничко-технологический, социоэкономический, социокультурный и институционально-регулятивный) переход получил название модернизации. Возникли теории модернизации, которые в середине XX

³ В эту эпоху «из сотен тысяч диких видов растений и животных человек ввел в культуру около 150 видов растений (из них основные продовольственные культуры – до 20 видов) и около 20 видов животных» (НА.Колчанов и др. Состояние и перспективы маркер-ориентированной и геномной селекции растений // Генетические ресурсы растений, животных и микроорганизмов на службе человечества. Научная сессия Общего собрания РАН 26 октября 2016 г. М., РАН, 2016. С. 45).

века были адресованы менее развитым странам, нередко с акцентом на первоочередность изменений их политических институтов по образцу более развитых западных стран⁴.

В 70-х годах XX века в США, затем в Европе началась **вторая, информационная стадия** модернизации – переход от индустриальной цивилизации к постиндустриальной, или к цивилизации, основанной на знаниях. Вместе с тем, в конце XX - начале XXI века, в условиях глобализации процессы информатизации распространились на многие страны и приобрели **всемирный характер**. Возникло понятие **инфосфера**.⁵

К настоящему времени в глобальном масштабе одновременно совершаются обе стадии модернизации: первую, индустриальную стадию осуществляют около 90 развивающихся стран, а вторую, информационную стадию – около 40 индустриально развитых стран. Более того, в ряде среднеразвитых стран, в том числе в России, одновременно осуществляются две стадии модернизации, но каждая стадия находится в своей фазе и преобладает в разных частях территории страны, что свидетельствует о неравномерности модернизации в разных регионах одной страны.

Главные компоненты модернизации

Процесс модернизации включает четыре главные компоненты, каждую из которых можно рассматривать как частичную, компонентную модернизацию.

Технико-технологическая компонента. Ее содержание составляет переход к новому технологическому укладу (укладам) как такому способу создания условий жизнедеятельности людей, который становится главным (более 40%) источником валового внутреннего дохода страны (ВВП), региона (ВРП), или новым ресурсом для конкурентоспособного развития среди других обществ, государств. Переход от доминировавшего тысячелетиями, традиционного аграрного производства к индустриальному (first, первая, или *первичная стадия* модернизации) включал возникновение и развитие четырех технологических укладов; из них четвертый уклад означал развитие автомобиле- и тракторостроения, цветной металлургии, производство синтетических материалов и др. В 70-х годах прошлого столетия начался переход к пятому технологическому укладу (электронная промышленность, вычислительная техника), а вместе с ним - переход от индустриальной экономики (общества) к экономике, основанной на приращении и использовании знаний (second, вторая, или *вторичная, информационная стадия* модернизации). Уже в середине 90-х годов XIX столетия доля

⁴ Подробнее см. *Петр Штомпка*. Теории модернизации – старые и новые // Он же. Социология социальных изменений. М., Аспект Пресс, 1996. Гл 9. С. 170-185.

⁵ Одной из первых в России развернутых характеристик нового объекта исследований стала монография ВИНИТИ: *Ю.М.Арский, Р.С.Гиляровский, И.С.Туров, А.И.Черный*. «ИНФОСФЕРА». М., ВИНИТИ, 1996. – 489 с.

прибыли от производства информационной продукции в развитых странах (США, Япония, Франция и др.) составляла не менее 50% ВВП.⁶ В настоящее время на смену пятому укладу приходит шестой: нанотехнологии, клеточные технологии и др.⁷

Социоэкономическая компонента. Она выражает изменения пропорций основных секторов экономики как «погруженной в социум» и адаптирующейся к его правилам и функциям, не утрачивая своей специфики. Ее смысл соответствует социоэкономике – новому междисциплинарному направлению, которое обосновано известным американским социологом, ординарным профессором Чикагского университета Амитаем Этциони.⁸ Конкретное содержание этой компоненты включает две основных составляющих. Во-первых, утверждение новых технологических укладов обуславливает повышение ВВП (ВРП) на душу населения, а также изменения пропорций основных секторов национального хозяйства (аграрного, индустриального, сферы услуг в широком смысле) в занятости и в добавленной стоимости. На первой, индустриальной стадии модернизации резко растет доля *индустриального сектора* и соответственно снижается доля аграрного сектора. На второй, информационной стадии значительно повышается доля *сферы услуг*, в особенности производства, трансляции и использования *новых знаний*⁹, и соответственно снижается доля первых двух секторов, т.е. собственно материального производства (нередко информационные технологии и производство информационной техники выделяют в качестве четвертого сектора).

Во-вторых, социоэкономическая компонента включает также долю национального дохода, необходимую для обеспечения государством «второго поколения» фундаментальных прав человека, его *социальных прав* - на образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение. В книге «Капитал в XXI веке» известный французский экономист Томас Пикетти убедительно обосновал вывод: «процесс построения налогового и социального государства во всех странах, сегодня являющихся развитыми, был *ключевым элементом модернизации и развития*. Весь исторический опыт показывает, что при уровне фискальных поступлений, равном 10-15% национального дохода, невозможно делать что-то, помимо выполнения традиционных функций государства (курсив наш – ред.)».¹⁰ Такой уровень наблюдается только в самых бедных странах

⁶ Российская статистика не адаптирована к выявлению таких процессов.

⁷ См.: С.Ю.Глазьев. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., Экономика, 2010. С. 80-81.

⁸ См.: A. Etzioni. Toward a new socio-economic Paradigm // Socio-economic Review: 2003, № 1.

⁹ Строго говоря, производство, трансляция и использование знаний, как и материальное производство, является не услугой, а одним из качеств самого человека, содержанием его культуры, одной из основных функций общества. В этом отношении широко используемый термин *сфера услуг* не является точным.

¹⁰ Томас Пикетти. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинем Пресс. 2016. С. 480.

планеты. В последней трети XXI века в странах Латинской Америки, Северной Африки и Китая он достигал 15-20%, а в странах западной Европы в 2000-2010 гг. – 40-55%.¹¹

Социокультурная компонента. Она включает совокупность социальных и культурных изменений в их взаимосвязи, что означает также и тесную ее связь с социоэкономической компонентой - прежде всего с долей затрат государства на обеспечение социальных прав человека. Отличие состоит в том, что в центре социокультурной компоненты находятся не экономико-финансовые, а собственно человеческие измерения этих прав: достижение достойных содержания и условий труда, уровня и качества жизни людей, формирование и утверждение совокупности ценностей, в центре которых находится развитие человека как личности, его способностей и потребностей, свобод и прав, социальных обязанностей и профессиональных компетенций, а их утверждение в повседневной жизни обеспечивается развитием социокультурной стратификации и такими институтами как наука и образование, социальное обеспечение и медицинское обслуживание.¹² Благодаря сети Интернет компьютерные технологии, помимо когнитивной функции, приобретают антропно-коммуникативную функцию. В результате качественно повышается роль *антропно-коммуникативной составляющей* социокультурной компоненты.

Институционально-регулятивная компонента. Включает изменения совокупности регулирующих институтов, т.е. формальных и неформальных правил действий индивидов и организаций в экономической, политической, общественной жизни общества. Общий вектор изменений составляет глубокая демократизация государственной и всей политической жизни общества, его судебно-правовых учреждений, обеспечение активности гражданского общества, противодействие избыточности бюрократических процедур контроля и числа чиновников, занятых созданием и внедрением этих процедур (дебюрократизация). Однако сохраняются и могут усиливаться тенденции бюрократизации и авторитарной вседозволенности. Эта компонента может рассматриваться и как часть широко понимаемой социокультурной модернизации.

Все компоненты модернизации как цивилизационного процесса взаимосвязаны. В совокупности они образуют **целостность**. Если та или иная компонента представлена явно недостаточно, или, напротив, доминирует над остальными, то комплексная модернизация может превратиться в *частичную квазимодернизацию*.

¹¹ Там же. Табл. 13.1. С. 473.

¹² Как видим, социокультурная функция тесно связана с социоэкономической. Подробнее о структуре социокультурной компоненты см.: Н.И.Лапин, Л.А.Беляева «Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М., Институт философии РАН, 2010.

Эти процессы длительное время оставались мало наблюдаемыми, поскольку не было инструментов для их измерений. Первыми ответами на потребность в таких инструментах стали теории постмодернизации, рефлексивной и множественной модернизации, а также глобализации. В конце 90-х годов XX в. молодой китайский специалист, ныне профессор Чуаньци Хэ предложил общую теорию модернизации как цивилизационного процесса¹³ и создал Центр исследований модернизации Академии наук Китая (ЦИМ АНК). Этот Центр разработал удобный инструментарий для измерения индексов двух стадий модернизации, а также интегрированного индекса обеих стадий на основе данных международной статистики (подробнее сказано ниже). Используя этот инструментарий, ЦИМ АНК с 2001 г. ведет ежегодный мониторинг индексов модернизации 130 стран, включая Россию (всего в этих странах живет 97% всего человечества).¹⁴

Инструменты измерения социоэкономической и социокультурной компонент модернизации

ЦИМ АНК включает в мониторинг все страны, численность населения которых составляет более 1 млн. человек, если о них имеются достаточно надежные данные в международных статистических справочниках. На первом этапе мониторинга (2001 г.) оказалось 98 таких стран, в 2006-2010 годах – 131 страна, в 2012 г. – 135 стран.

Инструментарий получения индикаторов и индексов модернизации приведен в Приложении 1. Поэтому ограничимся краткой его характеристикой. Прежде всего, отметим, что для каждой стадии модернизации используется свой набор индикаторов.

Стадия 1. Первичная (индустриальная) модернизации (ПМ) измеряется в методике ЦИМ АНК с помощью *10 индикаторов*, которые представляют три сферы общества: экономическую, социальную и когнитивную (знания), соответственно – три *социетальные составляющие* модернизации. ЦИМ АНК ежегодно фиксирует **реальные значения** индикаторов ПМ каждой изучаемой страны в соответствии с данными международной статистики и преобразует их в **индексы**: частное от деления реального значения индикатора на значение *стандартного индекса* принимается за частный индекс

¹³ He Chuangui. Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement. Springer, 2012.

¹⁴ Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН инициировал перевод на русский язык обобщающего труда ЦИМ АНК «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010)» (М., Весь мир, 2011), в котором представлен инструментарий ЦИМ и подытожены результаты 10 волн его мониторинга. В 2012 г. в Институте философии РАН состоялась совместная с ЦИМ АНК научная конференция на тему «Цивилизация и модернизация» (см. Цивилизация и модернизация. Материалы российско-китайской конференции 29-31 мая 2012 года, Москва (М., Институт философии РАН, 2013), а также: Civilization and Modernization. Proceedings of the Russian-Chinese Conference 2012. Edited by Chuangi He, Nikolay Lapin (World Scientific, Singapore, 2015).

модернизации для данного индикатора страны. Средняя арифметическая частных индексов означает **итоговый индекс** ПМ страны в данный год.

Как были определены **стандартные индексы ПМ**? Еще при подготовке инструментария ЦИМ АНК подсчитал *средние реальных значений* каждого индикатора 19 индустриально развитых стран по их состоянию в 1960 г. Эти средние значения индикаторов данных стран ЦИМ АНК приравнял к 100%, т.е. принял в качестве стандартных для измерений ПМ в любой стране в любой год (кроме индекса ВВП на душу, который пересчитывается ежегодно по фактическому состоянию).¹⁵

Стадия 2. Вторичная (информационная) модернизация. Она измеряется с помощью 16 индикаторов, которые представляют четыре специфические характеристики информационного общества: инновации в знаниях, трансляция знаний, качество жизни, качество экономики. В отличие от первичной модернизации, значения **всех стандартных индексов** вторичной модернизации **ежегодно подсчитываются** как средние по современным данным развитых стран, которые имеют индекс ВМ 80 баллов и более.

Для каждой стадии модернизации определяются **четыре фазы**: начало, рост, зрелость, переход (к следующей стадии). Идентификация с фазой осуществляется с помощью структурных индикаторов, стандартные значения которых определены на основе данных за 200-летнюю историю индустриальных стран, в соответствии с содержанием фаз каждой стадии. **Рубежом** между первой и второй стадиями служит высшая фаза первичной модернизации – **фаза перехода к вторичной модернизации**. Вступление в эту фазу должно отвечать достаточно жестким требованиям к структуре экономики. Требуется: низкая доля сельского хозяйства в ВВП (не более 5%), а также низкая доля занятости в этом сегменте экономики (не более 10%). Фаза зрелости вторичной модернизации предполагает, что доля всей материальной сферы (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП и занятость в этой сфере должны составлять не более 20%. Адаптируя инструментарий китайских коллег к российским условиям, для более точной оценки фаз ВМ регионов, ЦИСИ ввел **дополнительный индикатор**: доля инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженной продукции (для начальной фазы - 5,2%, для фазы зрелости – не менее 9%), а также предложил использовать долю затрат на НИОКР в ВВП при оценке фазовых значений ВМ (для начальной фазы – 3%, для фазы зрелости – не менее 3%).

Используется также **интегрированный индекс (ИИ) двух стадий модернизации, или индекс интегрированной модернизации (ИИМ)**. Он включает 12 индикаторов, большинство которых заимствованы из списков индикаторов каждой из стадий. ИИ

¹⁵ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае. М., Весь мир, 2011. С. 59.

отражает относительное различие между совокупным уровнем модернизации страны и среднемировым уровнем. Разные стадии модернизации одной страны могут одновременно находиться в различных фазах, поэтому нельзя определить их общую фазу; но можно сформулировать единую стратегию их одновременного, координированного осуществления; профессор Хэ называет ее *стратегией интегрированной модернизации*, но это не новая стадия модернизации, а *эффективный способ перехода* развивающихся стран от первичной к вторичной модернизации.

Использование инструментария ЦИМ АНК позволило измерить *уровни модернизации* всех российских регионов и федеральных округов на каждой стадии их модернизации. Обобщенные результаты измерений представлены на графиках

Рис. 1.1. Графики: индексы ПМ ФО и ВМ ФО (файл рис. 1.6)

Они демонстрируют значительное повышение уровней первичной модернизации большинства федеральных округов. Более скромно росли индексы вторичной модернизации и, соответственно, интегрированные индексы двух стадий.

Состав индикаторов инструментария ЦИМ АНК, с помощью которых измеряются процессы модернизации, свидетельствует о том, что этот инструментарий позволяет измерить, прежде всего, *социоэкономическую* компоненту процесса (в особенности возрастание роли третьего сектора экономики), т.е. *социоэкономическую модернизацию*. Более того, поскольку инструментарий включает ряд социальных и культурных показателей, он позволяет частично измерять и *социокультурную модернизацию*, но далеко недостаточно. И лишь косвенно позволяет судить о технико-технологической и институционно-регулятивной компонентах.

Учитывая эти ограничения инструментария авторы настоящего исследования сосредоточили свое внимание на процессах, тенденциях и проблемах именно *социоэкономической и социокультурной модернизации* в России и ее регионах.

От уровней модернизации – к комплексным состояниям (типам) модернизованности

Субъекты модернизации могут эффективно способствовать ее успеху на основе научного измерения не одних только уровней, но *комплексных состояний (типов)* модернизованности - в *единстве стадий* модернизации, их *уровней и фаз* в каждом регионе. Соответственно, ЦИСИ Института философии РАН в 2010 г., адаптировав инструментарий китайских коллег к российским реалиям, сконструировал типологию этих состояний и, при поддержке специалистов регионов, применил эту типологию и выявил *динамику распространения состояний модернизованности регионов, их иерархию и кластеризацию*.

Ниже приведены шесть основных таких состояний (типов) и их содержание. Это симметричный перечень, состоящий из двух частей: их *дифференцирующей осью* служит завершающая фаза первичной модернизации - *фаза перехода к вторичной модернизации*.

Тип 1. Регионы, начинающие, начавшие, возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию: первичная модернизация – уровни низкий и ниже среднего, фазы начала и роста; вторичная модернизация – условные уровни ниже среднего, идентификация с фазами невозможна;

Тип 2. Регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни средний и ниже среднего, фазы роста и зрелости; вторичная модернизация - условные уровни ниже среднего, идентификация с фазами невозможна;

Тип 3. Регионы зрелой индустриальной (первичной) модернизации; первичная модернизация - фаза зрелости, условные уровни средний и выше среднего; вторичная модернизация – условные уровни средний, выше среднего, идентификация с фазами невозможна;

Тип 4. Регионы, начинающие информационную (вторичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни средний и выше среднего; подготовительная и начальная фазы;

Тип 5. Регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию, подготавливая ее развитие; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни выше среднего, высокий; начальная фаза;

Тип 6. Развитые регионы, продолжающие развивать информационную (вторичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни выше среднего, высокий; фаза роста;

В табл. 1.1. приведены данные о динамике распространения комплексных состояний (типов) модернизованности регионов России в 2000 - 2012 гг.

Таблица 1.1
Динамика распространения состояний (типов) модернизованности регионов России

Состояния (типы) модернизованности регионов	Число регионов				
	2000	2005	2008	2010	2012
Состояния (типы) модернизованности регионов на вторичной стадии модернизации					
6. Регионы, развивающие (развитые) информационную (вторичную) модернизацию (на картах – красный цвет)	1	2	1	3	4
5. Регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию, подготавливая ее развитие (оранжевый)	3	3	8	4	10
4. Регионы, начинающие информационную (вторичную) модернизацию (светло-зеленый)	9	9	12	11	11
Всего таких регионов	13	14	21	18	25
Состояния (типы) модернизованности регионов на первичной стадии модернизации					

3. Регионы зрелой индустриальной (первичной) модернизации (оливковый)	7	12	20	23	29
2. Регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию (темно-синий)	45	40	29	33	23
1. Регионы, начинающие, возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию (светло-коричневый)	18	17	13	9	6
Всего таких регионов	70	69	62	65	58
Всего регионов	83	83	83	83	83

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ В МИРЕ И В РОССИИ

Дифференциация стран мира по уровню вторичной модернизации в начале XXI столетия

Используя индексы вторичной стадии модернизации (ВМ), ЦИМ АНК дифференцировал обследованные в 2010 г. страны (131) на четыре группы:

22 модернизационно развитые страны (16,8% от 131 страны): их индекс вторичной стадии модернизации (ВМ) = 80 и больше (при максимуме = 120);

26 среднеразвитых стран (19,8%): индекс ВМ = 51-79;

38 предварительно развитых стран (29%): индекс ВМ = 30-50;

45 низкоразвитых стран (34,4%): индекс ВМ = меньше 30¹⁶.

Таким образом, в 2010 г. в общем числе обследованных стран (131) отношение числа модернизационно развитых стран (22) к остальным (109) было = 0,2. Карто-схемы

Рис. 1.2. **Карты ВМ мира, 2000, 2012. (рис. 1.1)**

демонстрируют *устойчивость дифференциации* стран мира на четыре группы по индексу вторичной модернизации в 2000, 2010 гг., хотя величины их индексов меняются.

В России практически за тот же период (2000-2012) значительно повысились уровни не только первичной (достигли 97-100%), но и вторичной модернизации большинства регионов. Эти изменения хорошо видны при сопоставлении карт вторичной модернизации регионов России в 2000 г. с картами 2012 гг.

Рис. 1.3. **Карты ВМ РФ, 2000, 2012.**

Согласно индексам ЦИМ АНК (см. Приложение 2), индекс ВМ в России к 2012 г. поднялся почти на 13 пунктов (с 61,6 до 74,4). При этом только 6 регионов из 83-х (7,2%) имели индекс ВМ = 80 и больше, т.е. стали модернизационно развитыми, а остальные 77 регионов имели индексы ВМ в интервале 51-79, т.е. были среднеразвитыми, а 1 регион оставался на уровне ниже среднеразвитых. Следовательно, в России отношение развитых регионов (6) к остальным (77) было = 0,78, т.е. в 2,5 раза меньше, чем соотношение

¹⁶ *Feng Zang, Chuanqi He. World Modernization Indexes 1950 to 2010 // The 1st International Modernization Forum: Modernization and Global Change. Proceedings. Beijing, 8 and 9 August 2013. Table 4. P. 74.* Из-за отсутствия достоверных данных в мониторинге не учитываются наиболее отстающие, обычно малочисленные страны, которые еще не начали модернизацию; их население живет преимущественно благодаря охоте, рыболовству, собирательству.

соответствующих стран в мире. Это значит, что *в России неравномерность распределения числа регионов между вторичной, информационной и первичной, индустриальной стадиями модернизации в 2,5раза острее, чем между странами мира*. Тем понятнее, что для России, как и для большинства стран мира, на данном этапе главной является задача завершения индустриализации большинства регионов и их перехода во вторичную стадию модернизации.

ВЫВОД. На нынешнем этапе истории человечества приоритетной для большинства стран мира, в том числе для России, является задача продолжения и завершения индустриализации. В решении этой задачи объективно *заинтересованы также и развитые западные страны, прежде всего европейские*: чем успешнее будет она решаться, тем меньше будет острота проблем миграции населения из менее развитых стран в более развитые, равно как и проблем неокolonизаторского «миссионерства» западной цивилизации в отношении других. Одновременно развитые западные страны сохраняют возможность продолжать вторую, *информационную стадию* своей модернизации как способа созидания цивилизации, ее культуры и социума, в целом человеческих сообществ, *основанных на знаниях*.

Обострение рисков уклонения от модернизации

Во второй половине XXI столетия всемирная модернизация, по оценкам ЦИМ АНК, затронет более 190 стран (примерно 6 млрд. человек). К 2100 г. из них, согласно прогнозным оценкам:

- по-прежнему лишь около 20 стран будут модернизационно наиболее развитыми, а остальные 170 стран – развивающимися по отношению к развитым, в их авангарде окажутся 25 стран;

- стандарты вторичной модернизации 20 развитых стран будут в 5 раз выше, чем в 2005 г., а средний уровень модернизации в мире будет отставать от них на 50 лет;

- позиция каждой страны в процессе всемирной модернизации может изменяться: лидирующим странам следует постоянно защищать свои передовые позиции, а догоняющим – ускорять темп модернизации; согласно прогнозным оценкам, до 2100 г. позиции двух - четырех развитых стран снизятся и они окажутся в числе развивающихся, а позиции одной - пяти развивающихся стран повысятся и они войдут в число развитых.

*Вывод: в XXI веке возрастет неравномерность модернизации стран, а конкуренция между странами будет крайне жесткой.*¹⁷

В условиях глобализации *возрастают риски уклонения от модернизационного выбора*. Игнорирование модернизации сопровождается стагнацией и/или рецессией (деградацией) и даже гибелью страны, цивилизации. Первоочередной внешней целью/функцией модернизации становится обеспечение безопасности, независимости государства, страны.

Выбор модернизации и сам процесс ее осуществления зависят «от пройденного пути», но открыты настоящему и будущему. Вместе с тем, выбор настоящего и будущего страны через модернизацию, определение ее целей, способов и сроков, снижение возможных ущербов – ответственное дело, требующее высокой компетентности. Политические деятели должны выполнять свои задачи на основе научного анализа исторических тенденций и реального состояния своей страны, каждого ее региона, с учетом традиционных и современных ценностей населения. Осуществление модернизации предполагает целенаправленные воздействия со стороны государства и других политических сил общества. В условиях только спонтанного развития процесс модернизации лишается необходимой комплексности, становится фрагментарным, несбалансированным, дисфункциональным, нередко сопровождается революционными потрясениями.

К настоящему времени обострилось значение выбора векторов эволюции не только отдельных стран, но и целых *цивилизаций*. Необходимо осознать, что этот выбор происходит уже сейчас: каждый политический деятель и чиновник, каждый бизнесмен, особенно владельцы крупного бизнеса, каждый ученый, в том числе специалисты в области общественных и особенно - гуманитарных наук, каждый гражданин - все делают свой выбор. Основным способом практического участия в этом выборе становится отношение к процессам модернизации, участие в решении их проблем.

Раздел 2 СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

На пути модернизации российского общества встречается много проблем самого разного свойства. Среди них есть такие, которые носят системный характер и могут восприниматься как вызовы для модернизации или как потенциал развития в зависимости от того, насколько поняты эти проблемы, а общество смогло перевести их в плоскость

¹⁷ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае. М., Весь мир, 2011. С. 230-234.

политико-социальных и экономических решений, определить целевые установки и этапы. На общество, которое не смогло найти ответ, такие вызовы могут иметь разрушительное действие.

Как писал, А.Дж. Тойнби, «вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние»¹⁸.

Прогресс общества, а в случае современной России – его модернизация, зависят от способности дать адекватный ответ на вызовы внешней среды и вызовы внутренние. В успешном решении этих проблем нельзя игнорировать сложившуюся в обществе сложную систему интересов, а также соотношение и противоборство двух систем ценностей, среди которых одна ориентирована на личностный успех и развитие, а вторая исходит из интересов общества, государства и коллектива. За годы постсоветского развития произошло значительное увеличение разнообразия интересов, усложнение социальной структуры общества, появление новых социальных групп, в том числе в результате международной миграции, рост имущественного неравенства и другие процессы, сопровождающие и нередко усложняющие ход модернизации в стране.

Если рассматривать модернизацию как жизненно необходимую для страны задачу, то главные проблемы, препятствующие ее решению, можно рассматривать как внутренние вызовы, на которые нужно дать адекватный ответ. Этот ответ не может быть скоропалительным и исключает то, что называют *модернизационным прорывом*, наоборот, он требует систематической последовательной работы по созданию условий и стимулов развертывания процесса перевода страны в качественно новое состояние, приближающего его к развитым странам мира по жизненным условиям для населения, эффективной занятости трудоспособных, социальной защиты нетрудоспособных, безопасности и правопорядка, обеспечение прав и свобод личности. Эти задачи не могут решаться в режиме рывка, порыва, поскольку они затрагивают социальные формы жизни, которые обладают большой инерционной силой и требуют естественноисторического развития с приятием самим населением этих новых форм. Для каждого региона свой набор вызовов, которые требуют ответа. Задача настоящего исследования – показать их значимость для страны в целом с учетом особенностей регионов и федеральных округов.

¹⁸ Тойнби А.Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. Сост. А.П. Огурцов. - М.: Прогресс. Культура, 1996. - 607 с. - (Историческая б-ка). - Пер. изд.: Toynbee A.J. A study of history, 1934-1961. С. 118-119.

Сегодня, безусловно, необходимо разработать стратегию модернизации страны и каждого региона с учетом его социокультурных характеристик и особенностей. При этом следует учесть цивилизационное своеобразие российского общества, которое включает такие основные компоненты как географическое положение, природно-климатические условия, тип культуры, совокупность общественных отношений. Эти компоненты цивилизации исторически сложились на определенной территории и обеспечивают относительно устойчивое существование сообщества. Другое дело, насколько они способствуют наращиванию культурного потенциала членов общества, содействуют развитию человеческого потенциала. Вот здесь, в ответе на этот вопрос и раскрывается роль модернизации, которая способна увеличить возможности индивидуального развития максимального числа жителей страны, что содействует в конечном итоге прогрессу общества.

Внутренние вызовы можно условно разделить на три группы: вызовы, рождаемые природной средой и наличной территорией страны в соотнесении с другими источниками экономического роста и улучшения благосостояния населения; вызовы, определяемые количеством и качеством человеческого капитала и вызовы, исходящие из состояния институциональной среды и наличного социального капитала общества. Безусловно, проблема внутренних вызовов это комплексная проблема, охватывающая и объективные обстоятельства, связанные с уровнем предшествующего развития, и субъективные препятствия и возможности, рождаемые социокультурными особенностями и интересами населения, а также интересами и компетенциями элит.

ПРОСТРАНСТВО И ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ РОССИИ: ПРЕПЯТСТВИЕ ИЛИ СТИМУЛ МОДЕРНИЗАЦИИ?

Модернизация российского общества требует всемерного учета его пространственных характеристик. Россия - одна из немногих «больших стран»¹⁹, в которых пространство обуславливает многие процессы экономического и социокультурного развития. Внутреннее устройство страны, административное деление и соподчинение, внутренние и внешние коммуникации, самосознание граждан и их

¹⁹ Россия по территории самая большая страна мира, ее территория в 1,7 раза больше, чем Канады – второй по площади страны мира, в 1,8 раза больше площади Китая и США. При таком размере территории по численности населения Россия занимает 9 место в мире (146 млн. человек) после Китая, Индии, США, Индонезии, Бразилии, Пакистана и Бангладеш. Другой количественный показатель размерности страны – валовый внутренний продукт (ВВП) и этот же показатель на душу населения. По данным Всемирного банка Россия занимала в 2015 г. по ВВП 12-е место в мире, по ВВП по ППС на душу населения 48-е место // <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>. Эти экономико-географические характеристики страны не связаны напрямую с весом и ролью России в мире, который зависит от многих факторов, в том числе от внешней политики.

самоощущение масштабов территории, восприятие страны за рубежом и другие особенности внутреннего существования и внешнего взаимодействия зависят от пространственных характеристик. Длительное время Россия расширяла и осваивала пространство, и это способствовало ее развитию. В массовом сознании эффективность государственных деятелей России традиционно соотносится с расширением территории. Но сегодня пространственное расширение уже не может так стимулировать развитие страны, как раньше, тем более при необходимости повышения уровня жизни населения здесь и сейчас. Во многих странах, достигших высоких экономических показателей и достойного уровня жизни населения используются другие ресурсы развития, связанные с человеческим потенциалом и институциональной средой. И в России центр внимания должен переноситься на внутреннее состояние территорий. Сейчас стоят другие задачи в работе с имеющимся пространством – обустроить его для гармонического, сбалансированного развития и более комфортной жизни населения. Решение этой проблемы усложняется тем, что в стране недостаточно развита экономика, чтобы содержать такую большую территорию на необходимом уровне.

Большой размер страны оказывает как негативное, так и позитивное влияние на ее развитие. С одной стороны, обширность территории дает значительные природные ресурсы во всем их разнообразии, но с другой, богатство этих ресурсов рождает соблазн использовать данное природой физическое богатство в ущерб производству и наращиванию других - рукотворных видов богатств и нефизических ресурсов - человеческих, культурных, социальных, для решения государственных задач и повышения благосостояния населения. По данным исследования, проведенного Всемирным банком, в России природных богатств в расчете на душу населения в 2,2 раза больше, чем в США, в 5,2 раза больше, чем в Германии, в 3,4 раза больше, чем во Франции. Но существует значительное отставание от этих стран по созданному человеком богатству (предприятия, дороги, школы, больницы и т. д): оно составляет более 5 раз. Еще больше разрыв в уровне нематериальных ресурсов общества, которые характеризуют уровень и качество образования, медицинской помощи, эффективность институтов, предназначенных для управления, предоставления государственных услуг и регулирования предпринимательской деятельности: он составляет 26 раз по сравнению с США, 20 раз с Францией, 18 раз с Германией (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Богатства на душу населения (в долларах США). 2005 г.²⁰

	природные	созданный человеком материальный капитал	нематериальный капитал
Россия	31000	18000	24000
Германия	6000	98000	437000
Франция	9000	94000	482000
США	14000	100000	627000

Наличие и использование богатых природных ресурсов сыграло ключевую роль в восстановлении страны после кризиса 1990 годов. Благодаря росту цен на нефть и интеграции в мировую экономику в качестве поставщика топлива, металла, других природных ресурсов и продуктов первого передела, Россия смогла сократить бедность, развивать социальные программы, в стране увеличилась продолжительность жизни. Неравенство в доходах групп населения все еще слишком большое, но снизилось по сравнению с нестабильным периодом после распада СССР.

В России переключение с эксплуатации природных ресурсов на высокотехнологичные производства и информационные технологии, вступление в конкурентные отношения с развитыми странами мира по этим показателям – постоянно обсуждаемая проблема и поставленная руководством страны задача, но она не получает пока удовлетворительного решения. Есть ли способы развивать инновационные отрасли и при этом оставаться ресурсодобывающей страной? В других странах мира, также обладающих огромными природными ресурсами – Канаде, Австралии, Чили, Норвегии, смогли использовать доходы от них на развитие других секторов экономики, в том числе на развитие институтов и социальной сферы – здравоохранения, образования, а также частного предпринимательства. Эти страны, обладая большими запасами природных ресурсов, не стали, тем не менее, *ресурсозависимыми*, поскольку вклад в экономику других отраслей, в том числе наукоемких не уступает добывающим отраслям. В России значительная часть доходов от сырьевого сектора откладывается в долгосрочные фонды для будущих поколений и инвестируется за рубежом. России в постсоветские годы в разной степени удается избегать так называемой «голландской болезни», когда приток в страну легких денег подрывает стимулы к трудоустройству и эффективному труду, ведет к росту безработицы²¹. Такая политика предотвращает чрезмерное укрепление национальной валюты, но это означает, что на родине капитал не создается и не работает.

²⁰ «Меняющееся богатство наций: измеряя устойчивое развитие в новом тысячелетии» (2011 г.). The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium, Environmental and development, World Bank, 2011. P. 179 - 181 // worldbank.org (дата обращения: 06.06.2015)

²¹ Появление этого термина связано с неожиданными трудностями, с которыми столкнулись Нидерланды после того, как в стране в 1970-х годах было найдено месторождение газа. Непредвиденные доходы от

Для сохранения национального богатства для будущих поколений лучший способ – это развитие образования, здравоохранения, строительство качественной инфраструктуры. Отдача от этих инвестиций откладывается на какой-то период, но при этом обеспечивается более длительное получение социального и экономического эффекта.

По данным исследования в 18 странах региона Евразия, проведенного аналитиками Всемирного банка²², во многих ресурсообеспеченных странах, в том числе в России, где не отмечается рост производительности труда и эффективной занятости, проблема заключена в необходимости повысить качество государственного управления и институтов, в частности, сократить коррупцию. Нерешенность этих проблем препятствует развитию конкурентной среды, включению всех предприятий независимо от формы собственности и наличия «связей наверху» в отношении, построенные на равенстве перед законом и единых условиях для развития предпринимательской активности. Эта актуальная задача стала первоочередной и является, очевидно, более сложной, чем достигнутое в последние годы некоторое улучшение процессов регулирования малого и среднего бизнеса и снижение связанных с ними издержек. Так, в России в последние годы были предприняты меры по упрощению порядка подключения в электросетям и удешевления этой процедуры, упростился порядок открытия фирм, проще стало получать разрешения на строительство, упростился порядок регистрации и передачи прав собственности, внедрена электронная система подачи документов на экспорт и импорт и сократилось количество досмотров. По этим показателям Россия начала движение в сторону стран с благоприятными условиями для бизнеса²³. Свое положительное влияние на функционирование предприятий среднего и малого бизнеса эти меры оказали в 2012-2013 гг. и не должны ослабевать и в ближайшие годы, тем более в сложившейся кризисной ситуации в экономике России в связи с финансовой нестабильностью и западными санкциями. Выживание этих предприятий при ослабленных административных давлениях – более реальная задача, чем при сильном бюрократическом прессинге.

продажи газа привели к укреплению курса гульдена, что сделало нидерландский экспорт неконкурентоспособным, расширению социальных льгот и пособий. Действенными лекарствами от «голландской болезни» явилась система регулирования, которая позволяет частным предприятиям преуспевать, и грамотное управление государственными финансами.

²² Всемирный банк, 2014. Обзор доклада «Диверсифицированное развитие. Оптимальное использование природных ресурсов в регионе Евразии. Вашингтон, ВБ, 2014//Worldbank.org (дата обращения 08.06.2015)

²³ Мировой рейтинг по благоприятности условий для предпринимательской деятельности возглавил Сингапур. Также в список 10 стран с наиболее благоприятными условиями регулирования предпринимательской деятельности в 2015 г. вошли: Новая Зеландия, Дания, Республика Корея, САР, Гонконг, Китай; Великобритания, Соединённые Штаты Америки, Швеция, Норвегия, Финляндия. Наша страна заняла на июнь 2015 г. 51 место. Главными препятствиями развитию бизнеса стали трудности в международной торговле, защита миноритарных акционеров и получение разрешения на строительство // <http://www.doingbusiness.org/reports>

Проведение реиндустриализации и информатизации в современной России может осуществляться только при всемерном учете имеющегося в стране капитала – природного, материального, человеческого, институционального, социального. Доминирование природного капитала, ресурсозависимость экономического развития и получение дохода от него в виде ренты определяют интересы элитных групп населения, заинтересованных в эксплуатации этих ресурсов, присвоении активов и получении сверхдоходов при минимальном учете интересов населения. У населения в этой ситуации формируется вынужденный патернализм, поскольку оно также зависит от перераспределения ренты, и заинтересованы в этом не только группы пенсионеров, инвалидов, других неработающих категорий, но и работники социальной сферы и государственного обслуживания, а также работники государственных предприятий. В стране растет бюрократическая прослойка, охранные структуры, обеспечивающие безопасность финансовых потоков, бюрократических и элитных групп.

Ориентация на получение все больших доходов от природных ресурсов, появление финансовых возможностей для импортирования технологий и оборудования для добывающих отраслей и отраслей первичной переработки отсекали возможности использования внутри страны культурного капитала населения и стимулировали свертывание промышленных и сельскохозяйственных отраслей. В результате выросла зависимость от импорта, экспорт сосредоточен в основном на сырьевых ресурсах. В 2014 г. импорт машин, оборудования, транспортных средств был в 5,2 раза больше, чем экспорт этих товаров из России²⁴. Для диверсификации экономики сегодня предпринимаются правительственные меры, эффективность которых покажет время. Но очевидно, что это длительный процесс, который должен соответствовать имеющемуся в стране капиталу и его распределению по регионам страны.

Сравнительные исследования ресурсообеспеченных стран, в том числе и России, по уровню развития и качеству жизни населения показали важную тенденцию: более качественная институциональная среда в богатых природными ресурсами странах обеспечивает более высокие среднедушевые доходы, жизненный уровень и уровень социального развития²⁵. Россия не отличается высоким качеством институциональной среды и поэтому проигрывает некоторым другим ресурсообеспеченным странам в качестве жизни населения.

²⁴ Россия 2015. Стат. Справочник. М., 2015. С. 53-54.

²⁵ Казначеев П. Природная рента и экономический рост. М., 2013.

Оценивая ресурсы и успехи модернизации страны, необходимо учитывать размеры России, беспрецедентную протяженность ее границ²⁶, суровый климат на почти 64 % территории. Размеры пространства России до сих пор сохраняют за ней особое место в ряду стран и этот размер все более становится ее выдающейся характеристикой, когда другие показатели теряют свой вес при сравнении со многими странами, отдаляя Россию от наиболее развитых стран мира.

Огромные пространства России и ее природные ресурсы служат платформой развития, снабжая рентой элиты и население, но в то же время постоянно лимитируют масштабы и скорость модернизации. «Пространство России часто бывает сильнее модернизаторов и реформаторов. Его строение и ритмику, районную систему (лестницу) с ее типоразмерами, инерцию и прочие свойства следует понимать и уважать. География вслед за историей предупреждает: перескакивать в пространстве так же опасно, как во времени. Волюнтаристические крайности разрушительны ... и ведут к «кризисам размера»²⁷.

Большие размеры территории требуют дополнительных государственных затрат непроизводительного характера и сдерживают государственные инвестиции в социальную сферу и экономику. Но эти объективные трудности, которые успешно преодолены в некоторых других странах со сходными климатическими и природными условиями, например, в Канаде²⁸, усугубляются в России тем, что здесь механизмы управления неадекватны реалиям сегодняшнего мира сложности²⁹, которые требуют нового, современного подхода к их решению и учета таких социокультурных характеристик пространственного развития, которые порождены начавшимися с 90-х годов прошлого века изменениями схемы расселения, специализации экономики, системы управления, возникновением нерегулируемых миграционных потоков внутреннего и внешнего характера, демографическими и другими социокультурными проблемами.

Важной характеристикой социокультурного пространства России является одновременное существование этнокультурной гомогенности и гетерогенности³⁰. Русские

²⁶ Россия имеет границы с 19-ю странами, в том числе с двумя – морские (США и Япония), ее берега омывают 12 морей, большинство которых северные, холодные моря.

²⁷ Трейвиш А. И. Географическая полимасштабность развития России: город, район, страна и мир. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук М., МГУ, 2006.

²⁸ Канада вторая по территории страна мира – имеет значительно меньшую плотность населения по сравнению с Россией – только 3,4, тогда как в России плотность 8,6 чел. на кв.км. В этих двух странах близкий климат и система расселения, которая сосредоточена в южной части страны, северные территории в Канаде еще менее заселены, чем в России. Но Канада занимала в 2013 г. 10-е место в мире по ВВП на душу населения (51871 долл.США), а Россия - 56 место (14924 долл США)// Data refer mostly to the year 2013. World Economic Outlook Database-October 2013, International Monetary Fund. Accessed on 8 October 2013.

²⁹ Рефлективные процессы и управление: Сб. материалов IX Международн. симп. (17–18 окт. 2013 г.) / Отв. ред. В.Е.Лепский). М., ИФ РАН, 2013.

³⁰ Туровский Р. Ф. Бремя пространства как политическая проблема России // Логос, 2005, №1. С. 127-128.

составляют в России государствообразующую основу, объединяя более 80% всего населения страны. В большинстве ФО и также в большинстве субъектов федерации (82 региона из 88) русские составляют от более 50 до 95 % населения. С другой стороны, в составе России даже после распада СССР остались крайне разнородные периферии и даже ядра (в случае народов Севера) различных культурных миров Евразии. Сохранились небольшие этнические ареалы вдоль границ (Северный Кавказ, Южная Сибирь, Север). Наличие этнических периферий побуждает учитывать значительную роль национального фактора в региональной политике. Последняя, в свою очередь, оказывается в зависимости от уровня местного национализма, от исторических противоречий между русскими и другими народами, от амбиций национальных элит и человеческого капитала территорий³¹. Своеобразие этнотерриториальной структуры пространства оказывает свое влияние и на процессы модернизации регионов. Этнические окраины заметно отстают в уровне модернизации от других регионов. Модернизационное развитие страны оказывается весьма дифференцированным: от нижнего уровня первичной модернизации в некоторых окраинных регионах до средней стадии информационной модернизации, характерной для двух столиц и крупных городов. Для устойчивого развития и модернизации общества такая асимметрия представляет определенную угрозу и вызов, на который нужен адекватный ответ в виде совершенствования государственных институтов и развития преимуществ рыночной экономики.

Таким образом, большое пространство России и ее природные ресурсы, которые обеспечивали, по выражению С. Глазьева, «рост с антиразвитием», могут стать стимулом модернизации при существенном реформировании институциональной среды и системы управления. Это позволит превратить пространство в мощный фактор модернизации страны.

НАСЕЛЕНИЕ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ, СУБЪЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Население, расселение, миграции

Влияние на модернизацию пространственного фактора и ограниченность ресурсов обуславливают внимание к таким проблемам как численность населения и депопуляция в России и регионах, система расселения и массовые перемещения, противоречивость

³¹ Туровский Р.Ф. Российское и европейское пространства: культурно-географический подход // Известия РАН. Серия географическая. 1993, № 2. С 116-122.

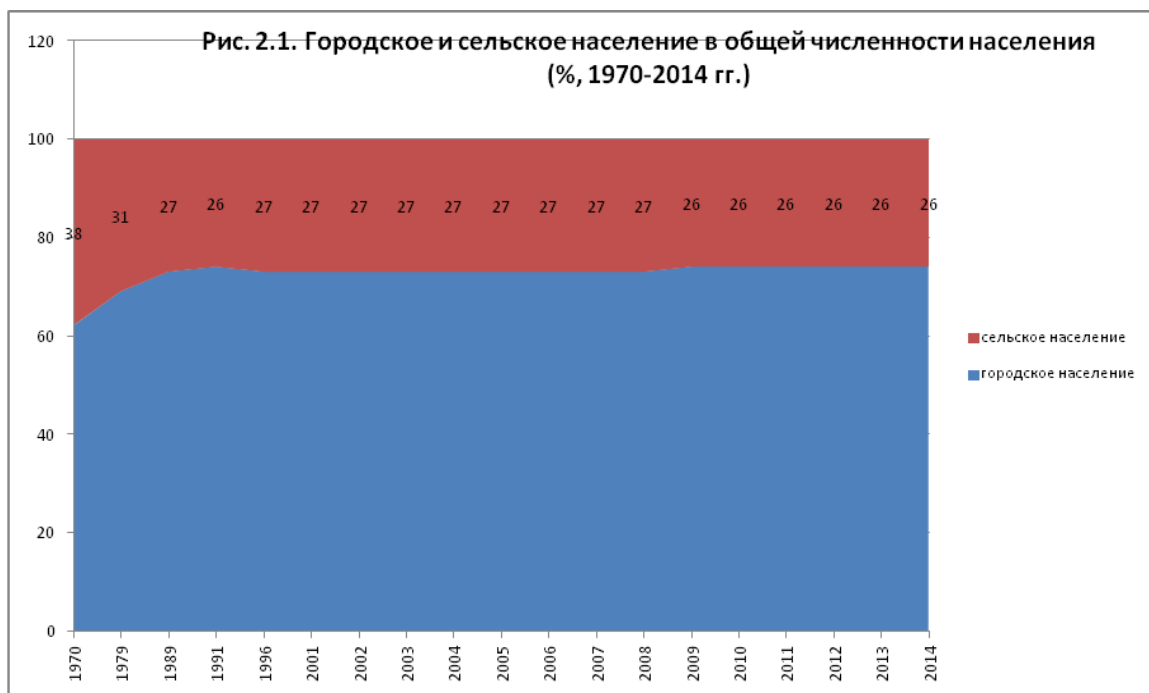
урбанизации, протекающей как вынужденный хаотичный процесс, а не фактор и следствие модернизации, а также дезурбанизация некоторых территорий.

Для решения сложных задач модернизации на огромных пространствах страны необходим достаточный человеческий потенциал - достаточный как по количественным параметрам, так и по качественным. Это тот вызов для модернизации, когда необходима четкая оценка человеческого потенциала для выработки стратегий развития и модернизации. По сравнению с 1996 г., когда население России составляло максимальное число жителей за свою историю - 148,3 млн., к 2014 г. оно сократилось почти на 5 млн., насчитывая 143,7 млн. человек³². Причины этого уменьшения могут объясняться двумя фундаментальными процессами: снижением уровня жизни вследствие тяжести либеральных реформ для основной части населения и вступлением России во второй демографический переход, связанный с современной модернизацией. К этому времени ясно обозначилась тенденция сокращения числа рождений, особенно у образованной части населения, для которой выросла значимость индивидуального развития и самореализации, что способствует изменению норм демографического поведения.

На фоне этих процессов наблюдается парадоксальное положение с внутренней миграцией. С одной стороны, население мигрирует по территории страны, что создает впечатление влияния модернизации на перемену рабочих мест и места жительства. А с другой, в течение двадцати пяти лет сохраняется нехарактерное для модернизирующихся стран устойчивое соотношение численности городских и сельских жителей. Как показано на рис. 2.1, сокращение численности сельских жителей остановилось в 1989 г., и составляет все последующие годы 26-27 % от общей численности населения³³. Городское население также стабилизировалось на уровне 73-74 % всех жителей страны. Это побуждает сделать вывод, что к 90-м годам XX в. страна подошла к этапу вторичной модернизации, но последовавшая смена модели общественного развития, периодические кризисы и деиндустриализация экономики остановили урбанизацию страны. С начала 90-х годов миграционный отток из села в город резко сократился. Более того, отмечалось незначительное переселение горожан в сельскую местность.

³² Российский статистический ежегодник. 2014. Табл. 4.2. По данным Росстата, на 1 января 2015 г. с учетом Крыма и Севастополя население страны составило 146,3 млн. человек.

³³ Российский статистический ежегодник. 2014. М., 2014. С. 67.

По данным 2015 г. в стране было 1127 городов, из них 15 - с населением более 1 млн. жителей. Почти во всех городах-миллионниках к началу 2015 г. численность населения увеличилась за последние 5 лет (табл. 2.2). Исключение составляет только Волгоград, где население немного сократилось. Но вот по сравнению с 1989 г. – концом советского периода, когда процессы социалистической урбанизации достигли своего апогея, эти процессы шли очень неравномерно, в том числе и по причинам административных реформ. Лидер в росте населения - Москва, чье население увеличилось за 25 лет в 1,4 раза, в С-Петербурге рост составил только 1,04, в Воронеже – в 1,16 раза. А в трех городах-миллионниках – Нижнем Новгороде, Самаре и Перми - численность населения даже сократилась за последние 25 лет. Но в целом численность населения городов-миллионников выросла за 25 лет на 7 млн., при этом почти половину прироста дала Москва.

Для крупных городов страны с численностью жителей от 500 тыс. до 1 млн. человек характерна тенденция увеличения в последние 2-3 года, но по сравнению с 1979 г. численность населения этих городов сократилась в целом на 1,2 млн. человек. Эта же тенденция выражена во всех группах городов с численностью 500 тыс. человек и менее. Как видим, в стране, которая держит курс на модернизацию, не происходит заметных сдвигов в урбанизированности населения, и пока не удастся достичь того уровня, который был в конце советского периода. Думается, основная причина такого положения – разрушение промышленных предприятий за годы либеральных реформ и медленное восстановление индустриального потенциала страны, который сосредоточен в городах.

Таблица 2.2

Население городов-миллионников России³⁴
(1989-2010-2015 гг., тыс. человек)

№	№ в 1897	Город	1989 12.01	2010 14.01	2015 01.01
1	2	Москва	8 878	11 504	12 198
2	1	Санкт-Петербург	4 989	4 880	5 192
3		Новосибирск	1 420	1 474	1 567
4	36	Екатеринбург	1 296	1 350	1 428
5	9	Нижний Новгород	1 400	1 251	1 268
6	5	Казань	1 094	1 144	1 206
7	41	Челябинск	1 107	1 130	1 183
8	10	Омск	1 149	1 154	1 174
9	80	Самара	1 222	1 165	1 171
10	6	Ростов-на-Дону	1 008	1 089	1 115
11	28	Уфа	1 080	1 062	1 106
12	55	Красноярск	869	974	1 052
13	34	Пермь	1 041	991	1 036
14	11	Воронеж	882	890	1 024
15	19	Волгоград	999	1 021	1 017

Сельские поселения за годы реформ также были подвержены определенным сдвигам, прежде всего в сторону укрупнения. Если общее число населенных пунктов за 1989-2010 гг. практически осталось неизменным, то с числом жителей 5001 и более выросло в 1,34 раза, 3001-5000 человек – в 1,22 раза. Все прочие более мелкие сельские поселения сократились в своем числе, за исключением самых малых – до 10 человек. Количество так называемых «вымирающих» деревень с числом жителей до 6 человек с 1989 по 2010 гг. увеличилось в 2,5 раза, а с числом от 6 до 10 человек осталось практически постоянным за эти годы. В 2010 г. на территории страны существовало 55,6 тысяч сельских населенных пунктов с числом жителей до 10 человек³⁵. Проблемы социального обслуживания этих жителей, низкое качество жизни и социальная деградация стоят в этих удаленных от модернизации поселениях достаточно остро. Особенно сильно ударила по жителям этих поселений реформа здравоохранения, которая даже в таком виде иногда рассматривается как элемент модернизации общества.

³⁴ Российский статистический ежегодник. 2015. М., 2015. С. 84; Российский статистический ежегодник. 2003. М. 2003. С. 86.

³⁵ Российский статистический ежегодник. 2015 г. М., 2015. С. 84.

В современной России точки развития локализованы преимущественно в центрах регионов и крупных городах. В их ряду такие исключительные территории развития как Москва и столичная область, а также Санкт-Петербург и Ленинградская область. Их притяжение для инвестиций, для молодых образованных жителей всей России усиливает эффект асимметричного строения пространства. Сейчас более 86 % валового регионального продукта производится в пяти ФО Европейской части страны и здесь же обитает 73,6 % населения³⁶. Впервые в истории России наблюдается процесс стягивания населения с Севера и Востока к наиболее заселенному европейскому Центру, остальная территория все более обретает статус периферии. В результате происходит снижение плотности населения на больших пространствах Востока и Севера, что препятствует модернизации этих регионов. Здесь присутствует так называемое «очаговое» расселение, концентрирующееся вокруг природных баз ресурсов, объектов инфраструктуры. В восточных регионах не удалось создать мощного полюса развития, где население настолько самоидентифицировало бы себя с «местом», что не включалось бы в процессы внутренней миграции. Эти процессы могли бы и не состояться, если бы была создана такая транспортная инфраструктура, которая позволяла бы не чувствовать оторванности от остальной России.

Перемещение населения к европейскому ядру ведет к усилению роли двух столиц и крупных городов (в основном миллионников) европейской части страны как центров модернизации. В азиатских регионах России, которые продолжают терять население вследствие внутренней миграции, таких центров модернизации относительно меньше, чем в европейской части страны, и расположены они на более значительном расстоянии. Это формирует огромную своего рода «периферию периферий», усиливает поляризацию пространства страны. Создается эффект иерархии отдельных фрагментов социокультурного пространства России или даже присутствие нескольких социокультурных Россий на пространстве страны. И дело, конечно, не только в сокращении численности населения периферийных районов, а в том, что в них сохраняется и, более того, углубляется отставание в развитии социальной инфраструктуры: образования, здравоохранения, культуры, транспортной доступности и других институтов, формирующих качественные параметры жизни, от столичных и крупнейших городов страны. Насущную проблему для населения периферийных районов представляет доступность социальных объектов (образования, медицины, культуры) в связи с их концентрацией в крупных населенных пунктах. Это значит,

³⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М. 2015. С. 18 – 20.

что часть населения страны не получает стандартные социальные услуги, и в этом смысле социальная эксклюзия граничит с социальной дискриминацией.

Происходившие в течение нескольких столетий изменения в направлении центр - периферия, в масштабе мезо- и микрорайонов, сетей поселений разного ранга и статуса, общее расширение и растяжение пространства в досоветский и советский период обернулось его сжатием, поляризацией и разрывами, вторичным демо-экономическим опустыниванием и социальной деградацией. Стране не хватило сил для разрешения этого противоречия и пружин внутренней самоорганизации, адекватной масштабу внутренних проблем и внешних амбиций сверхдержавы³⁷.

Неравномерность развития регионов и федеральных округов в результате усиления асимметричности социального пространства страны наглядно демонстрируют процессы внутренней миграции населения. Население всегда идет вслед за рабочими местами и качеством жизни при наличии свободы такого перемещения. К сожалению, внутренняя миграция недостаточно анализируется в современных публикациях. Внутренние миграции, несмотря на слабую подвижность населения по сравнению с западными странами, обрели четкие направления в России: основные потоки идут из регионов Дальнего Востока и Севера к европейской части страны, из малых городов в крупные и мелких сельских поселений в крупные.

Миграция - это не простое движение населения по территории страны, это общественный процесс, ведущий к изменению демографической структуры как принимающих, так и отдающих население территорий, их трудового потенциала, возрастной, образовательной структуры, этнического состава. В результате миграционных процессов усиливается существующая диспропорция в распределении населения по территории страны, уменьшается плотность населения на малолюдных и безлюдных пространствах. Начиная с 90-х годов XX века направление внутрироссийских миграционных потоков поменялось на противоположное. «Западный дрейф» внутри страны был образован двумя потоками перемещений – из северных и восточных регионов в центральные и юго-западные, впервые за всю историю России наблюдалось снижение численности населения Дальнего Востока. В результате усугубилась проблема неравномерности плотности населения на территории страны, что наглядно демонстрирует карта плотности населения по муниципальным образованиям РФ (см. рис. 2.2).

³⁷ Трейвиш А. И. Географическая полимасштабность развития России: город, район, страна и мир. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук М., МГУ, 2006.

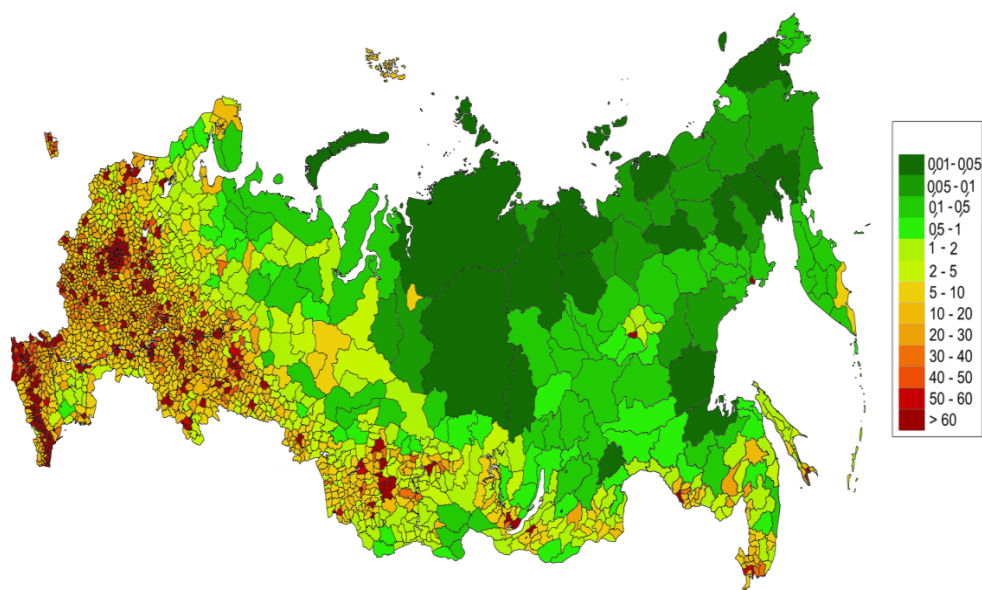

Рис. 2.2. Плотность населения муниципальных образований в РФ³⁸
(человек/кв.км, на 01.01.2013 г.)

Плотность населения по ФО различается в сотни раз. Даже если исключить из сравнений города-столицы субъектов Российской Федерации, плотность населения в регионах европейской части страны и в азиатской части отличается разительно.

Росту плотности населения восточных и северных регионов препятствуют депопуляция и межрегиональная миграция. Свою лепту в изменение численности населения округов вносит и международная трудовая миграция, в основном из стран СНГ. В таблице 2.3 представлены коэффициенты общего, а также миграционного и естественного прироста (убыли) населения по федеральным округам в 2012, 2013 и 2014 гг. Как можно видеть, в Центральном и Северо-Западном округах наиболее заметен миграционный прирост населения (в среднем за 3 года 5,9 % и 5,7 % соответственно). В Южном и Уральском округах прирост заметно меньше (3,5 и 1,0 % соответственно), а в остальных округах – Северо-Кавказском, Приволжском, Сибирском и Дальневосточном наблюдаются устойчивые отрицательные показатели миграционного прироста. В трех округах – Центральном, Северо-Западном и Южном миграционный прирост компенсировал естественную убыль населения, в Северо-Кавказском, Уральском и Сибирском общий прирост в основном обеспечивался за счет естественного прироста. А в одном округе – Приволжском - и естественный прирост и миграционный имеют отрицательные значения все три последние года.

Таблица 2.3

Коэффициенты приростов (сокращения) численности постоянного населения федеральных округов Российской Федерации (2012 - 2014 гг., без Крымского федерального округа)³⁹

³⁸ <http://www.statdata.ru/> (дата обращения: 17.08.2015).

	Коэффициенты прироста численности населения (на 1000 среднегодового населения)		
	общий	естественный	миграционный
Российская Федерация			
2014	2,1	0,2	1,9
2013	2,2	0,2	2,1
2012	2,0	-0,03	2,1
Центральный федеральный округ			
2014	3,4	-2,2	5,6
2013	3,6	-2,3	6,0
2012	3,7	-2,6	6,2
Северо-Западный федеральный округ			
2014	3,1	-1,0	4,1
2013	6,0	-1,2	7,2
2012	4,2	-1,6	5,8
Южный федеральный округ			
2014	2,9	-0,5	3,4
2013	3,9	-0,6	4,5
2012	1,9	-0,8	2,7
Северо-Кавказский федеральный округ			
2014	7,2	9,3	-2,1
2013	5,2	9,1	-4,0
2012	5,0	9,2	-4,1
Приволжский федеральный округ			
2014	-0,8	-0,6	-0,2
2013	-1,1	-0,6	-0,5
2012	-1,3	-0,7	-0,6
Уральский федеральный округ			
2014	3,4	2,7	0,7
2013	3,0	2,7	0,3
2012	4,4	2,5	1,9
Сибирский федеральный округ			
2014	1,0	1,4	-0,4
2013	0,8	1,5	-0,8
2012	0,9	1,3	-0,4
Дальневосточный федеральный округ			
2014	-2,5	1,5	-4,0
2013	-4,0	1,3	-5,3
2012	-2,3	0,9	-3,2

Внутри каждого федерального округа *большие* показатели миграционного прироста показывают регионы с более высоким уровнем модернизации. Так, в

³⁹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. М., 2015. Табл. 10; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 года. М., 2014. Табл. 10; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. М., 2013. Табл. 13.

Центральном округе это Московская область (коэффициент миграционного прироста 157), Москва (коэффициент 89); в Северо-Западном округе Ленинградская область (156) и Санкт-Петербург (148); в Южном округе - Краснодарский край (87); в Приволжском Федеральном округе – Нижегородская (21) и Самарская (16) области; в Уральском округе – Тюменская область (59) и Ханты-Мансийский автономный округ (32); в Сибирском округе Новосибирская (80) и Томская (45) области. В Дальневосточном округе все регионы показывают отрицательный прирост, максимальный отрицательный показатель в Магаданской области (-137). Для преодоления этой тенденции необходима комплексная государственная программа развития региона, которая переломит сложившуюся тенденцию выезда с Дальнего Востока специалистов (среди выехавших с момента распада СССР 2 млн. человек, 70 % составляли квалифицированные специалисты). По данным ВЦИОМ, почти 40 % населения восточных регионов выражают желание покинуть место своего жительства. С выездом старожильческого населения Дальнему Востоку грозит новая колонизация со стороны зарубежных компаний, которых привлекают огромные природные богатства региона и возможность использовать дешевую рабочую силу из сопредельных государств. Необходимо рассматривать Дальний Восток как важнейший регион развития России и создавать там такие производства и инфраструктуру, которые бы обеспечили населению хороший уровень жизни и желание работать и жить на этой территории. Остановить поток мигрантов в центральные регионы представляется более важной и реальной задачей, чем массовое переселение из центральной России на Восток.

Особая ситуация с миграционными проблемами в Северо-Кавказском округе, которую стоит специально объяснить. Здесь большой коэффициент миграционного прироста с 2011 г. по настоящее время показывает Республика Ингушетия (92) при отрицательных значениях коэффициента по округу в целом. В эту республику приезжают мигранты преимущественно из Узбекистана, Азербайджана, Казахстана. Из Казахстана все еще возвращаются на свою историческую родину на постоянное место жительства ингуши, потомки депортированных. Причины такого потока мигрантов, по оценкам представителей миграционной службы Ингушетии, доброжелательное отношение к ним местного населения, близость религиозных воззрений. Местные жители не проявляют никакой национальной неприязни, что нередко встречается в других регионах страны. Одна из причин такого отношения состоит в том, что ингуши, перенесшие тяготы депортации 1944 года, помнят то хорошее, что было проявлено в отношении ингушей представителями этих регионов⁴⁰.

⁴⁰ Газета «Ингушетия». 2012. № 69-70

Нужно учитывать, что статистический учет мигрантов недостаточно полный, поскольку существует большой слой так называемых нелегальных мигрантов, в основном тех, которые не выехали из России после окончания оформленного срока пребывания на территории страны.

В течение последних лет Россия принимает в год до 600 000 мигрантов, их общее число достигает, по разным оценкам, от 7 до 12 млн. человек, т.е. от 5% до 8% населения страны. Формированию поликультурного общества препятствует существенное различие религиозных и культурных традиций большинства принимающего населения и иммигрантов. Многие мигранты задерживаются, как правило, только на срок работы, позже уезжая в свою страну. Отсутствие перспектив для постоянного жительства, соединения с семьей не способствует повышению квалификации приезжих для занятия более престижного места на рынке труда, успешной адаптации к новому социокультурному окружению. Неблагоприятная социальная среда, риски проживания иммигрантов в России вызвали сокращение приезда в страну более квалифицированных работников, знающих русский язык. Иммигранты из сельских районов среднеазиатских республик, плохо или совсем не знающие русского языка, их простой и дешевый труд, полная зависимость от местных коррумпированных бюрократов и работодателей, работа на подпольных предприятиях, занятость в криминальном бизнесе порождают значительную напряженность в регионах. Проблема не может решаться только налаживанием межкультурного диалога и развитием толерантности, хотя они и способны оказать свое позитивное влияние. Ее глобальное решение возможно только путем модернизации производств в России и привлечения для работы на них квалифицированных кадров иммигрантов. Сейчас неограниченный доступ на рынок труда мигрантов из ближнего зарубежья выстраивает своего рода препятствия для реиндустриализации и модернизации экономики и не создает мотивации у руководителей предприятий для развития современных технологий. Исследования в регионах показали, что самая большая доля местного населения, отмечающего напряжение в отношениях с приезжими, – в Новосибирской области (45%), одном из наиболее развитых регионов России, самая меньшая доля – в Чувашии (11%), в регионе с меньшими доходами населения. Факторы, влияющие на отношения с приезжими в регионах многочисленны, и требуют специального углубленного анализа. Основным стимулом для приезда иммигрантов является социально-экономическая привлекательность региона. Чрезмерный поток приезжих вызывает рост напряжения в отношениях с местными жителями.

Другая ситуация складывается в регионах с сокращающимся населением на давно освоенных территориях Центра. Показательна в этом отношении Смоленская область, где

существует значительный отток местного населения, прежде всего – молодежи. На фоне депопуляции приезд большого числа лиц с иной культурной традицией воспринимается жителями остро негативно. Это относится и к международной миграции и особенно к внутренним мигрантам с Кавказа. По данным опроса «Левада-центра», проведенного в 2013 г., 54 % россиян считали, что в России нужно ограничить проживание «выходцев с Кавказа»⁴¹.

Между тем мигранты становятся системными элементами социальной структуры российского общества и постоянными участниками рынка труда. Необходимо разрабатывать стратегию адаптации их к жизни в России, укоренения их в стране. Дело в том, что мигранты нужны России не только как рабочая сила (тем более, почти всегда сезонная), но как полноценные граждане страны. При этом важно избегать возникновения гетто в крупных городах, где взаимоотношения мигрантов с коренными жителями, особенно с молодежью – одна из острейших проблем, нельзя также допускать доминирования иммигрантских общин в небольших населенных пунктах.

Необходима внятная миграционная политика, регулирующая поток мигрантов и исключаящая нелегальную миграцию, важно адаптировать мигрантов к жизни в России, в том числе с использованием их социокультурных ресурсов.

Свою негативную роль на развертывание модернизации в России оказывает эмиграция последних 20-ти лет. Она слабо изучена – ее масштабы, качественный состав, географические направления оцениваются весьма приблизительно. Но можно констатировать, что эта миграция в основном не имеет экономических мотивов, по крайней мере, этот мотив не является ведущим. Эмигрируют в основном представители среднего класса с хорошим образованием – от студентов до крупных ученых и артистов. Первые волны эмиграции в начале 90-х годов создали плацдарм для последующих волн. По некоторым оценкам, выехало из страны около 2 млн. человек. Сейчас по 300 тыс. насчитывают диаспоры в Берлине и Лондоне, сколько в США и в европейских странах, неизвестно. Особенностью эмиграции является поддержание связей с Россией, сохранение российского гражданства, часто сохранение недвижимости, но возвраты на постоянное место жительства в Россию крайне редки. Как правило, возвращаются только те, кто достиг потолка карьеры и имеет хорошие предложения на Родине. Согласно социологическим данным, потенциал миграции из России вырос за последние 10 лет. Сегодня навсегда уехать из России хотели бы 13 % населения, что в два раза больше, чем 10 лет назад, еще 35 % готовы уехать за рубеж на заработки. Среди молодежи желающих

⁴¹ Общественное мнение – 2013. Ежегодник. М., 2013. С. 197.

уехать еще больше⁴². Россия заняла на всемирном рынке место поставщика материальных ресурсов и образованных представителей среднего класса, одновременно продолжая двигаться в направлении деиндустриализации экономики и снижения уровня человеческого капитала.

Демографические проблемы (переход?) и человеческий капитал в России

Существенным вызовом для модернизации страны является состояние демографических проблем, осознание их сложности и возможностей регулирования со стороны общества. Времена, когда можно было делать ставку на безграничные людские ресурсы России, безвозвратно ушли в прошлое. Современная модернизация, с учетом огромности пространства страны, возможна только при сбережении «человеческого капитала». Его показателями служат численность населения, его здоровье, ресурсы воспроизводства, образование, соотношение возрастных категорий, численности и соотношение лиц рабочих и нерабочих возрастов, сельского и городского населения, другие характеристики. Россия с некоторым запаздыванием по сравнению в Европой продолжает находиться в так называемом демографическом переходе, - переходе от многовекового равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. И по своей сути, и по своим последствиям этот переход представляет собой подлинную революцию, которая кардинально обновляет, модернизирует тысячелетние социальные механизмы, управляющие воспроизводством человеческих поколений⁴³.

Уже сейчас в России можно отметить некоторые итоги демографического перехода: за последние 20 лет было достигнуто равновесие между численностью родившихся и численностью умерших при низких показателях рождений. В результате в 2012 г. естественный прирост практически был нулевым, а в 2013 г. наметился естественный прирост населения.

Оценки таких данных различные – от оптимистических до пессимистических. По мнению С.В. Захарова, прирост в 2013 году скорее случаен, чем закономерен. Самым мощным фактором, который привел к снижению числа смертей в России в 2013 году, Захаров назвал возрастную структуру населения – сейчас в возрастах максимальной смертности находится самое малочисленное население в стране⁴⁴.

⁴² Доклад «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике». Под ред. академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. М., 2013. С. 33// сайт РАН

⁴³ Демографическая модернизация России: 1900-2000. Под редакцией Анатолия Вишневого. М., Новое издательство, 2006. С. 9.

⁴⁴ Демографическая модернизация России: 1900-2000. Под редакцией Анатолия Вишневого. М., Новое издательство, 2006. С. 9.

Естественный прирост населения может стать и положительным в ближайшие годы, но лишь на непродолжительное время и на незначительном уровне. В этом Россия приблизилась к развитым европейским странам. Но у России есть существенное отличие от этих стран, а именно – более высокая смертность населения и более высокая рождаемость, которая все же устойчиво не восполняет убыль населения. Так, в России коэффициент смертности в 2012 г. составлял 13,3 на тысячу человек населения, а в развитых европейских странах от 9,6 в Финляндии до 8,2 в Нидерландах; коэффициент рождаемости в России 13,3, тогда как, например, в Финляндии 11,0, в Нидерландах 8,4⁴⁵. Такая низкая рождаемость характерна для стран на постиндустриальной стадии развития с высоким уровнем индивидуальной свободы и выбора, высоким стандартом социально-экономических условий жизни.

Увеличение продолжительности жизни в стране в последние годы является большим достижением на фоне существующих недостатков в системе здравоохранения. В целом по населению ожидаемая продолжительность жизни составляет 70,24 лет, при том, что этот показатель у женщин на 11 лет больше, чем у мужчин. Развитые европейские страны опережают Россию по продолжительности жизни на 8 – 10 лет (соответственно Австрия и Великобритания) в целом по населению, при этом разница между мужчинами и женщинами составляет только 5,6 и 4 года соответственно⁴⁶. В России более высокий уровень смертности мужчин, чем женщин по всем причинам кроме болезней системы кровообращения. Но уровень смертности от этих болезней очень высокий – 714,7 у мужчин и 756,5 у женщин на 100000 человек. Самый большой отрыв мужчин от женщин в показателе смертности по внешним причинам - 3,9 раз (225 у мужчин и 58,1 у женщин)⁴⁷. Не нужно пояснять, что это за внешние причины в России. Их устранение не только медицинская, но, скорее социокультурная проблема, проблема качества и образа жизни. В России велика смертность населения рабочих возрастов, высокая общая заболеваемость населения – в 2012 г. на каждую 1000 человек населения было зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни 703,9 человек⁴⁸, велика доля в населении инвалидов – 13 082 тыс. человек в 2013 г. Каждый девятый человек в стране – инвалид, максимальная доля инвалидов в СЗФО – 111,9 человек на 1000 населения, минимальная – в ДВФО – 69,3⁴⁹. Основные факторы инвалидизации населения регионов – демографические, генетические, экологические, уровень развития

⁴⁵ Демографический ежегодник. 2013. М., 2013. Табл. 9,3

⁴⁶ Россия и страны-члены Европейского Союза. 2012. М., 2012. С. 44.

⁴⁷ Демографический ежегодник. 2013. М. 2013. Табл. 6.4

⁴⁸ Российский статистический ежегодник. 2012. М. 2013. С. 75.

⁴⁹ Здравоохранение в России -2013. М., 2013. С. 160-161.

здравоохранения, опасные и вредные производства в регионе, условия труда, уровень образования, уровень и качество жизни и т.д.

В 2012 - 2014 гг. в России происходил небольшой рост рождаемости (табл. 2.4).

Таблица 2.4

Родившиеся, умершие и естественный прирост населения в России⁵⁰

Годы	На 1000 человек населения			Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми
	родившихся	умерших	естественный прирост	
1992	10,7	12,2	-1,5	18,0
2002	9,7	16,2	-6,5	13,3
2012	13,3	13,3	-0,0	8,6
2013	13,2	13,0	0,2	8,2
2014	13,3	13,1	0,2	7,4
Городское население				
1992	9,8	11,5	-1,7	17,6
2002	9,4	15,4	-6,0	12,7
2012	12,8	12,8	0,0	8,1
2013	12,8	12,5	0,3	-
2014	12,9	12,6	0,3	-
Сельское население				
1992	13,2	14,1	-0,9	19,1
2002	10,5	18,2	-7,7	14,9
2012	14,7	14,8	-0,1	10,1
2013	14,5	14,5	0,0	-
2014	14,4	14,5	-0,1	-

Но в первом полугодии 2015 г. показатели рождаемости вновь понижаются: за первые 5 месяцев 2015 года родилось на 16,7 тысячи меньше детей, чем за аналогичный период прошлого года. На 1 тысячу человек сейчас рождается 12,6 человека - этот показатель меньше, чем в предыдущие 3 года. По мнению экспертов, на снижение рождаемости влияет неуверенность граждан в завтрашнем дне, демографическая ситуация и экономический кризис.

Как показано в табл. 2.4, некоторое сокращение в последние годы демонстрировали показатели смертности населения, которые, тем не менее, в первой половине 2015 г. вновь показали тенденцию к росту. В январе-июне 2015 года смертность населения России выросла в целом на 2,8% по отношению к первому полугодью 2014 года, при этом выросла смертность жителей в возрасте от 30 до 45 лет. Об этом заявила министр здравоохранения России Вероника Скворцова. "Ужас в том, что при вскрытии погибших пациентов в 70% случаев выявляется алкоголь в крови. Впервые за последние годы увеличилось количество суицидов, алкогольных отравлений, не поставленных при жизни

⁵⁰ Демографический ежегодник России. 2015. М. 2015. С. 37-39.

диагнозов пневмонии у асоциальных групп населения»⁵¹. По уровню смертности среди мужчин Россия продолжает занимать последнее место среди населения Европы и Средней Азии.

Самый большой рост смертности в первом полугодии 2015 года по сравнению с аналогичным периодом 2014 года зафиксирован в трех федеральных округах: Крымском (4,6%), Уральском (4,4%) и Северо-Западном (4,1%). Среди регионов с наихудшими показателями: ЯНАО (рост смертности — на 12%), Республика Карелия (на 9,3%), Сахалинская область (на 8,3%), Костромская область (на 6,4%), Саратовская область (на 5,9%), Липецкая область (на 5,5%). Отрицательную динамику демонстрируют и обе столицы. В Москве рост смертности составил 4,9%, в Санкт-Петербурге — 4,7%. А сильнее всего выросла смертность в г. Севастополе - на 14,3%. В этом городе увеличилось число суицидов (на 10,9%) и смертельных ДТП (16,2%). В то же время в 10 российских регионах по результатам полугодия зафиксировано снижение смертности более, чем на 1%: в Ненецком автономном округе (4%), Тыве (3,3%), в Московской области (на 2,8%), Рязанской области (2%), Дагестане (1,9%), Карачаево-Черкесской республике (1,2%), в Магаданской и Амурской областях, Ингушетии и на Чукотке (1,1%). Еще в 8 регионах этот показатель составил менее 1%⁵².

Смертность сельского населения традиционно выше, чем городского, как и рождаемость на селе выше рождаемости в городах, но постепенно происходит сближение этих показателей и на селе устанавливается равновесие относительно низкой смертности и относительно низкой рождаемости.

Наиболее важный достигнутый показатель – снизившийся коэффициент младенческой смертности – более чем в 2 раза по сравнению с 1992 г., что приблизило Россию к европейским странам по этому показателю (здесь коэффициент менее 5). В последующем этот показатель продолжил снижение, достигнув за первое полугодие 2015 года 6,6 на тысячу родившихся живыми, уменьшившись относительно предыдущего года на 13,2%. Но на фоне благоприятных общероссийских показателей в отдельных регионах ситуация просто катастрофическая. Так, по данным Росстата в Псковской области смертность детей в возрасте до 1 года выросла на 86%, на втором месте по этому показателю Калужская область (44,8%), следом идут Карачаево-Черкесия (38,5%), Республика Марий Эл (38%), Смоленская область (38%), Орловская область (36,6%), Мурманская область (35,2%), Кабардино-Балкария (30%), Ярославская область (25,9%)⁵³.

⁵¹ Gazeta.ru, 3 августа 2015 г.

⁵² medportal.ru/mednovosti/news/2015/08/04/601mortality/

⁵³ <http://medportal.ru/mednovosti/news/2015/08/04/601mortality/>

Экономический кризис вносит свои коррективы в наметившуюся тенденцию стабилизации естественного прироста населения в целом по России. Эксперты не исключают новой волны роста смертности и сокращения рождаемости, называя среди причин увеличение бедности в условиях кризиса, неудачные реформы в здравоохранении и ослабление антиалкогольной политики. Преодолению негативных тенденций в естественном приросте населения могут служить меры, способствующие повышению рождаемости, включающие пособия, налоговые выплаты, программы и законодательства по поддержке совмещения родителями воспитания детей и трудовой занятости: доступ к услугам детских садов, яслей, нянь, гибкие графики для работников с семейными обязанностями. По мнению экспертов, в условиях кризиса меры, стимулирующие экономическую активность родителей, будут сильнее способствовать росту рождаемости, чем пособия по бедности⁵⁴. Сокращению смертности может способствовать также только комплекс мер: по оздоровлению образа жизни, сокращению алкогольной зависимости, улучшению здравоохранения, сокращению производств с вредными и опасными условиями труда.

По данным Росстата в 2014 году средняя продолжительность жизни в России составляла 69,37 лет (63,93 года среди мужчин и 75,35 лет среди женщин). При этом в городе средняя продолжительность жизни больше, чем на селе, практически на 2 года⁵⁵.

Рассмотренные процессы естественного движения населения позволяют утверждать, что в России напряженность с демографическими ресурсами, их явный дефицит будут только усиливаться. По среднему варианту прогноза Госкомстата, население России с 2014 по 2030 г. уменьшится на 1 млн. 942 тыс. человек, при этом сократится численность трудоспособного населения с 59,3 % до 54,6 % от общей численности населения, что соответственно повысит коэффициент демографической нагрузки с 688 до 831 человека нетрудоспособных на 1000 человек трудоспособных. При этом одновременно прогнозируется снижение естественного прироста до -4,6 на 1000 человек. Основным сглаживающим фактором депопуляции останется иммиграция, которая в 2030 г. должна составить 340,9 тыс. человек, а всего с 2010 до 230 г. по среднему прогнозу Росстата в Россию иммигрируют 6,8 млн. человек⁵⁶.

⁵⁴ Надвигающаяся демографическая катастрофа и как ее предотвратить (прогнозы демографического будущего России в условиях экономического кризиса). Экспресс-доклад. 2015 // http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_afm&task=files.download&cid=203 (Дата обращения 23.08.2015).

⁵⁵ Демографический ежегодник России. 2015. М., 2015. С. 44.

⁵⁶ Предположительная численность населения российской Федерации до 2030 года. Стат. Бюллетень. М., 2013 // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения 19.05. 2014)

Неустойчивость прироста (убыли) населения, его зависимость от внешней миграции (в основном низкоквалифицированных работников) заставляет признать, что демографические проблемы выходят на первый план в развитии страны по пути индустриализации и модернизации. По прогнозам, численность экономически активного населения с высоким уровнем человеческого капитала будет относительно снижаться, что будет ограничивать возможности экономического роста и модернизации. По индексу человеческого развития Россия занимала в 2012 г. 55 место с показателем 0,778⁵⁷. И хотя Россия поднялась с 58-го места на 55-е в мировом рейтинге по сравнению с 2007/2008 гг., но некоторые страны более активно совершенствовали образование, здравоохранение, культуру и добились больших успехов в развитии человека, в увеличении продолжительности его жизни, подняв общую планку сравнений. Слишком «экономное» и неэффективное вложение в развитие человека и культуры и сегодня, и в долгосрочном плане способно оказать негативное влияние на развитие модернизации в стране. Инновационная экономика может создаваться только одновременно с повышением качества человеческого капитала и его стоимости внутри страны.

Итак, рассматривая тенденции демографического развития в России на фоне европейских стран, можно увидеть близость следующих процессов: депопуляция, старение населения, увеличение демографической нагрузки. Эти процессы в России идут с отставанием и в другой экономической и социальной среде, чем та, которая существует в развитых странах Европы. Россия сталкивается с необходимостью учитывать все отмеченные тенденции демографического перехода и в то же время стоит перед вызовами своего огромного пространства, требующего объективно большего числа жителей.

Осуществление модернизации в этих условиях - более трудная задача, поскольку в России более низкий уровень человеческого развития, более низкая производительность труда, более низкий уровень модернизации экономики, хуже развита социальная сфера. Для прохождения всех этапов, которые уже прошли развитые страны, необходимы достаточные демографические ресурсы, которые будут очень ограничены в России в предстоящие два десятилетия.

Россия, находясь вместе с другими странами в демографическом переходе от традиционной к современной, модернизированной демографической структуре, еще не в полной мере реализовала некоторые фазы этого перехода и не добилась устойчивых результатов. И не только количественных. Одновременно со вторым демографическим переходом, который осуществлялся в 60-70 гг. прошлого века, в западных странах

⁵⁷ Доклад о человеческом развитии. 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. NY, 2013. С. 148. // http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2013_summary_ru.pdf

произошла смена приоритетов в экономике, образовании, здравоохранении, социальном страховании. Ухудшающиеся демографические показатели нашей страны требуют акцентировать внимание на проблемах качества человеческого капитала и для этого Россия также должна сменить приоритеты, больше уделять внимание инновационной экономике, развитию образования и здравоохранения. Одновременно остро необходимо привлекать в страну квалифицированных работников из-за рубежа. Следует признать, что перспективы увеличения численности населения России, так необходимого для освоения огромного пространства страны, зависят в основном от иммиграционного прироста населения. При этом важно, чтобы человеческий капитал повышал свое качество, а не «размывался» за счет низкоквалифицированных групп мигрантов.

Человеческий капитал и субъекты модернизации в России

Несмотря на то, что руководство страны настойчиво выдвигает задачи достижения параметров развитых стран мира, государственные институты, массовые социальные практики населения, привыкшего жить в режиме патернализма, тормозят решение этих задач. Вместе с тем, за предшествующие периоды накоплен значительный культурный и образовательный потенциал, который при благоприятных институциональных условиях мог бы стать фундаментом для осуществления модернизации. Но тогда это была бы другая страна, а не Россия, в которой сосуществуют и вступают в противоречивые взаимодействия два социокультурных типа и два варианта развития: первый ориентирован на личностное развитие, свободу и инициативу человека, его естественные права, второй ориентирован на интересы коллектива, общества, государства.

В советский период модернизации превалировал второй тип развития, обеспечиваемый всей силой государственной мощи и идеологического воздействия, институты общества соответствовали этому типу развития. На первых этапах модернизации были обеспечены высокие ее темпы при чрезмерной человеческой плате за достигнутые успехи. В постсоветский период была сделана попытка перейти на такой вариант развития, в котором поощряется личная инициатива, развивается частная собственность, ставится вопрос о свободе и правах человека. Препятствия такому развитию возникли в недрах самого общества – большинство населения не были готовы к самостоятельному обустройству своей судьбы, полагаясь на государство, а само государство не освободилось от большинства функций, продолжая держать под своим контролем все сферы общества. Огосударствление усиливалось личными интересами элитных слоев, использующих близость к управленческой вершине для личного обогащения и контроля над подопечным населением. Сращивание власти и собственности

создает иллюзию усиления экономических возможностей государства в финансировании модернизационных проектов, поскольку для государства открываются возможности черпать финансовые ресурсы из частного сектора. Но другая сторона этого процесса – создаются препятствия для сокращения функций государства в экономической сфере, которые лимитируют инициативную экономическую деятельность.

За постсоветский период так и не была достигнута главная цель участия государства в модернизации – создание структурного и институционального поля для реализации значительной частью населения страны своего потенциала. Более того, по многим параметрам человеческого потенциала наблюдается откат назад по сравнению с 1990 г. - предреформенным периодом⁵⁸. Такое состояние человеческого капитала было обусловлено тем, что хотя модернизация вначале была ориентиром и надеждой для большого числа общественных групп, надеявшихся получить для себя выигрыш от участия в рыночной экономике, реальные процессы последних десятилетий не оправдали этих надежд. Большинство групп не смогли реализовать свои интересы и остались зависимыми от государственного патернализма, или от псевдорыночных отношений, не смогли реализовать свой человеческий потенциал, утратили квалификацию, оставив профессиональные занятия, которые могли бы быть востребованы при проведении технической и технологической модернизации. Человеческий потенциал нации не стал в полной мере ее человеческим капиталом.

До сих пор из трех базовых факторов общего развития инноваций положительный эффект в России имеет только показатель человеческого капитала. Другие факторы - финансирование инноваций и создание для них организационных условий, лежат в русле не инновационных процессов, а хозяйственных и институциональных и выступают в роли барьеров для модернизации. Именно эти барьеры препятствуют развитию инновационной экономики. Создание этих барьеров – результат неоптимального взаимодействия *субъектов модернизации в России*.

Главным субъектом модернизационного развития в России выступает государство, воплощенное в «правителе» («правлящей группе»), опирающемся на бюрократию, образующую «властную вертикаль». Государство имеет в своем распоряжении беспрецедентный размер природной ренты. Но рентные ресурсы обеспечивают материальное существование элиты и значительной части населения и в то же время постоянно лимитируют масштабы и скорость модернизации, глуша другие стимулы и мотивации. Политическая необходимость рентного распределения в интересах

⁵⁸ См., например, Т.А. Василенко. Современные проблемы развития человеческого потенциала в России// Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. История и политология. - 2011. - №3. - С. 81 – 87.

господствующих коалиций должна быть заменена перестройкой общественных институтов таким образом, чтобы они стимулировали инновационную активность⁵⁹ и содействовали формированию широких групп интересов и их представительства в органах власти. По мнению С.Н. Левина, сегодня «властная вертикаль» достаточно быстро трансформируется в систему «статусных торгов», субъектами которых выступают различные группы бюрократии, ориентированные на реализацию частных интересов путем оппортунистического поведения по отношению к формальному принципалу – государству⁶⁰. Государство не может выступать эффективным субъектом модернизации, эта роль должны быть передана малому и среднему бизнесу при одновременном развитии государственно-частного партнерства. Представляется сомнительной возможность повторить советский опыт модернизации в условиях современной России, когда уже накоплен такой человеческий потенциал, который не соответствует директивно-командным методам управления хозяйственными и социально-культурными процессами.

Становится ясно, что модернизация российской экономики, прежде всего технологическая, возможна только при выявлении и реализации интересов двух социальных групп, обладающих необходимым для нее человеческим капиталом. Во-первых, «образованного класса», включающего научные и инженерные кадры, а во-вторых, предпринимателей. Интересы первой группы должна представлять интеллектуальная элита – наиболее интеллектуально независимый субъект при неразвитом гражданском обществе. «Ее позиция в наименьшей степени подвержена изменениям в угоду специальным интересам, стремлению получить финансовые или иные выгоды, поскольку в долгосрочном плане только личная ответственность, глубина и качество профессиональной работы определяют как престиж, так и благосостояние ее представителей»⁶¹. Сегодня роль интеллектуальной технической и технологической элиты явно снижена при доминировании интересов политической элиты, владельцев естественных монополий и финансистов. Она должна быть существенно повышена и стать главной в осуществлении технологической модернизации.

Вторая группа, состоящая из представителей крупного, среднего и мелкого бизнеса, имеет свою нишу в модернизации страны. По мнению некоторых авторов⁶²,

⁵⁹ Петров К.Е. Территория и нефть: к вопросу легитимности российского государства. // Политика. – 2013. - №3. - С. 106-118.

⁶⁰ Левин С.Н. Государство как субъект модернизации в России: идеи И.Т. Посошкова и современность// Журнал институциональных исследований. – 2014. - том 6. - №1. - С. 66-67.

⁶¹ Тамбовцев В., Верведа А. Субъекты модернизации: воздействие групп интересов на стратегии развития // Вопросы экономики - 2008. - № 1. С. 90.

⁶² Я. Ш. Паппэ, Я. С. Галухина. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.

крупный бизнес является каркасом национальной экономики, ее основным представителем в мировом хозяйстве, важнейшим партнером и оппонентом государства при выработке и осуществлении промышленной политики. Крупный бизнес в силу его концентрации в добывающих, обеспечивающих природную ренту отраслях, играет и будет играть в России большую, чем в других странах, роль в процессах внедрения, тиражирования и распространения инноваций. Но это не отменяет общих для всех экономик, в том числе в России, принципов – инновационная активность выше на предприятиях среднего бизнеса, здесь выше темпы и качество экономического роста. Именно средний бизнес должен выступить главным мотором модернизации и в России. Классический же малый бизнес выполняет главным образом социальные функции, обеспечивая огромному количеству людей доход и занятость, удовлетворяя повседневные потребности населения, оказывая услуги. Создавший удачную инновацию малый бизнес в условиях развитого рынка немедленно переходит в разряд как минимум среднего.

В России внутри сектора среднего и малого предпринимательства сейчас работают 25% от общей численности занятых в экономике, доля в валовом региональном продукте составляет 20-21 %, но при этом малые и средние предприятия владеют только 5-6 % от всего объема основных средств. Фондовооруженность труда в этом секторе очень низкая. Этот сектор представлен в основном индивидуальными предпринимателями (63 % от общего количества субъектов малого и среднего предпринимательства) и микропредприятиями (33 %), занятыми в торговле и услугах населению. Предприятия с числом работников от 50 до 250 предоставляют менее 4 % рабочих мест, тогда как в других странах на предприятиях данной категории работают 15-20% от общего числа занятых⁶³. Очевидна неразвитость сектора перспективных инновационных малых и средних предприятий в России, для их деятельности существует слишком много препятствий – как организационных, так и финансовых, социально-психологических и кадровых. Между тем на таких предприятиях более высокая инвестиционная активность, чаще внедряются инновации, создаются высокотехнологичные рабочие места. Этот сектор привлекателен для молодежи, особенно имеющей хорошее образование.

Государственная поддержка предприятий малого и среднего бизнеса в России имеет, прежде всего, финансовую составляющую, принятые в последнее время меры работают на большую доступность кредитов и снижение налогов, организационную помощь в открытии бизнеса. Но, как показывают многочисленные исследования, сами руководители предприятий на первое место ставят нехватку квалифицированных кадров,

⁶³ О мерах по развитию малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Доклад. Государственный Совет Российской Федерации. - М., 2015.

а затем уже высокий уровень налогов и низкую доступность финансирования⁶⁴. Латентным фактором, препятствующим развитию бизнеса, является неблагоприятная деловая среда и вообще состояние социального капитала в России. По мнению опрошенных бизнесменов, проверяющие инстанции и правоохранительные органы создают проблемы для малого и среднего бизнеса чаще, чем криминал⁶⁵. Административные барьеры столь высоки, что половина опрошенных бизнесменов вообще отказывается обсуждать эту проблему с интервьюерами, 13 % заявляют, что их компании практикуют неформальные выплаты чиновникам и столько же говорят, что не сталкиваются с коррупцией. Коррупция и некачественный социальный капитал, низкий уровень доверия укрепляют в обществе неформальные правила взаимодействия. В этих условиях было бы большой иллюзией надеяться на повышение законопослушности и равенства перед законом, особенно в свете расширения государственного регулирования во всех сферах жизни. Международное исследование «Doing business» показало, что сокращение в последние годы случаев дачи взятки предпринимателями компенсируется увеличением ее размера, т.е. общие транзакционные издержки бизнеса не сокращаются⁶⁶.

Таким образом, перспективными акторами модернизации в России являются «образованный класс», прежде всего научные и инженерные кадры, а также малые и средние предприниматели в инновационных отраслях хозяйства. Эти группы составляют центральную перспективную часть среднего класса и именно они в своем большинстве, по данным российских опросов, относятся к группе «модернистов», которые поддерживают модернизационный путь развития страны, хотя и не имеют возможности в полной мере реализовать свой потенциал. Как пишет М.К. Горшков, «модернисты» на две трети – представители среднего класса, в то время как «традиционалисты» – это в основном «социальные низы», состоящие почти полностью из пенсионеров и рабочих. Следует учитывать, что сегодня в общественном сознании населения России доминирует характерное для индустриального этапа развития любой страны восприятие рабочих как ключевой социальной группы. В нашей же стране, прежде всего из-за ее «недоурбанизированности», этот вектор положительной оценки приобретает рабоче-крестьянский характер. Эти настроения, а также количественное соотношение акторов модернизации и традиционалистов не в пользу первых, позволяет утверждать, что

⁶⁴ Опрос проведен по инициативе Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России», в нем участвовали более 6 тысяч предпринимателей в 40 российских регионах и 12 городах-миллионниках.

⁶⁵ Крюков С. Помогать тем, кто динамично растет // Ведомости, 25.06.2014

⁶⁶ Российская Федерация: общенациональные и региональные тенденции динамики бремени государственного регулирования и коррупции. Аналитическая записка (перевод с английского). Февраль 2013 г. // <http://kaz2.docdat.com/docs/index-154698.html>

общество в целом ориентировано на традиционализм⁶⁷. Такие настроения поддерживаются отсутствием реального прогресса в модернизации и стагнацией социальной структуры общества, в частности, консервацией невысокой численности среднего класса с одновременной стабилизацией на высоком уровне численности работников низко-и-неквалифицированного физического труда, рассчитывающих на патернализм государства.

В сложившихся общественных условиях для модернизации регионов необходимы последовательные и согласованные решения в сфере инновационного развития со стороны органов власти, компаний, университетов и научных организаций. Составленный специалистами ВШЭ инновационный рейтинг регионов, включающий 37 показателей, показал, что качество инновационной политики, осуществляемой региональными органами власти, по большей части определяется исходя из ресурсов, приоритетов и управленческих навыков самих региональных акторов. Но и сокращение мер стимулирования инновационных процессов в регионах со стороны федерального центра приведет к усилению дифференциации субъектов Российской Федерации по уровню их инновационного развития⁶⁸.

Поддержка профессиональной деятельности социальных слоев и профессиональных групп, способных осуществлять модернизацию, становится важной задачей государства – на общероссийском и региональном уровнях. И это верный путь увеличить в обществе средний класс, который сейчас не превышает 20 % населения. Следует отметить, что подавляющее число жителей, которые работают на себя, а не по найму (по сути, это предприниматели) идентифицирует себя как средний класс российского общества⁶⁹. Это уже устойчиво сформировавшееся убеждение у наиболее активной и рациональной части общества, ориентированной на модернизацию, и опирающейся на свои собственные ресурсы.

Таким образом, акторами модернизации в современной России может выступать та часть общества, которая обладает определенными профессиональными компетенциями: ученые, инженеры, предприниматели в инновационном секторе. Государственное участие в модернизации заключается, во-первых, в формировании и финансовой поддержке научно-исследовательских организаций, высокотехнологических предприятий, которые создают и совершенствуют государственные инновационные системы; во-вторых, в

⁶⁷ См.: Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. – 2010. - №12.

⁶⁸ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 3. М., 2014. С. 16.

⁶⁹ Данные по России Европейского социального исследования (ESS) // <http://www.europeansocialsurvey.org/>

создании «безбарьерной» среды для развития частного предпринимательства в инновационных отраслях, а также финансовых механизмов, стимулирующих инновационную и предпринимательскую деятельность.

Осуществление модернизации в России - в стране, обладающей богатыми природными ресурсами, огромной территорией и пока еще значительным человеческим потенциалом, с необходимостью требует улучшения качества институциональных условий экономического развития. Эти условия хорошо известны: гарантия прав собственности, благоприятный налоговый режим, отсутствие коррупции, прозрачность правил ведения бизнеса, минимум вмешательства чиновников в деятельность предприятий и т.д. Но в России эти условия никак не становятся обязательными к исполнению на всех уровнях экономики. И это, пожалуй, самая сложная задача в модернизации страны.

Для развития страны по пути модернизации необходимо также наращивание человеческого потенциала, который сейчас недоиспользуется в большинстве регионов, из-за чего молодые, амбициозные и образованные вынуждены мигрировать в немногочисленные центры развития внутри страны или за рубеж. Но в случае проведения действительной модернизации станет актуальным дефицит в стране человеческих ресурсов, особенно высокой квалификации, что поставит в ряд актуальных проблемы повышения уровня образования и профессиональных компетенций жителей страны, особенно молодежи, а также выстраивание такой миграционной политики, которая будет привлекать в страну творческих и квалифицированных людей из-за рубежа. Этим путем следовали некоторые ресурсообеспеченные страны мира с большой территорией, например, Канада и Австралия, что позволило им дополнительно стимулировать инновационное развитие.

И здесь вновь можно подчеркнуть необходимость преодоления бюрократических барьеров, неблагоприятной социальной среды, некачественного социального капитала для наращивания и использования человеческого потенциала в целях модернизации страны. Разумеется, в общественных отношениях действует инерция, своего рода «тирания статус-кво» (М.Фридман). Можно не соглашаться с идеями этого ученого, лауреата Нобелевской премии по экономике, но сегодня для России злободневно звучат его слова, сказанные более 60 лет назад: «Только кризис, писал он, вызывает настоящие перемены. Когда происходит кризис, действия, которые будут предприняты, зависят от имеющихся в наличии идей»⁷⁰. Хотелось бы надеяться, что в стране будут реализовываться те идеи,

⁷⁰ Фридман М. Капитализм и свобода / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. С. 19.

которые способствуют творчеству и инновациям, свободе и самореализации, в конечном счете модернизации российского общества.

СТРУКТУРАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Определенным вызовом для модернизации является структуризация современного российского общества, во-первых, по уровню жизни населения, во-вторых, по композиции сформированных в результате постсоветской трансформации социальных слоев, в третьих, по наличию в обществе развитого среднего класса. Анализ этих трех процессов структуризации российского общества необходимо провести в контексте задач развития и стимулирования экономической активности населения и открытия каналов социальной мобильности, прежде всего для молодежи.

Рассмотрим эти проблемы, используя теорию структуризации Э. Гидденса. Термин *структуризация* – «структурирование социальных отношений в пространстве и времени» введен Э. Гидденсом в социологию для обозначения *результата взаимодействия существовавшей прежде социальной структуры с деятельностью конкретного индивида*. Два других основополагающих понятия в теории структуризации Гидденса – структура и система. Понятие «структура» используется в теории структуризации для обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлеченных в систему социальной воспроизводства. В свою очередь, социальная система представлена как воспроизводимые взаимоотношения субъектов деятельности или коллективов, организованные в виде регулярных социальных практик. Институциональные особенности социальных систем обладают структуральными свойствами в том смысле, что взаимоотношения стабильны и устойчивы во времени и пространстве⁷¹. С точки зрения теории структуризации, чтобы проанализировать современную структуру общества по уровню и качеству жизни населения, необходимо изучить, какие действуют правила и какие вовлечены ресурсы в тот процесс, который обеспечил систему социального воспроизводства этой структуры. А для этого нужно располагать надежными сведениями о том, какие регулярные социальные практики воспроизводились в тот или иной период времени и оказали свое структурирующее влияние.

Рассматривая изменения, которые произошли в уровне жизни населения России в постсоветский период, можно констатировать, что они имели интенсивный характер, нарушили тот институциональный порядок и распределение ресурсов, которые существовали в советское время. Более того, за последние 25 лет был преодолен

⁷¹ Э. Гидденс. Устроение общества: очерк теории структуризации. - 2-е изд. - М.: Академический Проект, 2005. С. 29.

критический порог, ознаменовавший смену социетального типа общества. Произошел решительный переход от доминирования раздаточного типа экономики (его еще называют нерыночный, редистрибутивный, административно-командный, централизованно-управляемый, плановый, распределительный)⁷² к экономике рыночной. И хотя сейчас наблюдается попятное движение с усилением раздаточного механизма, в обществе сохраняется рыночная экономика, имеющая своих многочисленных агентов в лице частных собственников и лиц, занятых на частных предприятиях и в организациях. При этом анализ структуризации сложившейся социальной системы позволяет утверждать, что с самого начала переход к принципам рыночной экономики и частной собственности был результатом осмысленных действий сторонников такого пути развития России, эти акторы занимали по отношению друг к другу определенные позиции конкуренции и взаимозависимости и использовали вакуум устоявшихся правил для достижения своих собственных целей, но контекст их деятельности не ограничивался частным интересом, он оказал структурирующее влияние на все общество. Был запущен механизм перехода от доминирования раздаточной экономики к рыночной, который позже обрстал дополнительными ресурсами в виде мотивации части общества и использования ею возможностей своего социального капитала.

Если проследить турбулентность в развитии общества в последние 25 лет, можно выделить пять кризисных периодов, отмеченных падением уровня жизни: либерализация цен 1992 г., банковский и бюджетный кризис 1995 г., два глобальных экономических кризиса 1998 и 2008 гг. Сейчас наступил пятый период снижения уровня доходов населения – с 2014 г и далее.

Целью анализа является изучение траектории изменения уровня жизни населения в постсоветский период, структуризации общества по уровню жизни в начале 90-х годов XX века и в современный период.

Уровень жизни измеряется *доходом* на душу населения и объемом доступных благ и услуг, которые могут быть на него приобретены, а также объемом накопленного *богатства*, включая располагаемое имущество.

Доход и богатство как показатели уровня жизни

Доход состоит из заработной платы, получаемой за выполненный труд, а также из денег, получаемых от капиталовложений (проценты или дивиденды). В то время как большинство людей живут на деньги, получаемые за работу, богатые извлекают основную

⁷² См. Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 6.

часть своих доходов из инвестиций⁷³. В советской России существовали такие показатели уровня жизни, которые в гораздо большей степени обеспечивались распределением, а не доходом и покупкой – жилье, услуги образования и здравоохранения, другие поступления из социальных фондов. Поэтому сравнивать уровень жизни за 25 лет преобразований необходимо с учетом этих особенностей.

Соотношение рыночного и раздаточного секторов экономики обуславливает в значительной мере то разнообразие уровня и качества жизни, которое сложилось в России в настоящее время. По большому счету массовый рост уровня доходов и появление одновременно массового слоя бедного населения, определяющие изменение уровня и качества жизни в постсоветский период, были следствием появления и утверждения в стране частной собственности. В 2012 г. на предприятиях с частной формой собственности работало уже 60 % занятых в экономике страны, 5,1 % на иностранных и совместных российских и иностранных предприятиях⁷⁴. Помимо нового для страны дохода в виде прибыли, который получали собственники, наблюдалось превышение среднемесячных затрат на рабочую силу в негосударственных организациях по сравнению с государственными и муниципальными. В 2002 г. превышение по официальным данным составило 1,2 раза и наблюдалось во всех отраслях кроме оптовой и розничной торговли и общественного питания⁷⁵. Реальное превышение с учетом широкого распространения черных и серых зарплатных схем было значительно выше⁷⁶. Это делало частный сектор привлекательным местом работы, особенно для молодежи. В 2002 г. по данным Всероссийского мониторинга⁷⁷, при выборе более одного места основной работы только 56 % опрошенных хотели работать на государственных предприятиях, а 127 % выборов пало на разные формы негосударственной собственности. В приоритете оказались

⁷³ Гидденс Э. Социология. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 206.

⁷⁴ Труд и занятость в России. 2013. М., 2013. С. 219.

⁷⁵ Труд и занятость в России. 2003. М., 2003, С. 354.

⁷⁶ Спустя 10 лет – в 2012 г. - среднемесячная заработная плата работников частного сектора превышала аналогичный показатель в муниципальном секторе, но отставала от государственного и от предприятий смешанной российской собственности, иностранной и совместной российской и иностранной, соответственно в 1,3, в 1,6 и в 1,8 раза. Безусловное влияние на эти процессы оказали восстановление части государственных предприятий, увеличение зарплат в бюджетной сфере и повышение денежного довольствия военнослужащих. Но и в 2012 г. в большинстве отраслей заработная плата в частном секторе превышает зарплату в секторе государственном.

В исследовании, которое выполнила Т. Журавлева, показано, что в переходных экономиках частный сектор опережает государственные предприятия по средним заработным платам, но работники организаций, финансируемые только из бюджета, проигрывают по уровню зарплаты и государственным и частным предприятиям. В то же время в развитых экономиках наблюдается более высокая оплата труда в государственном секторе. Относительно России анализ был проведен на эмпирических данных РМЭПЗ и подтвердил отмеченную для переходных экономик тенденцию // Журавлева Т.Л. Анализ факторов дифференциации заработной платы в государственном и частном секторах экономики Российской Федерации //w82.ganepa.ru/gnp/praper/mn10.pdf

⁷⁷ Всероссийский мониторинг проводится с 1990 г. Центром изучения социокультурных изменений ИФ РАН. Последняя волна была проведена в 2015 г. Руководитель член-корреспондент РАН Н.И. Лапин.

акционерные предприятия, смешанные с государственной собственностью и личные частные предприятия.

Официальные данные Росстата показывают *большее* сосредоточение высокооплачиваемых групп населения в частном секторе по сравнению с государственным. Так, в 2015 г. почти 30 % занятых в негосударственном секторе получали свыше 40 тыс. рублей в месяц, тогда как на государственных и муниципальных предприятиях только 21 % (рис. 2.3).

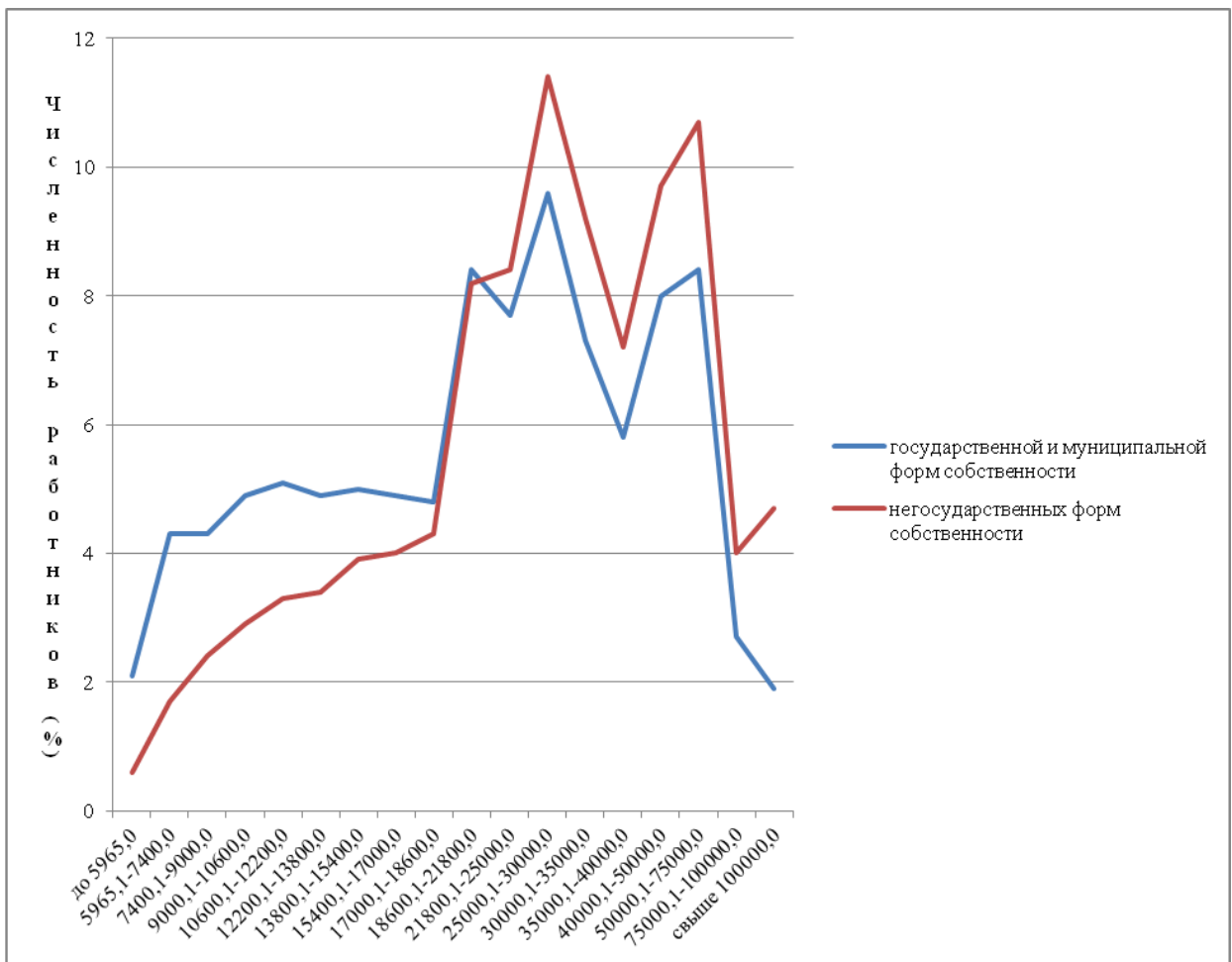

Рисунок 2.3 Распределение численности работников организаций различных форм собственности по размерам начисленной заработной платы (руб. в месяц). 2015 г.⁷⁸

Частный сектор продолжает показывать свои преимущества в оплате труда занятых здесь работников во все годы институциональных преобразований в России и даже в условиях современного кризиса. По свидетельству министерства экономического развития, в этом секторе по мере снижения эффекта от девальвации национальной валюты в конце 2014-2015 гг. темпы роста реальной заработной платы будут ускоряться и в 2018 году превысят темпы роста ВВП⁷⁹.

С изменением форм собственности осуществлялся поворот от распределительных к рыночным отношениям, который оказал свое влияние и на рост доходов в экономике раздатка, иначе говоря – в государственном секторе. Как пишет О.Э. Бессонова, «рынок и раздаток – это две базовые модели развития человечества, не существующие одна без другой и взаимодействующие по принципу «доминантность – компенсаторность». На архетипическом уровне модель рынка – это отношения купли-продажи, частная

⁷⁸ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. М., 2015. С. 114.

⁷⁹ Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов. М., 2016. С. 63.

собственность и прибыль как сигнальный институт. Модель раздатка включает отношения сдач-раздач, общественно-служебную собственность и административные жалобы в виде обратной связи»⁸⁰. И хотя автор этого утверждения считает, что в России существует не рынок, а «квазирынок», можно отметить, что даже в таком виде рыночные отношения создают возможности для повышения уровня жизни тех акторов, которые в них включены, влияя одновременно и на рост доходов в государственном секторе. Рост доходов в государственном секторе обеспечивался в основном доходами бюджета от сырьевых отраслей.

За 20 лет – с 1995 по 2014 г. среднедушевые денежные доходы населения выросли в 54 раза, но реальные располагаемые денежные доходы с трудом восстанавливали достигнутый к 1990 г. уровень. При отсутствии надежных статистических данных на начало 90-х годов, сошлемся на экспертную оценку. По расчетам Н.Н. Михеевой, реальные среднедушевые денежные доходы населения России в целом уменьшились к 1996 г. до 62,8 % от уровня 1990 г., среднегодовое их снижение составило 7,5 %. Реальные доходы населения в 1996 г. превысили уровень доходов 1990 г. только в одном регионе – Москве, во всех остальных он не был достигнут. Вторым по рангу регионом после Москвы являлась Тюменская область, в которой в 1996 г. реальные доходы составили 98,7 % от уровня 1990 г., максимальное снижение произошло в Калмыкии, составив 17,4 % от 1990 г.⁸¹. Одновременно происходило углубление дифференциации доходов. Уже к 1995 г. в пятой 20-ти процентной группе с наибольшими доходами было сосредоточено 46,3 % всех доходов, тогда как в 1980 г. только 33,4 %⁸².

При этом номинальная оплата труда росла высокими темпами, в отдельные годы до 152 %, пенсии по годам увеличивались неравномерно и меньшими темпами, но иногда составляли 135 % к предыдущему году. Такие скачки в оплате труда и пенсиях были ответом на волны инфляции. Некоторая стабилизация наметилась к 2010 г., одновременно с замедлением экономического роста. В результате темпы увеличения оплаты труда к 2014 г. снизились до 106,4 %, а реальный размер назначенных пенсий был минимальный – всего 101 % к предыдущему году. Реальные располагаемые денежные доходы населения снизились в 2014 г. до 99 % по отношению к предыдущему году.

⁸⁰ Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 5.

⁸¹ Михеева Н.Н. Анализ дифференциации социально-экономического положения российских регионов // Проблемы прогнозирования. 1999. № 5. С. 99.

⁸² http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#

Замедлился и рост располагаемого дохода домашних хозяйств на душу населения (см. табл. 2.5.)⁸³.

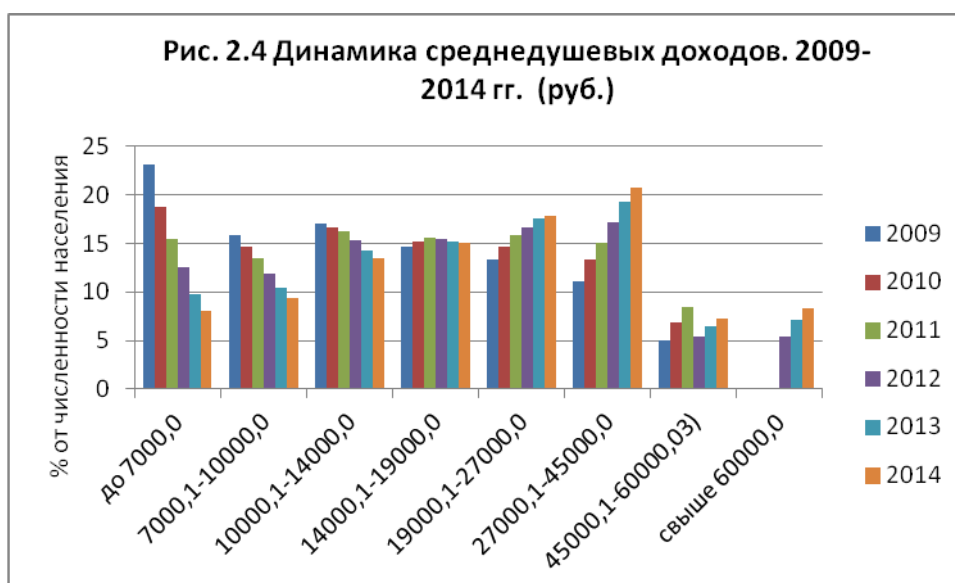
Таблица 2.5.

**Доходы, оплата труда и пенсии в России
(1995-2014 гг.)**

	1995	2000	2005	2010	2013	2014
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	516	2281	8088	18958	25928	27766
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в процентах к предыдущему году	85	112	112	106	104	99
Оплата труда наемных работников, включая скрытые оплаты труда и смешанные доходы						
в процентах к предыдущему году	215,2	151,9	120,8	112,7	110,7	106,5
Реальный размер назначенных пенсий, в процентах к предыдущему году	81	128	110	135	103	101 ⁴⁾
Располагаемый доход домашних хозяйств						
на душу населения, руб.	6109	24080	83943	196393	272460	...
в процентах к предыдущему году	89,9	118,7	111,6	108,3	102,8	...

Изучение распределения населения по величине среднедушевых доходов после 2009 г., показывает, что заметно росла численность четырех высокодоходных групп, переступивших порог 19 тыс. рублей. В совокупности они составили в 2014 г. 54,1 % населения. Самая массовая группа среди них имеет доход 27–45 тыс. рублей. Одновременно сократились группы, на которые приходится менее 19 тыс. рублей среднедушевых доходов. Интенсивнее всех в этом составе сокращалась группа с доходом до 7 тыс. рублей – почти в 3 раза с 2009 по 2014 г. Динамика этих изменений снизилась по всем группам в 2013-2014 гг. в преддверии и с началом кризиса, но направление этих изменений сохранилось.

⁸³ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. М., 2015. С. 27 – 28

Если же оценивать уровень жизни населения по соотношению денежных доходов, заработной платы и пенсий с величиной прожиточного минимума, то можно видеть значительно опережающий рост покупательной способности заработной платы по сравнению с пенсией (2,4 раза и 1,5 раза с 1995 по 2013 г. соответственно), постепенно вплоть до 2013 г. сокращалась и бедность (см. табл. 2.6).

Таблица 2.6

Покупательная способность среднедушевых денежных доходов, заработной платы и пенсий (1995-2014 гг.)⁸⁴

Покупательная способность (количество наборов прожиточного минимума):	1995	2000	2005	2010	2013	2014
среднедушевых денежных доходов	1,95	1,89	2,68	3,33	3,55	3,45
среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций	1,59	1,68	2,63	3,41	3,79	3,74
среднего размера назначенных пенсий	1,01	0,76	0,98	1,65	1,65	1,63
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, млн. человек	36,5	42,3	25,4	17,7	15,5	16,1
в процентах от общей численности населения	24,8	29,0	17,8	12,5	10,8	11,2
в процентах к предыдущему году	110,9	84,9	88,5	96,2	92,3	103,9

⁸⁴ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. М., 2015. С. 28.

По данным официальной статистики, численность населения, находящегося в состоянии абсолютной бедности, которая измеряется величиной прожиточного минимума (ВПМ), в 2014 г. составила 11,2 %, увеличившись по сравнению с 2013 г.

Важным показателем измерения уровня доходов является относительная бедность населения, которая в странах ОЭСР обычно определяется как 60% от медианного дохода. Нахождение на этом уровне бедности означает отсутствие возможности обеспечить обычные для данного общества условия существования и социально принятые удобства жизни. Относительная бедность создает серьезные психологические и социальные последствия для людей, поскольку они постоянно должны делать выбор между разными своими потребностями в связи с ограниченностью денежных ресурсов. В России оценить относительную бедность людей, которые имеют доход выше ВПМ и ниже черты относительной бедности (16,66 тыс. руб.), можно на уровне 30 %.

В связи с кризисными условиями развития экономики, в 2014 г. была прервана положительная тенденция сокращения абсолютной и относительной бедности: снизилась покупательная способность большинства населения, что особенно заметно в социально зависимых группах: пенсионеров и низкодоходных группах работающих: 16,1 млн человек, или 11,2 % населения оказались за порогом бедности. По предварительным данным статкомитета России в январе-сентябре 2015 г. уже 14,1 %, или 20,3 млн человек имели доход ниже величины прожиточного минимума⁸⁵. Эти тенденции являются предвестниками экономической рецессии с дальнейшим снижением уровня жизни населения. В обновленной версии прогноза министерства экономического развития говорится, что в 2015 г. реальная зарплата сократится не на 0,2%, как прогнозировалось раньше, а на 3,5%, доходы населения – на 4%, а не на 0,7%⁸⁶. В 2016 году за счет отмены индексации заработной платы бюджетников и более низкой, чем в сценарных условиях, индексации пенсий реальные располагаемые доходы населения останутся в области отрицательных значений (-0,7% к уровню 2015 года). И хотя реальная заработная плата в целом по экономике за 2016 - 2018 гг. в условиях базового сценария должна увеличиться на 5,8 процента, однако, учитывая масштабы сокращения в 2015 году, реальная заработная плата до уровня 2014 года в рассматриваемый период не восстановится. Как считают в министерстве экономического развития, в 2017-2018 гг. ожидается постепенное ускорение роста реальных располагаемых доходов до 1,5-1,9 процента. Росту доходов будут

⁸⁵ http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/249.htm

⁸⁶ http://www.gazeta.ru/business/news/2016/01/15/n_8122061.shtml

способствовать ускорению роста заработной платы и снижению инфляции. В результате за 2016-2018 гг. реальные располагаемые доходы населения вырастут на 2,7%⁸⁷.

Прогнозные характеристики могут несколько успокаивать, но в настоящее время острой и болезненной проблемой остается наличие и рост в обществе группы населения с уровнем дохода ниже величины прожиточного минимума (ВПМ), группы, находящейся в состоянии абсолютной бедности. Социальные параметры этой группы таковы, что надеяться на скорое решение проблемы нет оснований. В ее составе дети до 16 лет – 18,5 % всех детей страны, молодежь в возрасте 16-30 лет – 11,0 % всей молодежи, 11,7 % мужчин и женщин рабочих возрастов старше 30 лет, 5,3 % всех жителей пенсионного возраста⁸⁸. Полный абсурд ситуации состоит в том, что в 2014 г. 3,1 млн человек, или 10,7 % работающих на предприятиях и в организациях имели зарплату ниже величины прожиточного минимума⁸⁹. При таком уровне доходов неудивительно, что есть значительная группа домохозяйств с работниками, которые относятся статистикой к крайне бедному населению, поскольку в них доход на члена домохозяйства в 2 раза ниже ВПМ. Среди городского населения по этому показателю лидируют города до 50 тыс. человек, где ограниченное число рабочих мест и стареющее население. Среди сельского населения более равномерное распределение таких домохозяйств по размерам поселений, кроме самых малых – до 200 человек, где семей с детьми осталось совсем немного из-за ликвидации малокомплектных школ, и поэтому доля семей с доходом ниже ВПМ несколько ниже, чем в других поселениях. В составе крайне бедного населения домохозяйства с детьми до 16 лет составляют почти 70 %⁹⁰. Можно определенно сказать, что низкие зарплаты работающих и наличие детей создают основные риски попадания в группы малообеспеченных и крайне бедных домохозяйств. Социальные пособия в какой-то мере смягчают остроту нехватки ресурсов в этих семьях, но не решена главная проблема роста трудовых доходов – увеличение числа высокоэффективных рабочих мест в экономике. Их доля в экономике не превышает 25 % и рост их числа очень умеренный и затухающий: в 2012 г. число высокоэффективных рабочих мест выросло на 12,7 %, в 2013 г. на 6,9 %, в 2014 г. на 4,5 %⁹¹. Как ни важно повышать эффективность социальной защиты малообеспеченного и крайне бедного населения, бюджетные возможности, особенно в период кризиса, ограничены сокращением доходов от добывающих отраслей и

⁸⁷ Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов. М., 2016. С. 64.

⁸⁸ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. С. 118.

⁸⁹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. С. 117.

⁹⁰ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. С. 119.

⁹¹ Эффективность экономики России /

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/#

низкой производительностью труда в экономике в целом. По расчетам А. Зайцева, производительность труда в России в 1998 г. по сравнению с 1992 составила 0,79⁹², в последующие годы наблюдался рост производительности труда, но динамика этого роста после 2007 г. заметно ослабла (табл. 2.7).

Таблица 2.7

Индексы производительности труда в экономике Российской Федерации, в % к предыдущему году (2003-2014 гг.)⁹³

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
В целом по экономике	107,0	106,5	105,5	107,5	107,5	104,8	95,9	103,2	103,8	103,0	101,9	100,8

В 2014 г. производительность труда в целом по экономике составила 100,8 % по сравнению с 2013 г., рост был зафиксирован только в 5-ти отраслях из 10-ти. В России самая низкая производительность труда в Европе, считают эксперты ОЭСР. Сопоставив размер годового ВВП страны со временем, затраченным россиянами на производство за год, они выяснили, что за человеко-час в России в 2014 г. производилось продукта на \$25,9, что меньше, чем в Латвии (самой отстающей стране Европы по этому показателю) и Польше (\$ 29,7), почти в полтора раза меньше, чем в Греции и вдвое меньше среднего показателя еврозоны – \$ 55,9. Отставание от США составляло 2,6 раза. В 2015 г. разрыв продолжал увеличиваться⁹⁴. Такой низкий показатель характеризует не только техническую и технологическую отсталость экономики, но и политику в области занятости в государственном и смешанном секторах, которая препятствует сокращению избыточной рабочей силы на государственных предприятиях для предотвращения роста безработицы и социальных напряженностей.

Существенное воздействие на структуризацию российского общества по уровню жизни оказывает изменение источников денежных доходов населения в постсоветский период (табл. 2.8).

Таблица 2.8

Источники денежных доходов населения⁹⁵

⁹² В качестве концептуальной основы для методики расчета производительности труда Федеральной службой государственной статистики используется "Руководство ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) по измерению роста производительности на уровне отрасли и на агрегированном уровне" (2001г.), подготовленное Статистическим Директоратом ОЭСР по науке, технологии и промышленности. Эту же методику наряду с другими методами подсчета производительности труда применил А. Зайцев // <http://opec.ru/data/2014/06/10/1233924707/КШ-произв%20труда-20140603-Zaytsev.pdf>.

⁹³ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

⁹⁴ <https://www.vedomosti.ru/archive/2015/08/10>

⁹⁵ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. С. 92.

(%, 1980 – 2014 гг.)

	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2013	2014
Денежные доходы - всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:									
доходы от предпринимательской деятельности	2,2	2,7	3,7	9,5	8,9	8,9	9,4	8,6	8,4
оплата труда ¹⁾	79,8	77,2	76,4	67,3	65,2	65,6	65,1	65,3	65,8
социальные выплаты	15,1	16,3	14,7	14,8	17,7	18,3	18,4	18,6	18,0
доходы от собственности	1,3	1,6	2,5	6,4	6,2	5,2	5,1	5,5	5,8
другие доходы	1,6	2,2	2,7	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0

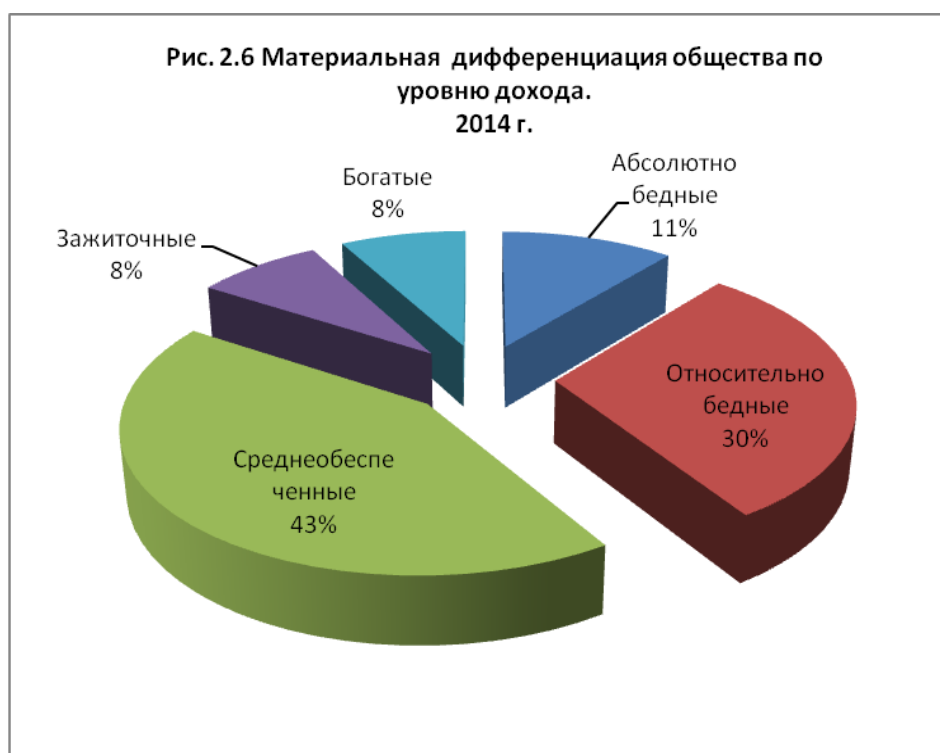
¹⁾ Включая скрытую (официально не учтенную) заработную плату.

Как можно видеть, произошел рост доходов, связанный с развитием рыночных отношений в экономике. По сравнению с 1980 г. рост доходов от предпринимательства и от собственности к настоящему времени составил почти 4 раза, при снижении доли оплаты труда на 14 % и росте социальных выплат примерно на 3 %. Максимальный рост произошел в 1995 г., когда доходы от предпринимательства и от собственности составили почти 16 % денежных доходов населения. В последующие годы обозначился существенный рост социальных выплат до 18 % в общей сумме денежных доходов в 2014 г. (что было вынужденной мерой для поддержания уровня жизни прежде всего пенсионеров и семей с детьми), снижение доли оплаты труда, а также доходов от предпринимательства и от собственности – в совокупности по этим двум источникам до 14,2 % (рис. 2.5).

Последнее отмеченное выше снижение обусловлено ухудшением условий для развития бизнеса, непростыми взаимоотношениями коммерческих структур с государством. Теперь настало время, когда настоятельно необходимо улучшить качество институциональных условий экономического развития. Эти условия хорошо известны: гарантия прав собственности, благоприятный налоговый режим, отсутствие коррупции, прозрачность правил ведения бизнеса, минимум вмешательства чиновников в деятельность предприятий, исключение силовых, противозаконных методов ликвидации бизнеса и т.д. Но в России эти условия никак не становятся обязательными к исполнению на всех уровнях экономики. И это, пожалуй, самая сложная задача в модернизации страны, хотя ее решение могло бы обеспечить рост уровня жизни населения.

Итак, на основании данных официальной статистики состав населения по среднему душевому доходу в 2014 г. может быть представлен в следующем виде (рис. 2.6).

Общество разделено на две группы - тех, кто достиг относительно высокого уровня жизни, имеет, как минимум, приемлемый доход, способный обеспечить социальный стандарт потребления, типичный для современного российского общества (среднеобеспеченные, зажиточные и богатые вместе 59 %), и тех, кто находится в состоянии абсолютной или относительной бедности (абсолютно бедные и относительно бедные на рис. 2.6, вместе 41 %), ощущает на себе депривацию по важнейшим социально-экономическим потребностям. Доходное неравенство продолжает расти за счет более

быстрого увеличения дохода верхних групп – зажиточных и особенно богатых, имеющих не только такие источники как высокая оплата труда, но и доходы от предпринимательской деятельности и от собственности. В условиях роста доходного неравенства и относительного снижения доходов нижних доходных групп необходимо разработать механизмы формирования и перераспределения доходов населения за счет прогрессивного налогообложения высокодоходных групп, роста производительности труда и, соответственно, оплаты труда. Существующее «избыточное неравенство»⁹⁶ стало существенным фактором социального недовольства и ощущения несправедливости у значительной части общества.

Рост оплаты труда (прежде всего высокодоходных групп), доходы от бизнеса и от собственности создали предпосылки к формированию и росту **богатства** в отдельных группах и слоях населения. Богатство составляет все достояние, принадлежащее конкретному человеку или домохозяйству — акции, сбережения, недвижимость, например, дома или земля, то есть все то, что можно продать⁹⁷. В советский период богатство не являлось значимым показателем уровня жизни, поскольку им в ограниченных объемах обладала малая часть населения, в основном собственники частных домов в сельской местности и кооперативных квартир в городах, владельцы вкладов в государственном банке, редкие собственники автомобилей (так, в 1990 г. в собственности было всего 58,5 автомобилей на 1000 человек населения).

Более существенным и решающим по сравнению с доходом и богатством в социалистический период было занятие высокого места в общественной иерархии, дающее возможность участвовать в получении статусной ренты – в виде закрытого распределения дефицитных товаров, поездок за границу, более качественных услуг здравоохранения и т.д.

С развитием кооперативов во время перестройки, разгосударствления и приватизации собственности в 90-е годы, которые сопровождались массовыми незаконными действиями и коррупцией, были сформированы первые большие состояния, приведшие к созданию тонкого слоя собственников, обладающих огромными богатствами. Эти процессы и спустя десятилетия в общественном сознании не признаются легитимными и поддерживают противоречия между элитой и населением. Можно сказать, что в тот период была заложена наиболее резкая дифференциация в доходах, которая усугублялась падением уровня жизни основной части жителей вследствие резкого

⁹⁶ Термин предложен А.Ю. Шевяковым: см.: Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009.

⁹⁷ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 157.

снижения в течение нескольких лет валового внутреннего продукта, изменения структуры экономики, разрыва хозяйственных связей предприятий и их закрытия.

Анализ распределения в обществе богатства - довольно сложная задача, поскольку объем надежных данных ограничен. Приходится довольствоваться некоторыми косвенными показателями. По переписям населения 2002 и 2010 гг. численность населения, указавшего на такие источники средств существования как сбережения, дивиденды, проценты, а также сдача в наем или в аренду имущества, доход от патентов и авторских прав, за время между переписями увеличилось в 2 раза и составила немного более одного млн. человек.

Значительный вклад в увеличение богатства вносят различия в зарплатах высокооплачиваемых и низкооплачиваемых групп. Эта разница составляла между верхней и нижней 10-ти процентными группами в апреле 2015 г. 14,5 раза по экономике в целом. Разница в доходах еще больше и составляет – 16 раз. 30,6 % всех доходов приходится на 10-ти процентную верхнюю группу с наибольшими доходами, на группу с наименьшими доходами 1,9 % (рис. 2.7). Ускорение отрыва начинается с 8-ой группы, а самый резкая разница наблюдается между верхними 9-ой и 10-ой группами – 1,83 раза. Коэффициент Джини по доходам вырос за 20 лет с 0,387 до 0,416.

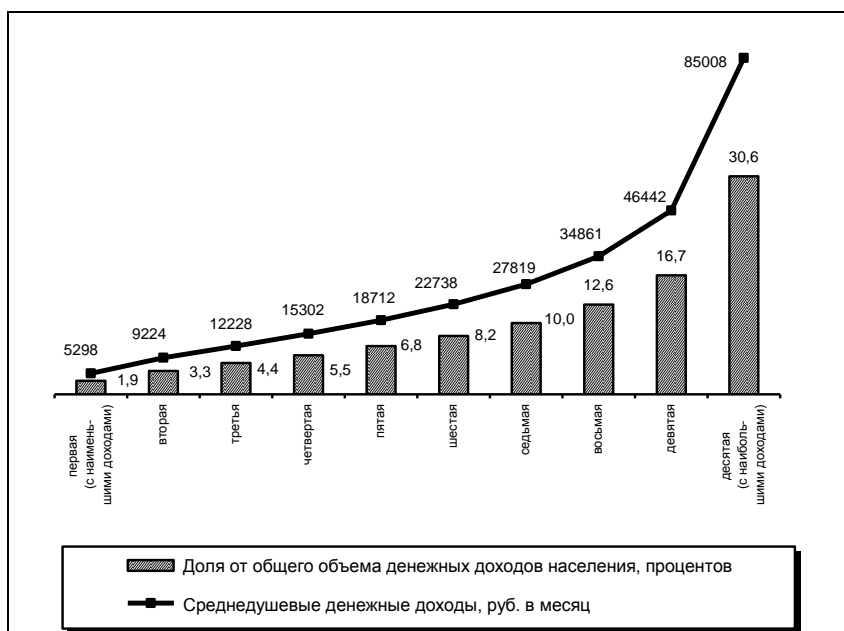

Рисунок 2.7 Распределение общего объема денежных доходов по 10-процентным группам населения в 2014 г.⁹⁸

Такая дифференциация доходов создает базу для формирования богатства у верхних имущественных слоев. Как показали А.Ю. Шевяков и А.Я. Кирута, чем выше

⁹⁸ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. М., 2015. С. 109.

неравенство по доходам, тем большая доля совокупных доходов направляется на накопление, но в условиях современной России эти накопления не трансформируются в инвестиции в хозяйство и в покупку ценных бумаг, а в основном вкладываются в приобретение недвижимости, в том числе за рубежом. Отчасти это стимулирует рост строительства, но в бедной экономике с дефицитом кредитно-инвестиционных ресурсов весьма существенно тормозится экономический рост⁹⁹.

Оценить наличие богатств в руках отдельных имущественных слоев в современной России по данным официальной статистики сегодня очень сложно. Расчеты, которые делаются западными экспертами, часто подвергаются сомнению российскими экспертами, но эти расчеты существуют и говорят о высокой степени концентрации богатства в России¹⁰⁰. При этом распределение личных активов по стране крайне неравномерно. Наиболее доходные группы, имеющие материальные возможности для формирования личных богатств, массово сосредоточены в нескольких регионах. Так, 47,8 % самых богатых, входящих в верхнюю 5-ти процентную группу по доходам, проживают в Центральном федеральном округе, в основном в Москве, самая меньшая доля этой группы в населении Северо-Кавказского ФО – 2,2 %. Также можно отметить разную глубину дифференциации оплаты труда в отраслях экономики. Например, в 2015 г. разница между верхней и нижней 10-ти процентными группами составляла от 16,5 в оптовой и розничной торговле до 8,3 в сельском хозяйстве, при средней по всем отраслям 14,5 раз.

Для большинства населения, не относящегося к верхним доходным группам, богатство – условная категория, они владеют в основном тем имуществом, которое необходимо для жизни в соответствии с существующими социальными стандартами потребления, или даже может быть ниже этих стандартов. Продажа этого имущества и перевод его в денежную форму означает разрушение их привычного уровня и образа жизни. Хотя нужно отметить, что накопление имущества и денежных средств является

⁹⁹ Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009. С. 60-61.

¹⁰⁰ По оценкам авторов исследования Global Wealth Report - 2012 г., Россия существенно опережает многие крупные страны по уровню неравенства доходов, но впереди России все же располагаются США, страны Латинской Америки, некоторые африканские страны. В то же время по уровню неравенства распределения богатства Россия – абсолютный чемпион мира. По таким показателям как: доля личного богатства, которой владеют самые богатые 1%, 5%, 10%, 30% населения, коэффициент Джини для распределения богатства, Россия опережает любую другую крупную страну. Неравенство распределения богатства выше только в нескольких карибских странах с налоговыми офшорами. Отрыв от других стран тем больше, чем о более узком слое сверхбогатых людей идет речь. Например, в России на 100 миллиардеров из списка Форбс приходится 30% всего личного богатства граждан, что вообще невозможно представить в других странах. В мире в целом или в Китае миллиардерам принадлежит только 1–2% богатства. Даже в Америке, где Forbes насчитывает более 400 миллиардеров, их совокупное богатство – это всего лишь 7% от суммарного личного богатства всех американцев // Ведомости. 06.11.2012. // <https://www.vedomosti.ru/archive/2012/11/06>

заметным трендом всех материальных слоев населения. Даже в условиях современного кризиса население предпочитает делать накопления на «черный день».

В постсоветские годы во все типах домашних хозяйств увеличивается число бытовых электроприборов и техники, в большинстве из них достигнуто насыщение этими товарами. Особенно обращают на себя внимание относительно новые товары – средства коммуникации - мобильные телефоны и персональные компьютеры. Число мобильных телефонов на сто домохозяйств составило в 2014 г. 257 штук, количество персональных компьютеров выросло за последние 5 лет в 2 раза и в большинстве домохозяйств достигнуто почти 100 процентное насыщение, за исключением домохозяйств, состоящих из одного человека, преимущественно в сельской местности¹⁰¹. Показателен рост числа автомобилей у населения – сейчас на 100 домохозяйств приходится 61 автомобиль.

Важным показателем уровня жизни населения является увеличение площади жилищ – квартир и домов за постсоветские годы. Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя, выросла с 19,2 в 2000 г. до 23,7 кв. м. в 2014 г.¹⁰². Вместе с тем остается нерешенной жилищная проблема для многих домохозяйств, особенно для тех, кто не располагает достаточными средствами купить жилье. К тому же только 63 % общей площади жилищ оборудовано всеми современными удобствами. Уровень благоустройства квартир по комплексу всех видов удобств выше в высокодоходных группах, чем в низкодоходных. Почти четверть домохозяйств помимо основного жилища имеет комнату, или квартиру, дом, часть дома для постоянного проживания, или дачу, дом для сезонного проживания. Конечно, качество этих жилищ может иметь впечатляющие различия, но наличие второго жилья создает запас прочности при неблагоприятных жизненных обстоятельствах.

Косвенным показателем роста уровня жизни населения является число поездок за рубеж. В 2013 г. было совершено более 35 млн. таких туристических и частных поездок, что в 5 раз больше, чем в 2000 г.¹⁰³

Заметно изменилось сберегательное поведение населения в постсоветский период. Сберегаемые средства не только выросли, но и появились новые инструменты сохранения доходов. От 13,5 (2010 г.) до 6,8 % (2014 г.) денежных доходов население использовало для сбережения на вкладах и в ценных бумагах, в покупку валюты и хранение на руках¹⁰⁴. При этом прирост сбережений фиксируется и в сельской, и в городской местности, но в разных масштабах. Вклады населения и индивидуальных предпринимателей в кредитные

¹⁰¹ http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_44/IssWWW.exe/Stg/d01/07-22.htm

¹⁰³ Российский статистический ежегодник - 2014 г., табл. 9.28.

¹⁰⁴ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. С. 93.

организации страны составили в 2015 г. 18 трлн. 732,8 млрд рублей¹⁰⁵. Банки занимают основную часть финансового рынка, небанковский сектор этого рынка развит слабо. Вложения в акции и облигации составляют ничтожную часть оборота финансовых средств населения, что разительно отличается от инвестиционного поведения населения развитых стран мира.

Между тем, накопления могли быть использованы непосредственно самим населением для инвестирования в экономику, если бы не негативный опыт, полученный во время кризисов. Здесь велика и роль государства, способного создать условия для работы «длинных» денег, какими являются акции и облигации. Прежде всего, институциональные условия для развития мелкого и среднего бизнеса, организации доступной и надежной процедуры массовых инвестиций в производство и создания народных предприятий и кооперативов. Участие в инвестициях и контроль за их использованием более широкого круга лиц, которые имеют накопления денежных средств, содействовало бы, с одной стороны, росту экономики, а с другой, увеличению личного дохода. В настоящее время в России акционеры – физические лица владеют только 2,3 % уставного капитала организаций, что составляет 433,2 млрд рублей¹⁰⁶. В ходе опроса, проведенного в 2013 г., выяснилось, что только 4,5 % всех домохозяйств владеют акциями предприятий, причем подавляющее большинство получили их в ходе бесплатной приватизации своих предприятий или при ваучерной приватизации, и только 15 % приобрели их самостоятельно¹⁰⁷.

Сейчас заметное направление в инвестировании средств населения – строительство жилья. В 2014 г. население вложило 280,5 млрд. рублей в доленое строительство, рост по сравнению с 2010 г. составил 3,5 раза¹⁰⁸. Часть инвестиций направлена на улучшение собственных жилищных условий, но некоторая часть – на получение инвестиционного дохода. Оценки объемов этих инвестиций затруднительны, но можно предполагать, что это распространенная стратегия вложения сбережений. Инвестиционную активность могут проявлять преимущественно те лица, у которых есть для этого соответствующие ресурсы. Естественно, что самый большой объем таких ресурсов у верхних доходных групп. Так, по данным Росстата, в 2014 г. прирост сбережений у пятой верхней 20-ти доходной группы составлял 55,4 % располагаемых ресурсов, у четвертой – 24,8 %, у третьей – 10,8 %, у второй – 6,1 %, у первой – с наименьшими ресурсами – только 2,9 %.

¹⁰⁵ Инвестиции в России. 2015: Стат.сб. Росстат. - М., 2015. С. 95.

¹⁰⁶ Инвестиции в России. 2015: Стат.сб./ Росстат. - М., 2015. С. 103.

¹⁰⁷ <http://www.opec.ru/1758772.html>

¹⁰⁸ http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/invest.pdf

Коэффициент фондов по приросту накоплений составляет 33 раза, что значительно выше коэффициента фонда по доходам (16,0) и по начисленной заработной плате (14,5)¹⁰⁹.

Таким образом, можно констатировать, что в России происходит концентрации богатства в высокодоходных группах населения и углубляется поляризация доходов от занятости и доходов из других источников. Причем неравенство растет вместе с ростом доходов населения.

Материальная дифференциация общества по доходу и богатству сейчас и в будущем будет генерировать негативный социально-экономический эффект поляризации: несомненные преимущества высокодоходных групп в развитии человеческого капитала своего и своих детей, наращивание социального и символического капитала, которые уже стали барьером для вертикальной социальной мобильности из других социальных слоев. Можно согласиться с авторами исследования мобильности в советской и постсоветской России, которые пишут, что мобильность в современном российском обществе имеет деформированный характер, что связано с реализацией так называемого медитократического принципа с консервацией на высших слоях общественной системы лояльных к ней членов общества, но не обладающих при этом высокой степенью одаренности и подготовленности¹¹⁰. Закрытость верхних слоев характерна для большинства современных стран, но в процессе постиндустриальной модернизации в них в расширенном масштабе увеличивались рабочие места, требующие развитого человеческого капитала, и система образования реагировала на это выравниваем шансов получения современного качественного образования для выходцев из всех социальных слоев¹¹¹. В России же в постсоветский период выросли экономические препятствия для получения качественного высшего образования членами семей с низкими доходами, поскольку реальные расходы для поступления в вузы на бюджетные и коммерческие места постоянно растут. Вместе с социальным капиталом экономический капитал семьи становится еще более важным фактором поступления в вузы, чем ранее. В результате расслоение по уровню жизни все в большей степени воспроизводится системой образования. Поляризация доходов влечет ощущение несправедливости и униженности тех слоев, которые находятся внизу имущественной иерархии. Ответом служит девиантное поведение этой части населения, прежде всего молодежи, лишенной социальной перспективы.

Субъективные оценки уровня жизни

¹⁰⁹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. С. 188.

¹¹⁰ Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // *Общественные науки и современность*, 2011, №2. С. 5-28.

¹¹¹ Беляева Л.А. Образование в России и модернизация экономики (по результатам Европейского социального исследования) // *Социологические исследования*. 2011. №12. С. 13 – 24.

Статистическое распределение доходов и богатства в современном российском обществе в своих пропорциях достаточно близко субъективным оценкам материального благосостояния и композиции материальных слоев, полученных на основе самоидентификации. Всероссийский мониторинг, который проводится в Центре изучения социокультурных изменений ИФ РАН, позволяет анализировать проблемы структуризации российского общества по разным основаниям, в том числе по материальному уровню жизни населения. Естественно, нужно учесть, что из наблюдения выпадают самые привилегированные группы, недоступные для опросов, что способствует занижению численности этих групп в материальной стратификации.

В опросе, проводимом методом интервью на дому среди респондентов старше 18 лет¹¹², респондентам предлагалось дать самоопределение своего материального положения (табл. 2.9).

Таблица 2.9

Какое высказывание характеризует Ваше материальное положение?
(% от опрошенных)

Самооценка материального положения	1994	1998	2002	2006	2010	2015	Условные слои
1. Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	7	24	13	11	13	11	«нищие»
2. На повседневные затраты уходит вся зарплата	31	29	23	22	18	18	«бедные»
3. На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28	21	30	21	21	22	«необеспеченные»
4. В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22	14	22	29	31	33	«обеспеченные»
5. Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	7	10	11	9	11	9	«зажиточные»
6. Практически ни в чем себе не отказываем	1	1	1	2	3	2	«богатые»
Не знаю, отказ от ответа	3	1	-	6	3	5	
Всего	100	100	100	100	100	100	

В течение 90-х годов прошлого века наблюдались большие перепады в численности материальных слоев, особенно слоя самых бедных, и тех, кто был более-менее материально обеспечен перед кризисом 1998 г. Первый слой в составе всего населения вырос в результате кризиса 1998 г. более, чем в 3 раза, слой «обеспеченных» сократился в 1,6 раза. Начало 00-х отметилось заметным изменением трендов развития материального расслоения. Сократилась численность «нищих» и «бедных», которые, тем не менее, к 2015 г. составляют почти 30 % населения страны, 22 % находятся на уровне

¹¹² Выборка вероятностная многоступенчатая территориальная, репрезентативна по всем основным социально-демографическим, экономическим и географическим параметрам - полу, возрасту, месту проживания, национальности, образованию, экономическому положению и другим показателям.

необеспеченности и 44 % живут благополучно («обеспеченные», «зажиточные» и «богатые»). Показательно, что данные опроса подтверждают тенденцию, которую выявил анализ статистики – за годы постсоветского развития, несмотря на препятствия росту рыночной экономики, постепенно сформировались слои населения, представленные средне и высокодоходными группами, подавляющая часть которых занята в негосударственном секторе экономики. Графически эту динамику можно проследить на рис. 2.8.

По данным статистики, слой благополучного населения составляет 54 % (2014 г.), а по опросу самого населения - 44 % (2015 г.). Разница не столь существенная, если учесть, что высокодоходные группы уклоняются от опросов, тем более, если они проходят в домашних условиях. Но сформированное расслоение общества по уровню жизни с такими пропорциями: примерно 50% неблагополучных и 50 % благополучных слоев населения, трудно признать оптимальным. Это следствие отсутствия позитивных сдвигов в диверсификации отраслей экономики, что говорит в пользу реиндустриализации экономики, которая может дать хорошо оплачиваемые эффективные рабочие места массовым слоям населения. Одновременно требуется форсировать развитие новых постиндустриальных отраслей, на которые ориентируются молодые образованные люди. Одновременно целесообразно совершенствовать систему перераспределения доходов, которая должна включать введение прогрессивной шкалы налогообложения, а также налогов на богатство и роскошь, что может увеличить доход бюджета для использования его в целях увеличения социальных трансфертов. Но политика перераспределения доходов в пользу низкодоходных групп без развития частного сектора экономики не может быть эффективной в долгосрочной перспективе, поскольку она

вызовет усиление роли государства и ограничение индивидуальной активности граждан. Как показал де Жувенель, самым важным результатом политики перераспределения является тот импульс, который она придает губительному процессу централизации¹¹³. Для современной России было бы весьма желательно избежать такого развития событий в длительной перспективе.

Социальная стратификация общества и формирование среднего класса.

Анализ структуризации общества по показателям уровня жизни, профессиональной компетенции, измеряемой по уровню общего и специального образования, и по выполнению управленческих функций позволяет рассмотреть социальную стратификацию общества. Выделяемые социальные страты различаются ресурсами, которые воплощены в доходе, уровне образования и наличии властных функций.

Для анализа социальной стратификации проведен двухэтапный кластерный анализ данных мониторинга о работающем населении страны за 2006, 2010 и 2015 гг.¹¹⁴. Результаты кластеризации содержатся в таблице 2.10.

Таблица 2.10

Социальная стратификация занятого населения России (% от опрошенных)*

Социальный слой	2006	2010	2015
Руководители высокого и среднего уровня (высокостатусные)	11	21	21
Эксперты, специалисты	20	16	22
Реалисты среднеобразованные	39	37	23
Бедные руководители	8	-	-
Новые бедные (образованные)	-	11	-
Новые бедные (среднеобразованные)	23	-	18
Реалисты малообразованные	-	16	16

За годы наблюдений происходила умеренная восходящая социальная мобильность для лиц, имеющих высшее профессиональное образование и нисходящая социальная мобильность для лиц со средним специальным образованием, некоторые социальные слои показали свою устойчивость. Поэтому композиция слоев в разные годы наблюдений имеет свою определенность.

Все социальные слои, выделенные в 2006, 2010 и 2015 гг. можно представить по следующим характеристикам.

¹¹³ Де Жувенель Б. Этика перераспределения // www.libertarium.ru/1_lib_ethics

¹¹⁴ Беляева Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социс. 2005, № 12.

«Руководители высокого и среднего уровня (высокостатусные)» имеют в большинстве высшее или послевузовское образование, доход на уровне обеспеченных или выше, руководят коллективами или другими работниками.

100 % *«экспертов»*, или если говорить более традиционно, *«специалистов»* имеют высшее образование, но у них нет подчиненных, а свой доход они в основном оценивают как «обеспеченные».

«Реалисты среднеобразованные» - это гетерогенный слой востребованных на рынке труда специалистов в основном со средним специальным образованием, но в их числе небольшая часть – до 15 % имеют незаконченное или законченное высшее образование. Они не имеют подчиненных, их доход в среднем между «необеспеченными» и «обеспеченными».

«Бедные руководители» с основным относятся к среднему и нижнему звену в управлении, имеют меньше подчиненных, чем «высокостатусные», образование в основном среднее специальное (63 %), но часть имеет незаконченное высшее.

«Новые бедные (образованные)» – это смешанная группа в основном очень бедного населения (80 % относятся к нижнему материальному слою), в которой представлены все образовательные группы, в том числе 30 % специалистов с высшим и незаконченным высшим, 42 % со средним специальным образованием, не имеющие подчиненных, работающие на плохо оплачиваемых местах, в основном в бюджетной сфере.

«Новые бедные (среднеобразованные)» имеют образование не ниже среднего специального, доход низкий, на уровне бедных и необеспеченных, не имеют подчиненных.

«Реалисты малообразованные» - те, которые сейчас востребованы рынком труда, по своему доходу приближаются к обеспеченным, но при этом их образование не выше среднего общего, заняты в основном не-и малоквалифицированным трудом.

Как видно в табл. 2.10, социальная структура общества за последние 10 лет вызвала несколько импульсов к изменению стратификации.

1. Стал устойчивым по своему положению и по своей численности слой руководителей, практически исчезли руководители с низкими доходами, переместившись в верхний слой. Сейчас среднее значение дохода этого слоя 3,66 по 5 балльной шкале (между обеспеченными и зажиточными).

2. Выросла – восстановилась за 10 лет численность экспертов и специалистов, достигнув 22 %, они имеют, как правило, высшее образование и достойный доход – на уровне зажиточных (эксперты) или приближающихся к обеспеченным (специалисты). В

этот слой переместились образованные новые бедные, которые в 2010 г. составляли 11 % опрошенных.

3. Серьезные проблемы возникли сейчас у реалистов среднеобразованных (их численность сократилась за 5 лет на 14 %) - большая часть из них переместилась в слой «среднеобразованных новых бедных» – имея приличное образование – как правило, среднем специальное, они уменьшили свой доход до уровня между «бедными» и «нищими». В прошлые волны мониторинга эта группа была стабильно большой (до трети занятого населения), но она оказалась весьма уязвима в условиях кризиса. Ее образовательный ресурс и рабочие места не позволил сохраниться в прежнем объеме.

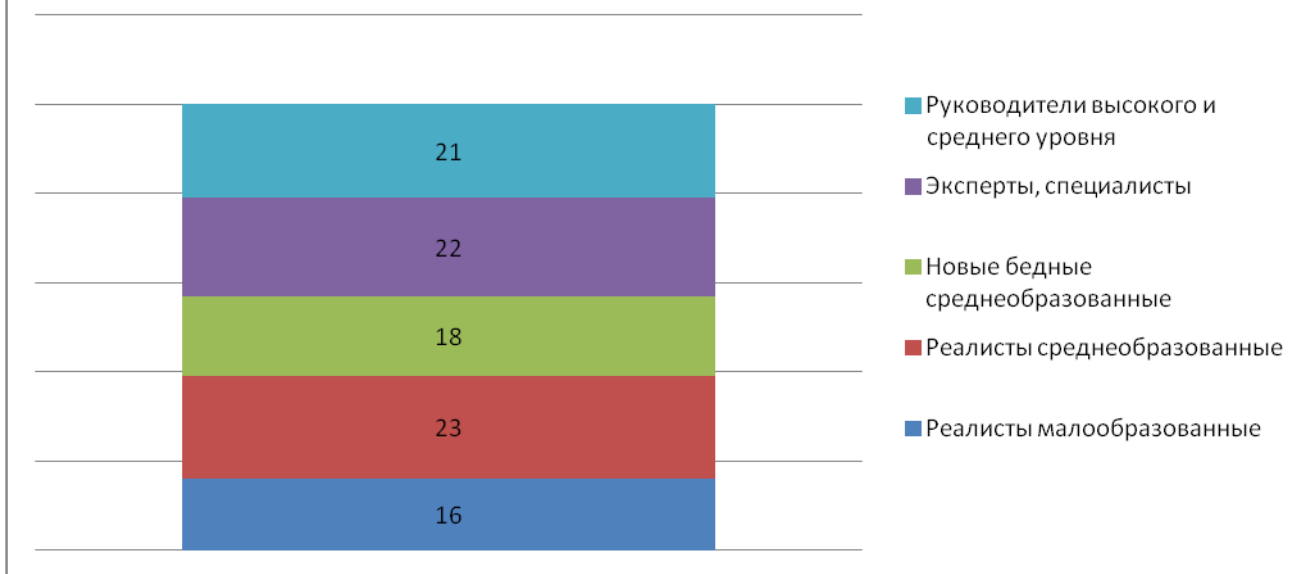
4. Стабильны реалисты малообразованные (16 %) – имея невысокое образование – на уровне средней школы, свой доход они оценивают как приближающийся к обеспеченным. Эта группа малоквалифицированных работников востребована в современной экономике и в среднем неплохо оплачивается по их собственным оценкам.

Таким образом, современное состояние социальной стратификации характеризуется умеренной восходящей социальной мобильностью для лиц, располагающих культурным и социальным капиталом и нисходящей социальной мобильностью для лиц, имеющих образование не выше среднего специального. Именно они стали первыми жертвами современного экономического кризиса и низких темпов реиндустриализации экономики. Утрата этим слоем профессионализма и навыков работы в индустриальном секторе, что произошло с разрушением предприятий, будет оказывать длительное негативное воздействие на состояние рынка труда в России. Уже сейчас на многих предприятиях, особенно в провинции, главной проблемой на создаваемых или возрождаемых производствах является отсутствие квалифицированных рабочих кадров.

Высшее образование остается в обществе главным средством, которое держит человека на плаву, обеспечивая довольно высокий социальный статус и доход. Вместе с тем российское общество продолжает оставаться обществом работников физического труда – более половины в нем составляют лица со средне-специальным и более низким образованием со средними и низкими доходами, большинство из которых заняты физическим трудом. Последние слои наиболее уязвимы в социальном отношении и именно им должна бы дать устойчивость и развитие новая индустриализация России.

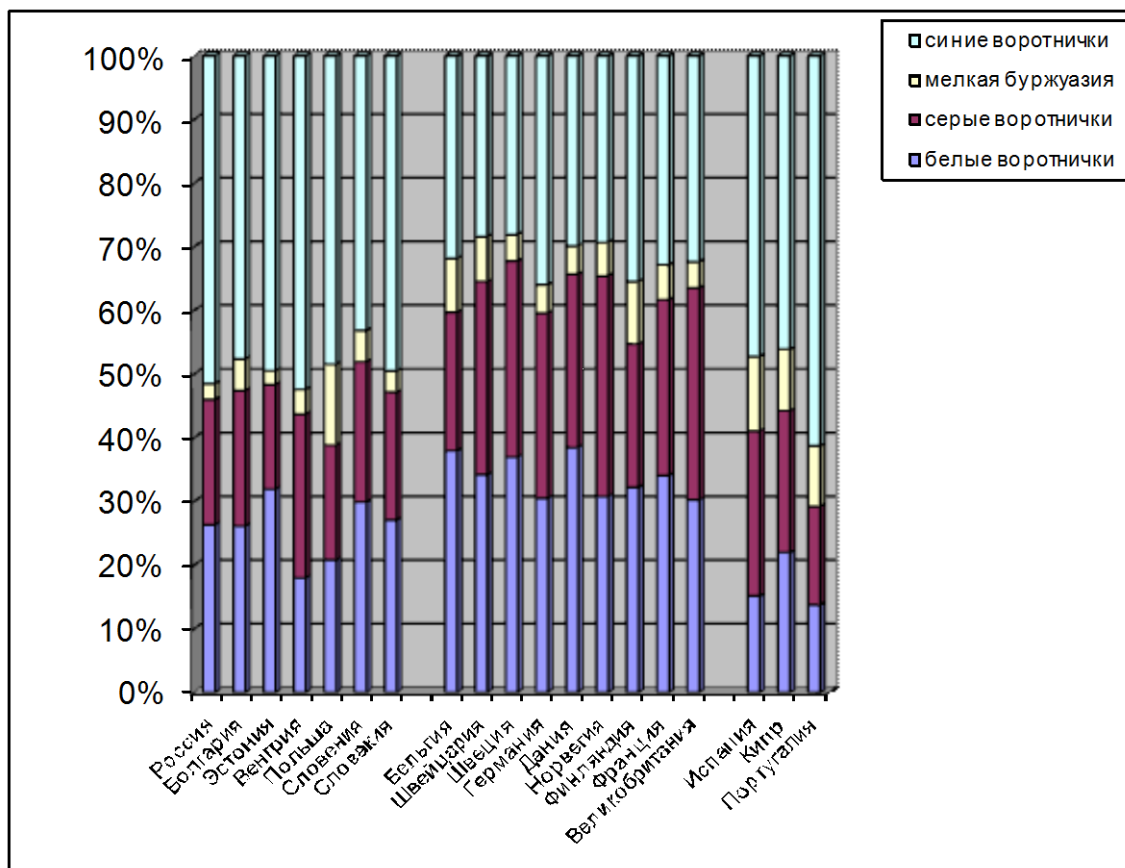
Социальная стратификация занятого населения России по данным 7-ой волны мониторинга (2015 г.) представлена на рис. 2.9.

Рисунок 2.9 Социальная стратификация занятого населения России. 2015 г.

Здесь уместно сравнить данные мониторинга с данными Европейского социального исследования (ESS), в котором участвует Россия (рис. 2.10). Россия входит в группу восточно-европейских стран, где в классовой структуре преобладает рабочий класс, или «синие воротнички». Они составляют примерно 50 % занятого населения (исключение - Словения, где их только 43 %). В России «синие воротнички» составляют по данным ESS 52 %, что практически повторяет данные мониторинга 2015 г. «Белые воротнички» занимают в этих странах в среднем четверть населения. При этом в России доля мелкой буржуазии (мелких собственников и самозанятых) одна из самых низких – только 2,5 %. «Серые воротнички» - работники сектора услуг - составляют довольно внушительную часть российского населения – 20 %. И это свидетельство постепенного развития в нашем обществе третичного сектора, в который переместились в период кризиса работники других отраслей, утратив свою профессиональную идентификацию.

Рис. 2.10 Социально-профессиональная структура России и европейских стран

В сравнении с наиболее развитыми западными странами, находящимися на постиндустриальном этапе развития, четко видно, что структура населения в России соответствует индустриальному этапу развития экономики. У нас значительно меньше «белых воротничков», работников сферы обслуживания, мелкой буржуазии. Но **на 20-25 % больше рабочих**. А это в большинстве своем и есть «реалисты», о которых было сказано ранее. Структура населения четко показывает, что группа развитых стран Западной Европы наиболее продвинулась от модели индустриального общества к постиндустриальному, в то время как в постсоветской России занятость населения соответствует индустриальному периоду, но при этом созданная в советское время индустриальная модель сильно деформирована, высвободив работников для сектора услуг.

В современном обществе качество рабочей силы и ее культурный потенциал характеризуются уровнем профессионализации, поскольку возрастающая специализация экономических ролей и кластеров экономической деятельности – это один из признаков экономической модернизации. Замечу в связи с этим, что в постиндустриальных

обществах Запада до 84 % взрослого населения (Великобритания, Германия) получили профессиональное образование, тогда как в России только 63 %¹¹⁵. В постиндустриальной модели социально-профессиональные позиции занятых смещены в сторону экономики услуг, повышенной роли работников науки и образования, расширения влияния на экономическое развитие квалифицированных профессиональных менеджеров и специалистов. Соответственно этому в развитых западных странах обеспечивается высокий уровень ВВП на душу населения, сформировано относительно высокое качество жизни, обеспеченное разного рода услугами, которые стали доступны большинству населения.

Таким образом, в России сложилась социальная стратификация занятого населения, которая говорит об уровне экономического развития страны, о ее принадлежности к индустриальному этапу развития с отдельными элементами доиндустриальной и постиндустриальной экономик. В составе занятого населения имеются три социальных слоя, не относящихся к элите, но обладающих культурным капиталом, профессионализмом и адаптированные к переменам: высокостатусные, эксперты а также часть «реалистов», которые могут рассматриваться как социальная база экономической модернизации. В совокупности они составляют около 50 % занятого населения. Именно эта среда может выдвигать не только участников, но и организаторов модернизационного развития. Особое место в процессе структуризации российского общества занимает средний класс, который, как все общество, подвержен влиянию социально-экономических процессов, то расширяясь, по сжимаясь и при этом демонстрируя изменение своего самочувствия.

Самоидентификация респондентов относительно пяти слоев показала значительные изменения в 1998- 2015 гг. доли населения, относящего себя к среднему слою, или как его иногда называют, «субъективному среднему классу» (табл. 2.11).

Таблица 2.11

Как Вы думаете, к какому слою общества Вы принадлежите? (в %%)

	1998	2002	2006	2010	2015
Высший слой	0,2	0,7	0,3	0,5	3
Слой выше среднего	4	4	4	7	6
Средний слой	49	49	54	62	52
Слой ниже среднего	25	32	25	20	22
Низший слой	12	8	10	7	11
Не знаю, отказ от ответа	10	6	7	4	7

В 2015 г. доля этого слоя сократилась на 10 % по сравнению с 2010 г., одновременно сформировалась довольно устойчивая самоидентификация слоев выше

¹¹⁵ Россия в Европе. По материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование». С. 69.

среднего – она приближается к 10 % занятого населения, выросли слои, расположенные ниже среднего слоя – на 7 % по сравнению с 2010 г.

Самоидентификация со средним слоем не дает основание считать, что это средний класс общества. Средний класс должен обладать развитым человеческим капиталом, способным обеспечивать прогресс общества и в то же время стабилизировать социальный порядок и придавать устойчивость общественным отношениям. Уровень жизни среднего класса обеспечивает ему получение социально приемлемого объема материальных и культурных благ, социальных услуг. Его уровень жизни в процессе модернизации постепенно приближается к уровню жизни среднего класса развитых обществ.

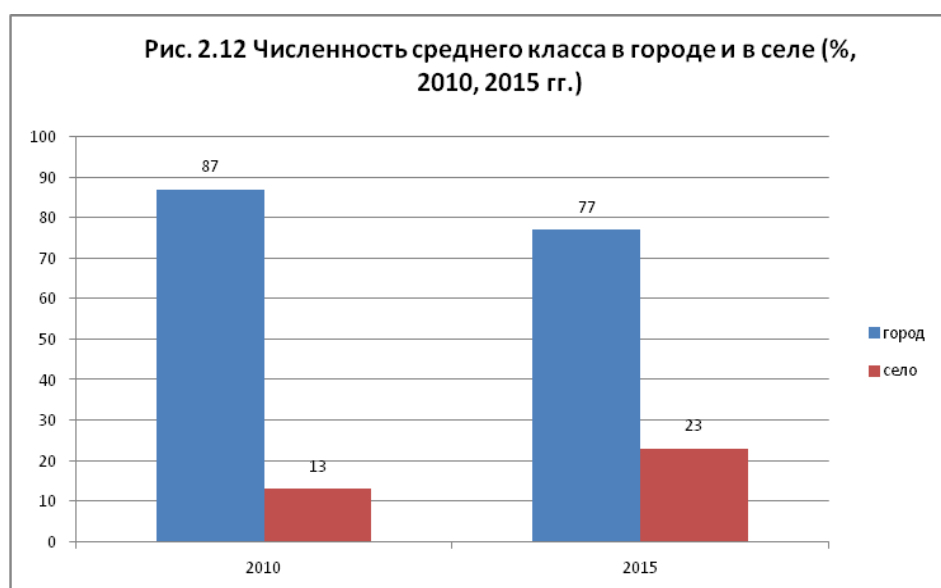
При обработке данных мониторинга производилось выделение среднего класса по трем признакам – самоидентификация со средним слоем, уровень образования не ниже среднего специального и материальный уровень, достаточный для жизни (не ниже обеспеченных по материальной шкале в табл. 2.9). Применение одной и той же методики в разные годы мониторинга показывает, что изменение его численности коррелирует с трендами развития социальных и материальных слоев (см. рис. 2.11).

По данным мониторинга, его численность уменьшилась в 2015 г. по сравнению с 2010 на 4 % и стала даже ниже, чем в 2006 г. Сейчас он составляет 20 % от численности населения. Основные факторы снижения – сокращение численности лиц, идентифицирующих себя со средним классом и снижение уровня доходов в этом слое по сравнению с 2010 г. в условиях современного кризиса.

При этом сократилась доля среднего класса в населении крупных городов, выросла в средних городах, осталась незначительной, хотя несколько и увеличилась, в малых городах. Новое явление – увеличение среднего класса в сельской местности (рис. 2.12). Но по профессиональному составу нельзя сказать, что это работники сельского хозяйства,

скорее сказывается новая система расселения жителей, работающих в городах, которые могут перебираться жить в пригороды и в сельскую местность.

Больше половины среднего класса работает на частных и акционерных предприятиях без участия государства, или являются индивидуальными предпринимателями (вместе 57 %). 22 % работают в органах управления или в бюджетных организациях.

Характерно, что средний класс сохраняет *большой* оптимизм, чем остальное общество, легче преодолевает текущий кризис, чаще выбирает активные стратегии сохранения или улучшения своего материального положения. Средний класс меньше рассчитывает на помощь государства и чаще высказывается за самостоятельность частного сектора, против вмешательства государства в его деятельность. В менталитете среднего класса устойчиво сохраняются и даже постепенно увеличиваются ценности самостоятельности, автономности, свободы. Ранее уже было показано, что средний класс является большим сторонником свободы, чем остальное общество. Разница составляла в разные годы мониторинга от 6 до 12 процентных пункта. Но и претензии к государству как гаранту личной безопасности беспокоят около 50 % среднего класса и остального населения, близки к этим значениям и данные по социальным слоям. Сомнительно усматривать в этих данных стремление к «твердой руке», склонность к «этатизму», скорее это надежда на то, что можно совместить свободу и безопасность, если будут эффективно исполняться государственные функции.

По многим проблемам развития общества средний класс имеет близкие позиции с остальной частью общества, в частности по наличию у него социального капитала. В оценках доверия между людьми, доверия к государственным институтам, в том числе

низкому доверию к политическим партиям и к полиции и т.д. разница составляет всего 3-5 процентных пункта.

Нельзя недооценивать тот модернизационный потенциал, который был накоплен средним классом за 25 лет перемен. Многие его представители имеют и негативный опыт вписывания в рыночные отношения – участие в коррупции, включения в неформальные экономические отношения и т.д., но они действуют в той институциональной среде, которая существует в России, а эта среда далека от западных стандартов. Так, по данным 2015 г. каждый четвертый представитель среднего класса за последний год сталкивался с вымогательством, взятками, коррупцией.

Можно говорить об устойчивой самоидентификации со средним классом наиболее активной, самостоятельной и рациональной части общества. Но стагнация и даже сокращение численности в последние годы свидетельствует не только о воздействии кризиса, но и об исчерпанности резервов роста среднего класса в том русле развития, в котором движется сейчас Россия. И это серьезный социокультурный вызов для российской модернизации. Рост численности и улучшение социального самочувствия среднего класса, получение ясных сигналов от власти, что институциональные условия его деятельности будут улучшаться, является необходимым условием стабильного развития и реализации стратегий модернизации российского общества.

Раздел 3

РЕАЛИИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

СПОНТАННОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Радикальная трансформация России и хаотичная деиндустриализация в 90-х годах XX в.

На рубеже 80-90-х годов XX века началась радикальная трансформация России – как государства, общества и цивилизации. По соглашению с руководством Украинской и Белорусской ССР, подписанному в Беловежской пуще, Россия сама сузила свою территорию до границ РСФСР, вне которых оказался Крым. Произошел распад СССР и Россия восстановилась как самостоятельное государство ценой нового, самого значительного ее пространственного уменьшения.

В результате инициированного Президентом и Правительством постсоветской России следования рекомендациям Вашингтонского консенсуса, обвальная инфляция и

персонально ориентированных залоговых аукционов произошла повсеместная хаотичная деиндустриализация, которая подорвала производственные фонды обрабатывающей промышленности страны, третьего и четвертого ее технологических укладов. Российская статистика плохо учитывает эти процессы, хотя существенные их последствия сохранились во многих регионах. Вектор эволюции России как цивилизации оказался под сильным *экзогенным* воздействием.

Основным поведенческо-институциональным содержанием трансформации вновь стала вседозволенность авторитарных слоев, включая быстро размножившиеся бандитские группы. Персонифицированная ваучеризация, залоговые аукционы, и другие рукотворные акции реформаторов в 90-е годы создали условия хаотичного возникновения средних и крупных, но неэффективных собственников, ориентированных на немедленное получение максимальных доходов любыми способами – «пока есть такая возможность». В сочетании с вульгарно-монетаристскими технологиями в финансовой сфере эти меры породили хаотично нарастающую деиндустриализацию отраслей, ориентированных на внутренний рынок. Наибольшие разрушения произошли в наукоемкой промышленности, особенно в машиностроении, в легкой промышленности и производстве товаров народного потребления.

Инновационность продукции обрабатывающей промышленности упала до 1%. Еще более глубокая деиндустриализация произошла в сельском хозяйстве, которое было разрушено путем раздачи крестьянам абстрактных «паев» земли (своего рода аграрных ваучеров) вместо конкретных земельных участков. О совершившемся спаде за первые 5 лет реформ можно судить по данным в табл. 3.1.

Таблица 3.1

Спад продукции, инвестиций, доли отечественных товаров на потребительском рынке России (первые 5 лет реформ)

	1992	1996
Вся промышленность (индексы, 1990 = 100)	75	48
В том числе:		
- добывающая	85	67
- обрабатывающая	74	43
Крупный рогатый скот (млн. голов, в хозяйствах всех категорий)	54,7	31,7
- в том числе:		
- коровы	20,6	14,6
- свиньи	35,4	17,3
- овцы и козы	55,3	19,3
Инвестиции в основной капитал (индексы, 1990=100)	51	25
Товарные ресурсы, направленные на потребительский рынок	100	100
В том числе:		
- отечественные	77	48
- поступившие по импорту (включая неорганизованный ввоз)	23	52

Источник: *Н.Я.Петраков*. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., Экономика, 1998. С. 254-258, на основе табл. 1, 2, 3, рис. 1.

Таким образом, в начале нового столетия Россия в основном спонтанно перестала быть одной из индустриально развитых стран. Возникла задача восстановления индустриальной базы обрабатывающей промышленности и всей экономики, обострилась потребность в модернизации общества в целом.

В разделе 1 обобщенно сказано, а в «Атласе модернизации России и ее регионов» подробно показано: в городах и весях России, в ее центральных и периферийных регионах и стране в целом, как и в большинстве стран мира, действительно совершаются процессы модернизации – технико-технологические, социоэкономические, социокультурные, институционно-регулятивные. Они совершаются как естественно-исторические процессы жизнедеятельности населения. Их совокупность весьма противоречива, имеет неоднозначные тенденции, порождает сложные проблемы.

Исходный факт состоит не только в том, что в настоящее время в России совершаются процессы модернизации, а и в том, что, как и во многих среднеразвитых странах, *одновременно осуществляются две ее стадии* – первичная, индустриальная и вторичная, информационная. Каждая стадия осуществляется в разных регионах по-своему, в разной мере и с разными результатами, что не исключает их общих характеристик, качеств, этапов.

Подытожим тенденции, этапы, качества и проблемы процессов российской модернизации, осуществлявшихся в 2000-2012 годах. Наиболее значимые их качества: (1) спонтанность, несбалансированность экономической, социальной, когнитивной составляющих модернизации; (2) фрагментарность результатов модернизационных процессов, целеполагание и эволюция которых подчас зависят от случайных факторов; (3) в итоге – торможение модернизации, ее социокультурная дисфункциональность.

Названные качества можно рассматривать как свойственные не только модернизации, но и трансформирующемуся российскому **обществу в целом**. В совокупности они *не позволяют решить те его проблемы*, которые как раз и вызывают саму потребность в модернизации, образует ее социокультурные вызовы. Эти качества порождают также новые проблемы и угрозы дальнейшей эволюции России.

Вначале напомним основные этапы предыстории этих процессов в 90-е годы. 1992-1998 годы: *повсеместная деиндустриализация*, которая подорвала производственные фонды обрабатывающей промышленности страны, третьего и четвертого ее технологических укладов. 1998-1999 годы: *начало стабилизации и восстановления экономики*. Частичное восстановление индустриальной базы

обрабатывающей промышленности и всей экономики, обострение потребности в модернизации как способа цивилизационной эволюции современной России.

Спонтанный рост модернизации в 2000-2012 гг.

Российская статистика не адаптирована к выявлению процессов модернизации, в том числе к выявлению динамики технологических укладов. Поэтому для Атласа очень важны показатели и индексы мониторинга модернизации в 130 странах, который с 2000 года осуществлял Центр исследований модернизации Академии наук Китая. Согласно индексам ЦИМ АНК, в 2000-2012 годах произошло заметное повышение фаз, стадий и состояний (типов) модернизованности России (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Динамика фаз, стадий и состояний (типов) модернизованности России (2000-2012 гг.)

Стадии модернизации России в целом, их характеристики	Индексы и фазовые значения стадий, номера состояний модернизованности России в целом						
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Первичная модернизация (ПМ)	91,9	95,5	99,7	99,9	99,9	100,0	100,0
Фазовые значения ПМ	3,25	3,25	3,5	3,25	3,75	3,75	3,75
Вторичная модернизация (ВМ),	(57,0)	(66,2)	(69,8)	(70,4)	71,2	73,0	74,4
Фазовые значения ВМ, до 2010 г. – условные, на стадии ПМ	(1,0)	(0,5)	(0,75)	(1,0)	1,0	1,0	1,0
Интегрированный индекс двух стадий модернизации	54,0	57,9	62,5	63,5	65,6	65,4	67,0
Состояния модернизованности	3	3	3	3	5	5	5

Источник: *Chuanqi He* (ed). China Modernization Report 2014: Industrial Modernization. Beijing, University Press, 2015.

Анализ этих данных позволяет выделить **два периода модернизации России в начале XXI столетия:**

1) 2000-2009 гг. – быстрый рост индексов первичной модернизации в пределах третьего состояния (типа) модернизованности; однако в 2008 г. начался экономический кризис, который, в сочетании с внешними санкциями затормозил процессы модернизации - не только вторичной, но и первичной.

2) В 2010-2012 гг. Россия достигла и, казалось бы, закрепила в подготовительной фазе вторичной модернизации, состояние ее модернизованности повысилось на две ступени (от типа 3 в тип 5), но одновременно наблюдалось кризисное торможение процессов модернизации, стабилизация большинства регионов в состояниях первичной модернизации. Более того, с 2013 г. углубляется кризисное торможение модернизации, возникли симптомы социогуманитарной рецессии (2015 г.).

На первом этапе, до начала кризиса, к 2008 году индекс ВВП России на душу населения достиг 100% требуемого значения. Индекс продолжительности жизни поднялся

до 97%. В целом индекс осуществления первичной модернизации России вырос в 2000-2008 гг. с 91,9% до 99,7%, а ее место среди 131 страны повысилось на 8 пунктов (стало 40-м). Одновременно *условный индекс* вторичной модернизации¹¹⁶ вырос на 10 пунктов, однако международный ранг России по этой, высоко конкурентной позиции снизился (стал 30-м). Интегрированный индекс модернизации России повысился на 10,4 пунктов, но ее международный ранг по этому комплексному, наиболее подходящему для международных сопоставлений индексу, не изменился (37-е место). В итоге Россия в 2008 г. находилась в первой половине среднеразвитых стран, но значительно отставала от развитых (62,5 балла по сравнению с их 77 - 98 баллами).

На следующем этапе, в 2010-2012 гг. был преодолен формальный рубеж вступления России в подготовительную фазу вторичной модернизации. Несмотря на начавшийся в 2008 г. кризис, индекс первичной модернизации России, по инерции предшествующего роста нефтегазовых доходов, к 2010 г. даже немного повысился, хотя итоговый индекс снижала недостаточная ожидаемая продолжительность жизни). Однако некоторые конкурирующие страны (Кувейт, Бразилия, Турция) росли быстрее и потеснили Россию с 40-го места на 43-е. Индекс вторичной модернизации поднялся на два пункта, а международный ранг в этой категории стран не изменился. От информационно развитых стран Россию стали отделять 4 среднеразвитые; по возрастанию индексов, это – Греция, Чехия, Италия, Португалия. Интегрированный индекс модернизации тоже немного повысился (до 67), но соответствующий ранг России вернулся к состоянию 2000 года.

Тем не менее, к 2010 г. произошло существенное повышение *фазовых значений* первичной модернизации России. В условиях начавшегося кризиса, вследствие продолжавшегося обезземеливания крестьян (посевные площади всех сельскохозяйственных культур России уменьшилась на 1736 тыс. га¹¹⁷), снизилась доля аграрного сектора в ВВП страны (с 4,7% до 4%), а также доля занятости в этом секторе по отношению к общей занятости (с 10,0% до 9,7%). В результате этих негативных процессов фазовое значение первичной модернизации России повысилось с 3,5 до 3,75. Это формальное «достижение» позволило отнести процессы модернизации России в целом в 2010-2012 гг. к подготовительной фазе вторичной, информационной модернизации. Состояние модернизованности России в целом повысилось на две ступени: от типа 3 до типа 5.

¹¹⁶ Строго говоря, до вступления страны или региона в стадию вторичной модернизации нет оснований фиксировать ее фазы, поэтому в данном случае мы называем ее индексы *условными*.

¹¹⁷ Регионы России. 2011. Стат. сб. М., Росстат табл. 15.5.

В 2010-2012 гг. 25 регионов из 83 достигли 100%-го уровня ее стандартных показателей первичной модернизации, преодолели барьеры высшей, четвертой ее фазы и вступили в стадию вторичной модернизации. В силу названных и иных причин структурного характера **Россия в целом к 2012 г. вошла в подготовительную фазу вторичной модернизации.** В регионах, которые достигли второй, информационной стадии модернизации, проживали 40% населения страны. Занятая в экономике часть этого населения создала более 60% ВРП России. Соответственно, и экономический эффект их трудовой деятельности, или производительность их труда были в 1,5 раза выше среднероссийского. Таков преимущественно экономический эффект модернизации.

Тем не менее, содержание второго этапа (2010-2012 гг.) требует критического восприятия. Во-первых, 58 регионов страны еще оставались на стадии первичной модернизации, т.е. в более низких состояниях модернизованности - с первого по третий типы. В этих регионах жили свыше 60 % населения (137,9 млн. чел.), а производительность труда занятой их части оставалась в 1,5 раза ниже среднероссийской. Среди них 6 регионов находились в низшем состоянии модернизованности (тип 1); это республики Алтай, Калмыкия и Северная Осетия–Алания, Кабардино-Балкарская и Карачаево–Черкесская республики, Тамбовская область. Общая численность населения этих регионов составляет 3,6 млн. человек.

Во-вторых, достигнутые рубежи соответствовали состоянию модернизованности развитых стран полувековой давности - в начале 60-х годов XX столетия. Осуществившиеся с тех пор и продолжающиеся в этих и других странах достижения постиндустриальных (пятого и шестого) технологических укладов создали новое качество современного состояния завершенности первичной, индустриальной модернизации. В условиях глобализации оно меняется буквально на наших глазах. Еще недавно бизнес этих стран стремился выводить промышленные предприятия в менее развитые страны с дешевой рабочей силой, развивая у себя дома фирмы с высокотехнологичным, виртуально оцениваемым капиталом. Но в последнее время дефицит реальной экономики и реальных капиталов оказался сопряжен с глубоким финансово-экономическим и цивилизационным кризисом. Малоквалифицированная рабочая сила мигрирует в пространственно близкие им страны Европы из слаборазвитых стран Африки и ближнего Востока, охваченных кровавыми конфликтами. Этот мощный фактор, как и дефицит реальных капиталов, побуждают бизнес возвращать реальное производство домой. Начавшаяся *новая индустриализация* (или реиндустриализация) в развитых странах означает также и новое качество современных индустриальных укладов, которые насыщаются

постиндустриальными достижениями науки и техники. Не случайно стали говорить о четвертой промышленной революции.

Следовательно, достижение Россией (в целом, но лишь менее 30% ее регионов и около 40 % населения) завершенности стандартов первичной модернизации полувековой давности не означает действительного завершения индустриализации в современном ее качестве. Стандартные формальные рубежи высшей фазы первичной модернизации были взяты благодаря *инерции* «тучных лет».

Теперь реальное достижение современных рубежей индустриализации требует развертывания **новой индустриализации** – создания и эффективной эксплуатации нового производственного оборудования и конкурентоспособного качества создаваемых товаров и услуг, перехода от трудоемкой экономики к наукоемкой.

Кризис сделал содержание третьего этапа модернизации России остро противоречивым. Во-первых, спонтанное вхождение «России в целом», но меньшинством ее регионов и населения, в подготовительную фазу вторичной модернизации свидетельствовало об усилении неравномерности социально-экономического, в целом социокультурного развития регионов. Другим следствием кризиса и последовавших санкций стало замедление перехода многих регионов в высокие фазы первичной модернизации, торможение их подготовки к переходу во вторичную ее стадию.

Факторы спонтанного роста модернизации

В начале своего президентского срока (2008 г.) Д.А.Медведев декларировал модернизацию как приоритетную стратегию движения России вперед. Однако дело не дошло до научно обоснованной разработки этой стратегии, тем более - ее практической реализации. До сих пор **отсутствует целенаправленное регулирование** российской модернизации. «Стратегия 20-20» имеет иное содержание, но также далека от воплощения в жизнь.

Возникает вопрос: почему, несмотря на отсутствие целенаправленного регулирования сверху, модернизация все же осуществляется, пусть и спонтанно, в несовременном и неэффективном варианте? Прежде всего, в результате тех же радикально-хаотичных реформ в 90-е годы прошлого века, во-первых, возникла *многоукладная экономика*, которая создала качественно новый диапазон выбора характера трудовой деятельности (не только наемный труд, но и самозанятость или ведение собственного бизнеса); во-вторых, разрушение тоталитарного режима *приоткрыло свободы* идеологической и общественно-политической активности граждан. Эти два фактора и составляют сохраняющиеся достижения эпохи Ельцина.

Многолетний мониторинг ЦИСИ Института философии РАН показал, что в качестве социальной базы модернизации возник «средний класс» как большая сложносоставная социокультурная страта, а более конкретно - такие ее слои как «высокостатусные», «эксперты», «руководители», часть «реалистов», - всего примерно 50% занятого населения.¹¹⁸ За годы реформ эти слои постепенно накопили опыт коммерческой культуры, стали опорой для становления частного сектора – с одной стороны, а с другой – используют свой социальный и культурный капитал для улучшения собственного благополучия, тем самым работают и на экономическое, научное и культурное развитие страны, а также создали массовую базу для распространения демократических установок и либеральных ценностей. Накопление модернизационного потенциала общества происходило прежде всего в крупных городах и столице, но затем в средних городах также стала расти социальная база для модернизации.

Вместе с тем, можно предположить, что и на вершинах статусной стратификации, среди российских олигархов действуют свои, персонифицированные стимулы-мотивы модернизации, исходящие от силовых полей глобальных потоков капитала, движимых конкуренцией стран и транснациональных корпораций. Многие отечественные олигархи оказались в Лондоне, вблизи финансовых эпицентров глобальных потоков капитала, и непосредственно воспринимают потребность инвестировать часть сверхприбылей в модернизацию своих корпораций в России, чтобы удерживаться в верхней страте глобальных миллиардеров.

Однако в самой России процессы модернизации упираются в низкое качество рыночной конкуренции и управления - некомпетентность многих менеджеров и чиновников, дополняемую их активной открытостью коррупции, соответственно - непрозрачностью их действий.

В результате массовые модернизационные процессы совершаются по преимуществу спонтанно, вопреки коррумпированному противодействию. Впрочем, они все же испытывают слабое управленческое воздействие в виде стратегий социально-экономического развития регионов, которые в последнее время дополняются федеральными программами, распространяемыми и на регионы. Но фрагментарная управляемость не обеспечивает сбалансированного соотношения между основными, социетальными составляющими модернизации как социокультурного процесса.

Несбалансированность составляющих вторичной и интегрированной модернизации

¹¹⁸ Подробнее см. гл. 2.

Существование такой проблемы побудило ЦИСИ Института философии РАН разработать *индекс сбалансированности* вторичной стадии модернизации. Формальные предпосылки решения этой задачи создал инструментарий ЦИМ КАН, благодаря которому уровень модернизованности каждой социетальной сферы вторичной модернизации (экономической, социальной, когнитивной) выражен через величины соответствующих субиндексов этой стадии, а соотношение двух стадий модернизации – через субиндексы интегрированного индекса¹¹⁹:

$$ИСвм = (1 : [(Ивм - Сиз)^2 + (Ивм - Стз)^2 + (Ивм - Скж)^2 + (Ивм - Скэ)^2]) : 100,$$

где: **ИСвм** – индекс сбалансированности вторичной модернизации; **Ивм** – итоговый индекс вторичной модернизации; **Сиз** – субиндекс инноваций в знаниях; **Стз** – субиндекс качества жизни; **Скж** – субиндекс качества экономики. (для редактора: 2 – обозначение степени = в квадрате).

Вычисление индексов сбалансированности (ИСб) составляющих модернизации России и ее регионов обнаружило разнородные тенденции. С одной стороны, Как видно из табл. 3.3, за 12 лет число регионов с низким уровнем индекса вторичной модернизации увеличилось более чем в 25 раз (с 2-х в 2000 г. до 51 в 2012 г.) за счет значительного уменьшения числа регионов других уровней сбалансированности, включая уровень «ниже среднего». В 55 регионах это произошло из-за отставания одновременно экономической и инновационно-когнитивной составляющих от уровня социальной составляющей, которая оказывалась впереди благодаря уровню, достигнутому еще в советское время. Лишь в 14 регионах индекс экономической составляющей выше среднего ИСб; из них 9 регионов находятся в стадии вторичной модернизации (ВМ). Аналогично, в 15 регионах индекс когнитивной составляющей выше среднего ИСб; из них 10 регионов – в стадии ВМ. И только в одном регионе значения экономической и когнитивной составляющих выше среднего ИСб – это Москва, которая достигла высокого состояния модернизованности (тип б).

Таблица 3.3

Динамика численности регионов России по уровню индекса сбалансированности вторичной модернизации (IDSМ, 2000 – 2012 гг.) 19.01

Россия	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009	2010 г.	2011	2012 г.
высокий	8	3	4	4	2	1	2
выше среднего	12	4	2	2	2	2	2
средний	23	15	9	9	7	4	4
ниже среднего	38	40	32	32	28	25	24
низкий	2	21	36	36	44	51	51
Всего регионов	83	83	83	83	83	83	83

Таблица построена с помощью ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

¹¹⁹ Обоснование индекса сбалансированности модернизации см.: Проблемы социокультурной модернизации регионов России. Сост.- отв. ред. Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. М., Academia. 2013. С. 28-30.

Противоположной была динамика числа регионов по уровню интегрированного ИСб составляющих: в 2000-2012 гг. почти в 10 раз уменьшилось число регионов с низким уровнем интегрированного индекса, который выражает сбалансированность двух стадий модернизации; впрочем, в двух случаях из трех это означало повышение ИСб регионов лишь до уровня «ниже среднего», и только в трети случаях – до среднего уровня (см. табл. 10.3).

Таблица 3.4

Динамика численности регионов России по уровню интегрированного индекса сбалансированности модернизации (ИИД, 2000 – 2012 гг.) 13.01

Россия	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009	2010 г.	2011	2012 г.
высокий	1	2	5	1	2	4	6
выше среднего	1	0	1	1	3	7	9
средний	0	5	3	4	10	14	15
ниже среднего	7	35	40	33	41	50	45
низкий	74	41	34	44	27	8	8
Всего регионов	83	83	83	83	83	83	83
Таблица построена с помощью ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).							

Очевидно, что чем более комплексной и сбалансированной будет модернизация как цивилизационный процесс, тем явственнее проступит ее собственная роль в повышении уровня и качества жизни населения. Напротив, сохранение ее разбалансированности обрекает население на углубление контрастов в его жизни и означает торможение процессов модернизации в целом.

В табл. 3.5 приведены данные, свидетельствующие о замедлении темпов роста числа регионов, комплексные состояния (типы) модернизированности которых повышались в 2000 - 2012 гг. Если на стадии первичной модернизации, в ее фазах роста и зрелости, *быстро* увеличилось число регионов типов 2 и 3, то на стадии вторичной модернизации изменения происходили *намного медленнее*.

Таблица 3.5

Динамика числа регионов России по состояниям (типам) модернизированности

Состояния (типы) модернизированности регионов	Число регионов					
	2000	2005	2008	2010	2012	
На вторичной стадии модернизации						
6. Регионы, развивающие (развитые) вторичную модернизацию	1	2	1	3	4	
5. Регионы, продолжающие вторичную модернизацию, подготавливая ее развитие	3	3	8	4	10	
Всего таких регионов	14	15	21	19	25	
На первичной стадии модернизации						
3. Регионы зрелой первичной)модернизации	7	11	19	22	29	
2. Регионы, продолжающие первичную модернизацию	44	40	29	33	23	
1. Регионы, начинающие, возобновившие первичную модернизацию	18	17	13	9	6	
Всего таких регионов	69	68	61	64	58	

Всего регионов	83	83	83	83	83	

За 10 лет около 20 регионов и поднялись из типа 2 в тип 3 и выше. Но дальнейшая динамика большинства регионов, находящихся в состоянии зрелой первичной модернизации (тип 3), *затормозилась*: они не смогли преодолеть барьеры переходной фазы и войти в подготовительную фазу вторичной модернизации. С началом экономического кризиса 2008 г. в одних регионах произошло снижение состояний модернизованности (например, в Мурманской и Челябинской областях), а в других наблюдались колебания состояний – снижение с последующим восстановлением (например, в Ивановской, Кировской, Самарской областях). К 2015 г., в условиях углубления кризиса (с 2013 г.) и внешних санкций (с 2014 г.), торможение модернизации приобрело *симптомы начала социогуманитарной рецессии*.

Таким образом, в России в последние годы наблюдается ***торможение процессов модернизации***. Как показывают социокультурные портреты, в ряде регионов заметна ее социокультурная дисфункциональность, т.е. превращение в псевдомодернизацию. Элементы вторичной модернизации в тех регионах, которые даже на этапе ПМ-1 не достигли переходной фазы, могут создавать иллюзию возникновения вторичной модернизации как таковой, но реально означают по преимуществу экзогенно-диффузное проникновение ее элементов (например, персональных компьютеров) из развитых стран, которое само по себе не может повысить качество модернизации региона до *системной* вторичной модернизации, опирающейся на электронный этап индустриализации (ПМ-2). Это - иллюзия на почве *роста* в рамках первичной модернизации *без развития* во вторичную ее стадию.

Разная социокультурная эффективность модернизации наблюдается и в странах Евросоюза. Согласно анализу данных Европейского социального исследования (2006 г.), модернизационно развитые Германия, Англия, Франция имели средние значения социокультурных параметров 3,8 (по 5-балльной шкале), а Бельгия, Австрия, Нидерланды, Финляндия, Швеция, Дания, Швейцария – 4,4 балл. Но кратно отличались от европейского контекста Россия, Болгария и Украина – соответствующие значения этих стран составляли всего 1,6 балла.¹²⁰

Социоэкономическая и социокультурная дисфункциональность российской модернизации

¹²⁰ См.: *Н.И.Латин*. Сверяем человеческие измерения модернизации (по результатам третьей волны Европейского социального исследования, 2006) // Мир России. Социология. Этнология. М., 2011, № 2. Следует учитывать, что в результате экономического и миграционного кризисов 2014-2016 годов положение в странах ЕС заметно изменилось. Требуется специальные исследования этих изменений.

Имеются три группы факторов социокультурной дисфункциональности и торможения модернизации: структурно-социетальные, материальные и ценностно-культурные. Все они активно обсуждаются российском дискурсе.

Основным структурно-социетальным фактором является *незавершенность трансформации российского общества*. В целом, российское общество, осуществляя социетальную трансформацию, начавшуюся с системного кризиса СССР, завершило первый постсоветский этап своего развития - как этап преодоления основных характеристик прежнего, советского общества, включая приватизацию большей части государственной собственности, разрушение институтов центрально-планируемой экономики, отказ от монополии КПСС в идейно-политической жизни и управлении страной. Однако это еще не означает, что завершен процесс трансформации, которая означает не только разрушение прежнего, но и созидание нового общества, способного удовлетворить потребности населения и успешно ответить на вызовы глобального развития, с которыми сталкивается Россия.

На незавершенность социетальной трансформации России обращают внимание многие исследователи. Так, в 2008 г., на пленарном заседании Всероссийского социологического конгресса ведущие российские социологи сформулировали три фактора, свидетельствующие о незавершенности трансформации:

«Во-первых, главная стратегическая цель реформ – обеспечение социально-экономической конкурентоспособности России с передовыми странами Запада – не достигнута. В стране пока еще далеко не сложились ни эффективная система современных общественных институтов, ни социально-групповая структура, обеспечивающая ее функционирование. Человеческий же потенциал российского общества по сравнению с дореформенным уровнем, скорее, снизился. Таким образом, объективная потребность в дальнейшем развитии трансформационных процессов сохраняется.

Во-вторых, результаты реформ и связанного с ними перераспределения общественного богатства оцениваются массовыми слоями общества как нелегитимные.

Наконец, в-третьих, прекращение целенаправленных реформ «сверху» само по себе не означает прекращения трансформационных процессов. Просто они принимают иную форму – например, распространения новых социальных практик «снизу».¹²¹

Устарели ли за истекшие годы эти аргументы и опирающийся на них вывод о незавершенности трансформации? Скорее, напротив, подтвердилась их устойчивость, тем самым и опасность сохраняющейся ситуации для российского общества. Первое

¹²¹ Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социология и общество: пути взаимодействия. Под ред. Г.В.Осипова, М.К.Горшкова. М.: Вече, 2010. С. 104.

десятилетие XXI столетия прошло в России под знаком стабилизации результатов незавершенной хаотической трансформации 90-х годов и одновременно – спонтанного начала модернизации как части иного, цивилизационного процесса развития большинства стран мира. Предстояло выбрать вектор дальнейшей эволюции. Экономический кризис обострил эту задачу: она приобрела характер новой исторической развилки: стагнация незавершенной трансформации или модернизация с позитивными человеческими измерениями?

Стагнация не только возможна, но и *осуществляется* с середины предыдущего десятилетия. Она закрепились в условиях кризиса, имеет поддержку со стороны многих из тех, кто находится у власти или близок к ней. Одновременно растет недовольство тех, кто хочет и готов, но не может осуществлять модернизацию.

Наиболее обсуждается в российском дискурсе вторая группа факторов: *материальные, преимущественно экономические факторы стагнации*. Их емко сформулировал академик А.Г.Аганбегян. Основываясь на объемном докладе, который подготовили сотрудники РАНХ и ГС при Президенте России и НИУ ВШЭ и который был направлен Правительству РФ в августе 2011 г., он заключил: «Самое плохое, что произошло у нас после кризиса, - это то, что Россия перешла на сниженную траекторию развития». Это стало возможным потому, что и после кризиса мы продолжили развитие по модели, основанной на «отсталой структуре промышленного производства с преобладанием топливно-энергетических, сырьевых, материалоемких отраслей, на неудовлетворительном инвестиционном климате, что приводит к оттоку капитала, при непрерывно растущих иностранных заимствованиях и плохо используемых внутренних средствах... Огосударствление рыночной экономики, засилье олигархических структур, отсталые институты развития, отсутствие назревших социально-экономических реформ – все это тормозит движение вперед».¹²²

И еще одно авторитетное заключение - академика Е.М.Примакова в его подытоживающей книге: «Вопрос вопросов российской экономики – активизация инвестиционной деятельности по всем линиям – государственной, частнопредпринимательской, привлечению иностранных инвесторов».¹²³

Третья группа факторов имеет *духовно-ценностное содержание, закрепляемое институционально*: отсутствуют **базовые социокультурные условия** модернизации. Такими условиями являются: повседневное и повсеместное следование гуманистическим ценностям и нормам *правового социального государства*, уменьшение разрывов между

¹²² См. А.Г.Аганбегян. Размышления о современном кризисе в России и ее послекризисном развитии // Мир перемен. М., 1012, № 2, с. 15-16.

¹²³ Евгений Примаков. Россия. Надежды и тревоги. М., Изд-во Центрполиграф, 2015. С. 89.

условиями жизни различных слоев населения внутри регионов, а также между регионами, подчас соседними, снижение кратного отставания условий жизни россиян от развитых стран того мегарегиона, который можно назвать: *Европа и вся Россия*. Уточним: эти характеристики жизни общества на деле становятся базовыми социокультурными условиями его модернизации лишь *по мере того, как они закрепляются, практически обеспечиваются* институтами образования, науки, правопорядка, социальной политики, в целом социальной структурой общества. Это и означает осуществление социокультурной модернизации. Ее отсутствие или недостаточность в условиях нерегулируемого, спонтанного перехода к вторичной стадии модернизации приводит к социокультурной дисфункциональности процесса.

Статистически фиксируемый рост социоэкономической модернизации дисфункционален в ее человеческих измерениях. **Основная дисфункция - в том, что социум не востребует культурный потенциал населения в качестве культурного капитала**, дающего практические результаты – профессиональную деятельность его обладателей, их доходы и успехи всей страны. В этом проявляется охарактеризованный в главе 1 социокультурный диссонанс российской цивилизации. По закону обратной связи, такая невостребованность превращается в причину стагнации модернизации. Выделим две сферы невостребованности – массово-культурную и инновационно-стратегическую.

Массово-культурную сферу составляет углубляющееся несоответствие между растущими потребностями молодежи и активных работников в высоком образовании, с одной стороны, и якобы удовлетворение этой потребности путем массовизации образования, но снижения его качества при сохранении дефицита высокотехнологичных рабочих мест – с другой. По подсчетам специалистов, численность нового поколения, которое включено в процесс профессиональной подготовки, составляет примерно 8,9 млн. человек; его часть ежегодно сменяет часть экономически активного населения – 64,8 млн. человек (на полную его ротацию требуется не менее 28 лет), среди них работники средней и низкой квалификации составляют 72,4% - такая квалификационная структура малопривлекательна для молодежи.¹²⁴

Однако образование остается важнейшим адаптационным ресурсом людей. Стремление приобрести этот ресурс обусловило при переходе к рыночной экономике быстрый рост спроса на профессиональное образование, значительно превышающий потребности стагнирующей российской экономики в квалифицированной рабочей силе. Согласно данным RLMS-HSE, около 60% работников выполняют работу, которая не

¹²⁴ Ф.Э.Шереги. Образование как социальный институт //Грани российского образования. Редк., предс. М.К.Горшков. М., Социоцентр, 2015. С. 31-36.

требует высокой квалификации, а почти четверть опрошенных уверены, что их работа вообще не требует профессионального образования; 44,8% занятых работают совсем по другой специальности, каждый пятый выпускник вуза и каждый третий выпускник ссуза никогда не работали по приобретенной специальности. Это связано с тем, что профессиональное образование ориентировано на удовлетворение *социальной* потребности в образовании (подготовке лучше оплачиваемых финансистов, юристов, управленцев), но не потребностей нынешнего рынка труда в квалифицированных инженерах, техниках и рабочих. К тому же произошло снижение качества образования, породившее дефицит действительно высококвалифицированных специалистов. В условиях кризиса и санкций выявлено существенное снижение уверенности в возможности трудоустройства в случае непредвиденного увольнения.¹²⁵

Другую, *инновационно-стратегическую сферу* невостребованности культурного потенциала населения, от состояния которой зависят перспективы России, образует наличие большого числа изобретений, инновационных разработок (включая патенты), которые не реализуются в российской экономике из-за отсутствия спроса со стороны отечественного бизнеса, но многие находят спрос за рубежом. Специальное исследование показало, что квартет наукоферы (НИИ+вузы+предприятия+финансовые институты)+государство в российских условиях «постоянно дает сбой, который проявляется в противоречии между регулярными напоминаниями «сверху» о необходимости строить в стране инновационную экономику и отсутствием существенных результатов такого строительства».¹²⁶ Авторы этого исследования структурировали обширный массив основных организационных форм инновационных площадок в современной России (бизнес-инкубаторов, технопарков и центров трансфера технологий), дифференцированно проанализировали его состояние и фиксировали краеугольную проблему отечественной инноватики словами одного из респондентов: «Проблема для нас одна, но глобальная – отсутствие спроса на инновационную продукцию. Не получается сформировать систему получения заказа на инновации».¹²⁷ То же можно сказать и о малых инновационных предприятиях университетов. Добавим, что *возникшие в России фрагментированные инновационные структуры так и не сложились в*

¹²⁵ П.М.Козырева. Образование и трудоустройство: возможности и реальность // Грани российского образования. Редк., предс. М.К.Горшков. М., Социоцентр, 2015. С. 379-382, 400.

¹²⁶ Н.В.Латова, Ю.В.Латов. Инновационные площадки России – «хорошие и разные» (структурный анализ) // Образование и трудоустройство: возможности и реальность // Грани российского образования. Редк., предс. М.К.Горшков. М., Социоцентр, 2015. С. 422.

¹²⁷ Там же. С. 446. Эта проблема была нами фиксирована уже при анализе постдефолтного импортозамещающего оживления российской промышленности: «Главная проблема заключается в том, что в современной России ни легальные, ни неправовые институты и практики не обеспечивают необходимого спроса в реальном секторе экономики на все еще высокий уровень ИЧК» (инновационного человеческого капитала) // Н.И.Латин. Теория и практика инноватики. Учебное пособие. М., Логос, 2008. С. 275.

национальную инновационную систему, суть которой составляет венчурное предпринимательство, а первичной организационной структурой служит тандем: венчурный фонд – малая фирма.

Имеются и другие сферы, в которых проявляется не востребованность культурного потенциала населения российским бизнесом, социумом в целом. Это и безвозмездная утечка научно-инновационных мозгов в развитые страны, и другие способы платы за неурядицы в мозгах «эффективных менеджеров» и чиновников. В целом это - результаты деиндустриализации экономики и несбалансированности, фрагментации спонтанной ее модернизации. Рассогласованы первичная и вторичная модернизации; разбалансированы их человеческие измерения, а их уровень в 2,4 раза ниже среднеевропейского. Особенно значимы разрывы по удовлетворенности трудом и жизнью в целом, по достаточности доходов для жизни, демократизму политической культуры и поведения населения. Сохраняются контрасты материального положения различных категорий населения, его незащищенность от преступности и других социальных опасностей.

Такую дисфункциональность можно квалифицировать как *социокультурную квазимодернизацию*, которая стимулирует стагнацию и рецессию пока еще значительного человеческого потенциала россиян. Повсеместно сохраняются очень низкие показатели инноваций в знаниях и качества экономики – ее прозрачности, конкурентоспособности, социальной ответственности. Наряду с этим, *сжимается пространство общественно-политических свобод и прав граждан*. Вследствие этого:

- сохраняется взаимное недоверие между широкими слоями населения и органами исполнительной власти, особенно правоохранительными;
- обостряются социальные, политические, этноконфессиональные напряжения, порой перерастающие в конфликты.

Все это свидетельствует об острой необходимости модернизации России – страны, общества и цивилизации. Но как сделать более эффективным ее осуществление?

О СТРАТЕГИИ ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Спонтанная модернизация или авторитарные мобилизации?

Потребность в модернизации возникла в России давно. Вместе с нею возник и вопрос о предпочтительных способах ее осуществления: **спонтанная модернизация или авторитарные мобилизации?**

Совершившаяся несколько веков назад смена вектора эволюции с эндогенно-антропного на экзогенно-колониальный заблокировала возможность спонтанных модернизаций снизу, но не саму потребность в модернизации. Впервые наиболее остро осознал ее Петр I. Путем **крепостнических мобилизаций сверху** (царские указы о

создании на Урале заводов с использованием рабочих-крепостных и др.), он насадил первичную индустриализацию. Крепостнические мобилизации позволяли России в течение 150 лет успешно решать военно-стратегические задачи формирования империи. Но в середине 50-х годов XIX в. азиатско-этатистский социум потерпел поражение в войне с Турцией, которую поддерживали Англия и Франция.

Лишь реформы Александра I (1861 г.) открыли путь достаточно свободному развитию рынков труда, товаров и услуг, т.е. капитализма. **При поддержке государства, но в целом спонтанно**, благодаря конкурентно-предпринимательской активности собственников, стала нарастать индустриальная модернизация.

Однако первая мировая война, две революции 1917 г., гражданская война привели к распаду народного хозяйства России. Рухнули производство, транспорт, денежно-финансовая система, торговля. Промышленность производила почти в 7 раз меньше продукции, чем в 1913 г.¹²⁸ Лишь новая экономическая политика (НЭП), осуществлявшаяся по настоятельной инициативе В.И.Ленина, начала восстановление экономики, приоткрыв пути спонтанной модернизации. Но это важное достижение послереволюционной РСФСР было похоронено И.В.Сталиным ради сохранения и наращивания своей авторитарно-тоталитарной власти.

Затем, в условиях почти сплошной национализации экономики и господства административно-командной системы управления, путем нескольких авторитарных мобилизаций и ценой миллионов жизней было построено и восстановлено около 27 тыс. промышленных предприятий.¹²⁹ Индустриализация означала также создание агропромышленного комплекса. Были решены задачи энергообеспечения. Вершинами советской индустриализации, обеспечившими безопасность СССР, стали освоение атомной энергии, создание ядерного оружия, прорыв в космическое пространство.

Но существенны не только результаты, а и способы их достижения. Основным способом индустриальной модернизации СССР были **массовые мобилизации сверху**, мифологизируемые тоталитарным этатизмом как всенародные движения снизу (стахановское, освоение целины и др.), на деле же **отчуждавшие** трудящихся от результатов их деятельности и от участия в управлении. Наибольший результат достигался, когда такие мобилизации следовали одна за другой, непрерывным потоком.

Опираясь на массовый патриотизм народа, утвердившаяся административно-командная система управления и центрального планирования экономики сумела обеспечить победу СССР в Великой Отечественной войне и достаточно быстро

¹²⁸ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М., Финансы и статистика, 1987. С. 31.

¹²⁹ Там же. С. 21.

восстановить сильно разрушенное народное хозяйство. Но постепенно эта система окостенела и не смогла настроиться на создание и развитие постиндустриальных технологических укладов. Наиболее заметной попыткой ее модернизации сверху была «косыгинская реформа» управления промышленностью, предполагавшая значительное расширение прав и ответственности предприятия, его дирекции и трудового коллектива (1965 г.). Но вскоре в руководстве СССР возобладали негативные оценки реформы как попытки отхода от социализма. Был упущен последний шанс своевременного создания внутри окостеневшей системы механизма саморазрешения надвигавшегося ее кризиса.

Наступили 20 лет «застоя», а затем и «погружения в трясину»¹³⁰. Застой наблюдался прежде всего в мышлении руководителей и преимущественно в производстве товаров массового потребления и в сфере услуг. А наглядно – в превращении бывших могучих рек (например, Волги, прегражденной каскадом плотин) в цепь застойных прудов, затопивших сотни селений и даже малых городов (например, Калязин). Погружением в трясину стали добыча и экспорт углеводородного сырья без гораздо более выгодной его нефтехимической переработки. Ужасы погружения в трясину сначала обнаружила рукотворная катастрофа Чернобыльской атомной станции, затем и провалы в создании микроэлектроники, персональных компьютеров, сети Интернет. Идеологически погружение завершилось к концу 80-х годов, когда выяснилось, что значительные слои «направляющей общественной силы», включая часть ее руководства, не устояли перед глобальными соблазнами частных интересов и почти без сопротивления и без обращения к населению с правдивой информацией, уступили прежнюю идеологию и свою власть энергичным адептам замены «развитого социализма» «диким капитализмом» времен первоначального накопления. Спонтанно эволюционировавшая демократическая «перестройка» трансформировалась в «катастрофу» (А.Зиновьев).

Чтобы минимизировать риски целостности страны, необходимо разработать и реализовать среднесрочную стратегию *интегрирующей модернизации*¹³¹. Она означает координированное развитие первичной и вторичной стадий модернизации, которое нацелено не только на повышение их socioэкономической и социокультурной эффективности, но и на уменьшение дистанций между состояниями модернизованности регионов. Тем самым, она становится способом межрегиональной консолидации России как цивилизации. Требуемая координация должна обеспечить последовательное движение

¹³⁰ Виктор Шейнис. Власть и закон: политика и конституции в России в XX-XXI веках. М., Мысль, 2014. с. 294.

¹³¹ В отличие от термина *интегрированная модернизация* (integrated modernization) как нечто совершившееся, который использует профессор Чуаньци Хэ (АН Китая), термин *интегрирующая модернизация* означает процесс и может иметь английский аналог integrating modernization.

регионов от одного состояния (типа) модернизированности к следующему, смежному с ним, более высокому состоянию (типу).

Модернизационные кластеры субъектов Российской Федерации

На рис. 1.1 представлены карто-схемы России, на которых регионы маркированы соответственно шести состояниям (типам) их модернизированности, т.е. комплексно учтены уровни индексов стадий и фазы их модернизации в 2008-2012 г. На первый взгляд, карты могут восприниматься как мозаики, однако при их анализе можно различить в них *модернизационные кластеры регионов* – пространственно смежные регионы, которые имеют потенциально сходные функции в модернизационном пространстве страны и могут активно взаимодействовать для повышения эффективности осуществления своих функций.

Различаются два вида модернизационных кластеров регионов. Одни кластеры включают регионы, которые находятся на одинаковых стадиях, в близких фазах модернизационного процесса и представляют собой *одноуровневые соседства*. Другие образованы противоречивыми комбинациями регионов, которые находятся на разных стадиях-фазах модернизации, и представляют собой *разноуровневые узлы*, в центре которых находятся наиболее развитые ядра.

Рис. 3.1. Карты регионов РФ. 2008, 2012 гг.

В табл. 3.6 предварительно выделены несколько одноуровневых кластеров-соседств и разноуровневых кластеров-узлов. Пространственные конфигурации одних кластеров находятся в границах федеральных округов, а других – выходят за их границы, образуя своеобразные модернизационные пространства. Те и другие в основном обозначились уже к 2008 г., а более отчетливо выявились к 2012 гг. По сути, это новые объекты координации и целенаправленного регулирования. Они требуют дальнейшего изучения и внимания органов управления.

Таблица 3.6

Модернизационные кластеры регионов России, 2010 г.

Кластеры (стадии, фазы, ВМ-уровни)	Регионы
1. Одноуровневые кластеры-соседства	
Северо-Евразийский: ПМ-зрелость; ВМ-уровни ниже срединного	Республика Коми, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский АО
Средне-Поволжский: ПМ-зрелость; срединные ВМ-уровни	Республики: Татарстан, Башкортостан, Чувашская; области: Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская
Южно-Сибирский: ВМ-начало	Новосибирская, Омская, Томская области;
Южно-Азиатский:	Республики Хакасия, Тыва, Бурятия, Забайкальский край,

ПМ-зрелость; средние ВМ-уровни	Амурская области, Еврейская автономная область
Пригранично-Дальневосточный: ПМ-зрелость и ВМ-начало; средние ВМ-уровни	Приморский край, Хабаровский край, Магаданская область
1. Разноуровневые кластеры-узлы	
Северо-Западный: ВМ-рост и ПМ-зрелость; высокий, средние уровни ВМ	Петербург; республика Карелия, Новгородская, Ленинградская, Мурманская область
Центральный: ВМ-рост среди модернизационных перепадов; высокий и средние уровни ВМ	Москва, Московская область; Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Владимирская, Ивановская, Ярославская, Тверская области
Средне-Поволжский: ВМ-рост среди модернизационных перепадов; высокий и средние ВМ-уровни	Нижегородская область; республика Марий Эл; Чувашская республика, р.Мордовия
Уральский: ВМ-подготовка и начало; средние ВМ-уровни	Пермский край; Свердловская, Челябинская, Курганская области

Очевидный интерес представляет кластер-узел «Центральный», включающий 10 регионов. Его ядро образуют Москва и Московская область, а разноуровневую периферию – 8 регионов, смежных со столичной агломерацией. Столичное ядро исторически призвано быть двигателем, повышающим уровни модернизации соседних регионов. Кластер-узел центральных регионов существует, необходим субъект управления, стимулирующий их горизонтальные взаимодействия и задающий вектор их движения.

Модернизационные кластеры федеральных округов

Эффект кластеризации обнаруживается и на уровне федеральных округов РФ.

Карто-схемы модернизированности федеральных округов (рис. 3.2) показывают, что в 2000-2012 гг. **повысилась** **качество** состояний (типов) модернизированности всех федеральных округов. Однако, по сути, **лишь модифицировалась** **прежняя иерархия их модернизированности**. Южный и Северо-Кавказский ФО поднялись из низких состояний (тип 2) в состояние ниже среднего (тип 3, невысокие уровни вторичной модернизации). Вновь выше их по уровням ВМ оказались Приволжский, Сибирский и Дальневосточный ФО (тип 3). Но все эти ФО остались **на стадии первичной модернизации**.

рис. 3.2. Карты ФО РФ. 2000, 2012.

Вместе с тем, теперь уже не один, а три ФО **оказались на стадии вторичной модернизации**: не только Северо-Западный, но также Центральный и Уральский ФО. При этом Центральный ФО поднялся выше Северо-Западного ФО, а Уральский ФО по-прежнему отстает от них, но дистанцировался от Сибирского и Дальневосточного округов (он поднялся в тип 4, а два зауральских округа – лишь в тип 3). Дело не просто в неравномерности модернизации в различных регионах. Более существенно **сохранение иерархии состояний** модернизированности регионов, даже в условиях их позитивной динамики – прежде всего, на уровне регионов, а обобщенно – и на уровне федеральных округов России.

Сопоставление карто-схем, приведенных на рис. 3.2, и анализ данных таблицы 3.7 позволяют выделить 4 модернизационных кластера федеральных округов России, которые различаются состояниями модернизованности и векторами эволюции этих состояний.

Прежде всего, это 2 кластера макрорегионов, находящихся на **первичной стадии модернизации**. (1) *Кластер ниже средних состояний модернизованности* образуют Южный и Северо-Кавказский округа: их характеризует заторможенное, сравнительно поздно начавшееся повышение состояний первичной модернизации, лимитированное фазами перехода к зрелости и низким уровнем вторичной модернизации. (2) *Кластер средних состояний модернизованности* составляют Приволжский, Сибирский и Дальневосточный округа, которые достигли фазы зрелости первичной модернизации с запаздыванием, но при этом многие регионы поднялись к среднему уровню вторичной модернизации.

Еще 3 макрорегиона находятся на **вторичной стадии модернизации**.

Среди них (3) *кластер выше среднего* представляет один федеральный округ - Уральский. Благодаря нефти и газу автономных округов Тюменской области и промышленности Свердловской области он уже к 2005 г. вошел в стадию вторичной модернизации и сохранил эту позицию к 2010 г. (4) *Высокий кластер* образуют Северо-Западный и Центральный федеральные округа, которые во многом благодаря своим столицам уже в 2000 и 2005 гг. вошли во **вторичную стадию модернизации** и находятся в фазах ее начала и роста.

Таблица 3.7

Модернизационные кластеры федеральных округов России *

Стадии модерниз., ФО	Векторы динамики (2000-2012)	Состояния (типы) модерн., 2012	Уровни ИИСБ, 2012	Характер отклонений составляющих от ИИМ, 2012
ВТОРИЧНАЯ (ИНФОРМАЦИОННАЯ) СТАДИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ (ВМ)				
(4) Высокий модернизационный кластер				
Центральный	Переход к ВМ (к типу 6, рост)	6	В	Опережают социальная и когнитивная составл.
Северо-Западный	Устойчивость ВМ (тип 5, рост)	5	В	Опережают социальная и когнитивная составляющие
РОССИЯ	Переход к ВМ (к типу 5; рост)	5	В	Опережает социальная составляющая
(3) Выше среднего модернизационный кластер				
Уральский	Переход к ВМ (к типу 4; начало)	4	С	Опережает социальная составляющая
ПЕРВИЧНАЯ (ИНДУСТРИАЛЬНАЯ) СТАДИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ (ПМ)				
(2) Средний модернизационный кластер				
Приволж-ский	Повышение ПМ			Отстает экономическая

	(к типу 3; зрелость)	3	НС	составляющая
Сибирский	Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, зрелость)	3	С	Отстают экономическая и когнитивная составляющие
Дальне-восточный	Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, зрелость)	3	ВС	Отстают экономическая и когнитивная составляющие
(1) Ниже среднего модернизационный кластер				
Южный	Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, рост и зрелость)	3	С	Отстают экономическая и когнитивная составляющие
Северо-Кавказский	Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, рост)	3	НС	Отстает экономическая составляющая
* <i>Обозначения, источник.</i> ФО – федеральные округа; ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса, или три составляющие модернизации: экономическая; социальная; когнитивная или знаниевая. фиксировано положение субиндексов относительно значений ИИМ: «опережает (выше)» или отстает («ниже»). Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. Федеральные округа расположены аналогично хронологической нумерации двух стадий модернизации, снизу вверх: от хронологически ранних, начальных значений типов модернизованности к более поздним значениям, с более развитым их содержанием. Если динамика состояний повышающая, в правом столбце отмечены опережающие составляющие (выше ИИМ), а если динамика не повышающая или заторможенная, то отмечены отстающие составляющие (ниже ИИМ). Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).				

Наличие существенных различий между состояниями модернизованности макрорегионов чревато социально-политическими рисками. Особенно чувствительны и рискоопасны такие ситуации для *приграничных субъектов* Российской Федерации. Сегодня в Российской Федерации 28 ее субъектов из 85 – приграничные. Социоэкономические и социокультурные различия между территориями служат почвой для активизации национал-сепаратистских настроений. Эти настроения, особенно если их носители финансируются извне, образуют мобилизационный потенциал для становления идеологических платформ и лозунгов, которые с помощью информационных технологий используются для рекрутирования активистов социально-политических групп и движений, вынашивающих планы отделения тех или иных регионов от России.

Однако, достаточно ли интерпретировать выявленные различия между модернизованностью макрорегионов только в рамках процессов модернизации? Не таятся ли за ними более глубокие социокультурные основания, имеющие цивилизационные корни? Повидимому, не следует смешивать социальные различия, противоречия, которые обусловлены проблемами российского социума, и этноконфессиональные, культурные особенности, которые коренятся в историко-культурном многообразии этносов, населяющих многоэтничную и многоконфессиональную Россию. Социальные противоречия необходимо преодолевать, а

культурные особенности, напротив, следует учитывать и использовать как один из ресурсов успешной модернизации России как государства и цивилизации.

Об этапах стратегии интегрирующей модернизации

Для этого необходима *поэтапная стратегия* интегрирующей модернизации. Поэтапность можно рассматривать как непереносимое качество процесса российской модернизации, которое должно нивелировать дефицит срединности в русском менталитете, противодействовать попыткам скачков через трудные, но необходимые этапы, поскольку результатами таких попыток оказываются маятниковые рывки из одной крайности в другую. Поэтапность должна формировать рациональную последовательность пофазового движения каждого региона и всей России от одного состояния модернизованности к другому, более высокому.

Это также означает, что следует отказаться от склонности решать проблемы «одним махом», сразу во всероссийском масштабе. Поэтапная последовательность модернизации должна по-своему обеспечиваться в каждом субъекте Российской Федерации, учитывая цивилизационные, историко-культурные особенности и состояние модернизованности каждого ее региона.

При ее формировании полезно выделить три комбинации приоритетов, последовательная смена которых обеспечивает поэтапное повышение состояний модернизованности регионов: 1) новая индустриализация регионов; 2) завершение новой индустриализации и переход к информатизации; 3) рост информатизации и дальнейшее ее развитие. Это позволяет сгруппировать выявленные нами шесть состояний модернизованности регионов (см. раздел 1) в три пары, каждая из которых включает два смежных, поэтому сравнительно легче координируемых типа регионов, а изменения состояний каждой пары типов рассматривать как осуществление этапа требуемой стратегии. Соответственно, получаем три этапа, в которых происходит попарная интеграция смежных состояний модернизованности регионов.

Учтем своеобразие содержания термина *этап* стратегии модернизации. Во-первых, речь идет не о хронологическом периоде, едином для всей страны (наподобие советских пятилеток), а об определенном *отрезке процесса* повышения состояний модернизованности регионов (одном из трех, названных выше). Во-вторых, речь идет о совокупности тех регионов, которые уже находятся в соответствующих этому отрезку состояниях модернизованности и объективно готовы двигаться дальше по пути осуществления этого процесса. Каждый такой отрезок одновременно есть *этап стратегии развития* процесса как целого.

В таблице 3.8 представлены изменения в 2000-2012 гг. числа регионов различных типов модернизированности на каждом из трех этапов осуществления интегрирующей стратегии.

Таблица 3.8

Изменения числа регионов различных типов модернизированности по этапам осуществления стратегии интегрирующей модернизации

№ этапа	№ типа	2000	2005	2008	2010	2012
3	6	1	2	1	3	4
	5	3	3	8	4	10
	Всего регионов	4	5	9	7	14
2	4	10	10	13	11	11
	3	7	11	19	23	29
	Всего регионов	17	22	32	34	40
1	2	44	40	29	33	23
	1	18	17	13	9	6
	Всего регионов	62	57	42	42	29
Всего регионов		83	83	83	83	83

Как видим, произошли заметные изменения числа регионов, которые можно отнести к тем или иным этапам стратегии модернизации: в два с лишним раза уменьшилось число регионов первого, начального этапа (низкие состояния модернизированности, начальные и средние фазы первичной ее стадии). Соответственно, более чем в два раза увеличилось число регионов второго этапа (средние состояния модернизированности, переходные от первичной к вторичной стадии модернизации), в 3,5 раза увеличилось число регионов третьего, высшего этапа (начальные и дальнейшие фазы вторичной модернизации).

Используя эти данные, конкретизируем содержание возможных этапов среднесрочной стратегии интегрирующей модернизации регионов и федеральных округов.¹³² В каждом регионе этапы могут быть разделены во времени, а в масштабе страны могут осуществляться одновременно три этапа процесса модернизации и три этапа его стратегии. Необходимо так координировать их осуществление, чтобы сближались состояния модернизированности субъектов и федеральных округов РФ, повышались их внутренняя консолидация и продуктивное взаимодействие. Для каждого этапа следует также определить свой набор мер (проектов), которые соответствуют осуществлению *minimax-стратегии повышения благополучия* населения, т.е. минимизируют человеческие ущербы и увеличивают блага, максимально значимые для большинства.

¹³² При этом использован ряд соображений профессора Чуаньци Хэ (см.: Чуаньци Хэ. Региональная модернизация // Он же, отв. ред. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010). М., изд-во «Весь мир», 2011. с. 104-117.

Важная роль в такой координации должна принадлежать федеральным округам, а в координации округов – федеральным органам власти. Уже **при подготовке стратегии** *федеральные* органы власти вводят правила бюджетного ее обеспечения (целевые программы и др.), более справедливые и прозрачные правила получения и использования доходов в регионах, устраняя искусственные нормы «дотационности» и иными способами стимулируя заинтересованность регионов в модернизации. Открывают каналы заинтересованности регионов в развитии горизонтальных взаимодействий, отраслевых и межотраслевых инновационных кластеров. *Региональные* органы власти инициируют конкурсы на разработку и участие в реализации проектов стратегии модернизации. *Университеты* начинают действовать в качестве экспертов-модераторов модернизационного процесса, особенно инновационных высокотехнологичных проектов.

Этап 1 - преимущественно рост индустриальной модернизации путем новой индустриализации и одновременное ее развитие, означающее переход в зрелую фазу первичной модернизации. Его инициируют и осуществляют регионы, которые находятся в начальных фазах первичной модернизации, на низком и ниже среднего ее уровнях (типы модернизированности 1 и 2). Если в 2000 г. в РФ имелись 62 таких региона, то к 2012 г. их осталось 29. Такие регионы имеются во всех федеральных округах, но больше всего их в Центральном и Сибирском округах. Учитывая деиндустриализацию 90-х годов и частичный возврат к технологическим укладам, предшествовавшим четвертому укладу, эти регионы осуществляют развитие четвертого, частично и пятого технологических укладов. Именно этим регионам начальных фаз первичной модернизации должна быть адресована *minimax*-стратегия повышения благополучия населения, прежде всего - *меры по минимизации социальных бед*. Речь идет о 28 млн. человек, населяющих данные 29 регионов и составляющих около 1/5 населения страны.

Среди них особого внимания заслуживают 6 регионов, которые длительное время остаются в начальной фазе первичной модернизации.

Стратегия интегрирующей модернизации.

Этап 1. Низкомодернизированные федеральные округа и регионы (2012 г.)

29 регионов низких состояний модернизированности (типы 1 и 2). Общая численность населения - 28,1 млн. человек, 19,6% всего населения России. В том числе:

6 регионов самого низкого состояния модернизированности (тип 1), начальная фаза первичной модернизации. Общая численность населения – 3,6 млн. человек:

- **Центральный ФО: области** – Тамбовская.
- **Южный ФО: республики** – Калмыкия.
- **Северо-Кавказский ФО: республики** - Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия – Алания.
- **Сибирский ФО: республики** – Алтай.

23 региона низкого состояния модернизированности (тип 2), фаза роста первичной модернизации. Общая численность населения – 24,5 млн. человек:

- **Центральный ФО:** *области* – Белгородская, Брянская, Костромская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская.
- **Северо-Западный ФО:** *области* – Вологодская.
- **Южный ФО:** *республики* – Адыгея.
- **Северо-Кавказский ФО:** *республики* - Дагестан, Ингушетия, Чеченская.
- **Приволжский ФО:** *республики* - Марий Эл, Мордовия; *области* – Оренбургская.
- **Уральский ФО:** *области* – Курганская.
- **Сибирский ФО:** *республики* - Бурятия, Тыва, Хакасия; *края:* Алтайский, Забайкальский.
- **Дальневосточный ФО:** *области* – Амурская, а.о.Еврейская.

Следовательно, на первом этапе осуществления стратегии интегрирующей модернизации государственные и частные инвестиции должны быть направлены в соответствующие регионы семи из восьми федеральных округов. При этом федеральные и региональные органы власти должны принять действенные меры по сокращению численности чиновников, блокированию коррупции и повышению прозрачности управления, углублению демократизации общественной жизни, утверждению ценностей труда и других компонент индустриальной цивилизации. В результате с учетом историко-культурных особенностей различных регионов в разной мере уменьшится доля аграрного сектора в ВВП России, повысится урбанизация ее территорий. Регионы продвинулись к этапу 2.

Этап 2 - *завершение индустриальной модернизации (путем новой индустриализации) и переход к информационной ее стадии.* С 2000 г. по 2012 г. число регионов этого этапа (типы 3 и 4) выросло с 17 до 40. Им предстоит переход из третьей фазы (зрелости) ПМ в четвертую, переходную к вторичной модернизации, затем – в начало ВМ. В данный этап включаются 29 регионов, которые уже находятся в фазах зрелости ПМ (тип модернизированности 3). Кроме того, во многих из 23-х регионов, которые относятся к типу 2 и осуществляют первый этап, по мере его завершения будут создаваться условия для включения во второй этап, т.е. число участников данного этапа будет расти и может достичь 50-60 регионов. Но в силу разнообразия культурно-исторических условий их эволюция не будет равномерной.

Стратегия интегрирующей модернизации.

Этап 2. Среднемодернизированные федеральные округа и регионы (2012 г.)

40 регионов средних состояний модернизированности (типы 3 и 4). Общая численность населения - 69,5 млн. человек, 48,5% всего населения России. В том числе:

29 регионов зрелой фазы первичной (индустриальной) стадии модернизации (тип 3). Общая численность населения – 55,8 млн. человек:

Центральный ФО: *области* - Владимирская, Воронежская, Курская, Тверская, Тульская.

Северо-Западный ФО – Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская.

Южный ФО: Краснодарский край; *области* – Астраханская, Волгоградская, Ростовская.

Северо-Кавказский ФО – Ставропольский край.

Приволжский ФО: *республики* – Башкортостан, Татарстан, Удмуртская, Чувашская; *области* – Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская.

Уральский ФО – Челябинская;

Сибирский ФО – Иркутская, Омская;

Дальневосточный ФО – Приморский, Хабаровский, Камчатский края.

11 регионов начальной фазы вторичной (информационной) стадии модернизации (тип 4). Общая численность населения – 13,7 млн. человек:

Центральный ФО: *области* – Ивановская.

Северо-Западный ФО: *республики* – Карелия, Коми; Ненецкий а.о.

Уральский ФО: *области* – Тюменская; Ханты-Мансийский а.о., Ямало-Ненецкий а.о.

Сибирский ФО: Красноярский край; *области* – Кемеровская.

Дальневосточный ФО: *республики* – Саха (Якутия); Чукотский а.о.

Этот этап значительно сложнее первого: он требует от регионов преодоления высоких барьеров четвертой, переходной фазы ПМ. Не удивительно, что к этому этапу в 2012 г. относилась почти половина всех субъектов Российской Федерации, в которых живут также почти половина россиян (69,5 млн. человек). Свыше 70% этих регионов находятся в фазе зрелости первичной модернизации (тип модернизированности № 3). На данном этапе должны быть повышены инвестиции в создание и развитие пятого, а также, по возможности, в начало шестого технологического укладов этих регионов, включая модернизацию имеющихся (обычно импортных) информационных технологий, в рост доступности и качества образования, в развитие научных исследований, изобретательства, престижа заявок на получение патентов, в том числе на технологии сохранения и восстановления природы и культурного ландшафта. В результате модифицируются компоненты аграрного сектора экономики и качества жизни сельского населения. Множатся и развиваются городские агломерации. При осуществлении *minimax*-стратегии повышения благополучия населения акцент может сдвигаться в сторону *увеличения благ, имеющих жизненное значение для максимального числа жителей регионов.*

Этап 3 - преимущественно рост и развитие вторичной, информационной стадии модернизации. Вопреки скептическим ожиданиям, связанным с началом кризиса, в 2010-2012 годы к трем регионам самого высокого состояния модернизированности (тип 6) добавился еще один, а к четырем регионам высокого состояния (тип 5) добавились еще шесть. В результате за последние два года число регионов, относящихся к высокому, третьему этапу, удвоилось (стало 14 вместо 7), а численность их населения уже составляет 45,7 млн. человек, т.е. почти треть всех россиян.

Стратегия интегрирующей модернизации.

Этап 3. Высокомодернизированные федеральные округа и регионы (2012 г.)

14 регионов высоких состояний модернизованности (типы 5 и 6). Общая численность населения – 45,7 млн. человек, 31,9% всего населения России. В том числе:

10 регионов высокого состояния модернизованности (тип 5), фаза начала вторичной модернизации, численность населения - 18,1 млн. человек.

- **Центральный ФО:** *области* - Калужская, Ярославская.
- **Северо-Кавказский ФО:** *области* - Архангельская.
- **Приволжский ФО:** Пермский край; *области* – Самарская.
- **Уральский ФО:** *области* – Свердловская.
- **Сибирский ФО:** *области* - Новосибирская, Томская,
- **Дальневосточный ФО:** *области* - Магаданская, Сахалинская.

4 региона самого высокого состояния модернизованности (тип 6), фаза роста вторичной модернизации, численность населения - 27,6 млн. человек.

- **Центральный ФО:** город федерального значения Москва; *области* Московская.
- **Северо-Западный ФО:** город федерального значения Санкт-Петербург.
- **Приволжский ФО:** *области* – Нижегородская.

Эти регионы, их население и органы управления могут полнее формировать в своей экономике не только пятый, но и шестой технологические уклады, а также осуществлять инновационный поиск элементов новых укладов, чтобы войти в третью фазу информационной стадии модернизации – фазу ее развития. Вместе с тем, те из 40-50 регионов, которые успешно осуществляют второй этап, добавятся к лидирующим регионам; их число будет расти, но не равномерно, а в зависимости от культурно-исторических особенностей различных регионов. При осуществлении *minimax*-стратегии повышения благополучия населения, по мере минимизации человеческих бед будут расти инвестиции в создание благ, жизненно значимых для максимального числа граждан всей страны.

КОНКРЕТИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ИНТЕГРИРУЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ЦФО)

В качестве примера разработки стратегии интегрирующей модернизации регионов кратко охарактеризуем состояния модернизации регионов Центрального федерального округа (ЦФО) и возможные этапы стратегии модернизации, интегрирующей его регионы.

Два макрорайона ЦФО. Неравномерность и несбалансированность модернизации

ЦФО, как и большинство федеральных округов, образован указом Президента России 13 мая 2000 года. Он является самым большим округом по численности населения и по числу субъектов Российской Федерации: включает 17 областей и город федерального значения – столицу России. Это единственный федеральный округ Российской Федерации, в котором нет субъектов, образованных по этническому признаку, что служит

косвенным показателем его этнокультурной гомогенности: около 90% его населения составляют русские/великороссы – носители и творцы тысячелетней русской культуры, выросшей в лоне православного христианства.

Совокупность регионов всего Центрального федерального округа является историческим ядром русского/великорусского этноса и всей российской цивилизации, хозяйства и государственности России. На 3,8% территории страны, занимаемых регионами ЦФО, проживают около 27% ее населения (на начало 2015 г. – 39 млн. человек, плотность населения – около 60 чел. на 1 кв. км.); примерно такая же доля населения в трудоспособном возрасте; доля населения моложе этого возраста составляет 15%, а старше – 26%¹³³. Сравнение с другими округами показывает, что в ЦФО самый высокий средний возраст занятого населения (40,9 лет). Следующими по этому показателю округами являются Северо-Западный (40,6 лет); Южный (39,3 лет).

ЦФО объединяет два больших экономических района, будем называть их *макрорайонами* – Центральный (его еще называют Центрально-промышленный, иногда – Нечерноземный) и Центрально-Черноземный. Являясь этнокультурно гомогенными и имея общую историю, они существенно различаются по природным ресурсам, климатическим и социально-экономическим условиям жизни населения. Эти различия проявляются в неравномерности распределения человеческих и других ресурсов, в разных скоростях их модернизации, в контрастах между состояниями модернизированнойности регионов этих макрорайонов.

Анализ данных и карто-схем (рис. 3.3) позволяет заключить, что в 2000-2012 годах ЦФО в целом осуществил быстрый переход из фазы «зрелости» первичной (индустриальной) модернизации (ПМ, тип 3) в фазу начала вторичной (информационной) модернизации (ВМ, тип 6).

Рис. 3.3. Карты. 2000, 2012 г.

В результате углубилась дифференциация состояний их модернизированнойности: имеются и регионы в начальном состоянии ПМ (тип 1, Тамбовская область – единственная область в столь низком состоянии модернизированнойности), и регионы, которые достигли высокого, даже по мировым меркам, состояния ВМ (тип 6, Москва, Московская область). Таблица 3.1 свидетельствует не только о неравномерности процессов модернизации между регионами, но и о несбалансированности составляющих этих процессов в самих регионах.

По значениям интегрированных индексов модернизации можно выделить 5 кластеров регионов данного ФО (табл. 3.9)

¹³³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М., Росстат, 2015. Табл. 1.1; 2.5.

Эта кластеризация регионов ЦФО в целом воспроизводится с 2000 г. Москва устойчиво является лидером, а Тамбовская область – аутсайдером. Но некоторые области незначительно изменяли свое положение в иерархии индексов. Основным источником позитивных изменений была динамика индексов вторичной модернизации, а стабильность уровня первичной модернизации служила тормозом ее интегрированной эволюции.

Таблица 3.9

**Кластеризация регионов ЦФО
по значениям интегрированных индексов модернизации, 2012 г.**

Значения интегрированных индексов, регионы (перечислены в столбцах по уменьшению значений индексов «звездочками» помечены регионы, относящиеся к Центрально-Черноземному макрорайону)				
76-88	62-66	60-61	55-57	53
Москва	Калужская	Тверская	Орловская*	Тамбовская*
Московская	Ярославская	Тульская	Брянская	
ЦФО в целом	Ивановская	Владимирская	Белгородская*	
	Воронежская*	Курская*	Костромская	
			Рязанская	
			Смоленская	
			Липецкая*	

Переход к ВМ произошел, прежде всего, благодаря повышению доходов и ожидаемой продолжительности жизни населения ЦФО, как и всей России. В 2000-2012 гг. повысили состояние модернизованности 10 регионов ЦФО. В том числе Ивановская, Калужская, Ярославская области перешли во вторичную стадию модернизации (в типы 4 и 5, а Московская область – тип 6). Благодаря продвижению этих регионов и, конечно, Московской агломерации (Москва и Московская область) как двойному локомотиву движения, Центральный федеральный округ в целом уже к 2005 г. вошел в подготовительную фазу вторичной модернизации, а в 2010-2012 гг. вступил в ее начальную фазу.

Однако за 12 лет переход к вторичной модернизации осуществили всего 4 из 18 регионов округа, а 13 регионов остались на стадии первичной модернизации, в том числе 7 из них стагнируют в низких ее состояниях. Тем не менее, очень важно, что хотя и медленно, но повышается индекс сбалансированности большинства регионов ЦФО и округа в целом. Число модернизационно несбалансированных регионов уменьшилось и увеличилось число регионов, сбалансированных ниже среднего. Лишь в Рязанской и Смоленской областях наблюдалось в последние годы снижение индекса сбалансированности. Вместе с тем, только Московская и Воронежская области стали

регионами, модернизационно сбалансированными выше среднего, а высокосбалансированным регионом является Москва. Очевидна лидирующая роль Московской агломерации (Москвы и Московской области) в экономике макрорайона и округа (20-25%).

Таким образом, основной факт состоит в неравномерности модернизации разных регионов округа и в несбалансированности процессов модернизации *в самих регионах*. Требуется целенаправленная стратегия - как элемент стратегического планирования, обеспечивающий повышение экономических и когнитивно-инновационных показателей регионов. Формирование такой стратегии должно опираться на знание особенностей процессов модернизации в регионах каждого макрорайона округа.

Стадии и тренды модернизации Центрального макрорайона в 2000-2010 гг.

1. На стадии первичной модернизации:

1. Отсутствие динамики, стагнация невысоких состояний модернизованности. Это характерно для Брянской, Костромской, Рязанской, Смоленской областей; в течение 10 лет они оставались в фазе зрелости первичной модернизации, при ее уровне ниже среднего (тип 2); немного впереди их, но в рамках того же тренда была и Калужская область, которая отличалась более высоким уровнем ПМ, но также не повысила свое состояние модернизованности (тип 3).

2. Заторможенный рост состояний первичной модернизации. Тверская и Тульская области за 10 лет немного повысили уровень ПМ, но остались в той же ее фазе, т.е. поднялись лишь на одну ступень модернизованности – из типа 2 в тип 3.

3. Попытки вырваться за пределы первичной модернизации. Показателен рывок Владимирской области в благоприятные 2005-2010 годы во вторичную стадию, сразу через два состояния модернизованности (из типа 2 в тип 4). Но этот прорыв оказался неустойчивым, не выдержал испытаний кризисных 2011-2013 годов. Наиболее существенным показателем кризиса стало уменьшение доли промышленного производства в ВРП области. Кроме того, с 2011 г. продолжает снижаться объем иностранных инвестиций в предприятия области¹³⁴. Характерным стало устойчивое уменьшение индекса инноваций в знаниях: с 44,2 до 38,5. Место области в ЦФО по инновациям в знаниях отодвинулось с шестого на восьмое.

В первом полугодии 2015 г. наблюдалась отрицательная динамика по отдельным показателям. По добыче полезных ископаемых сократился объем отгруженных товаров собственного производства. Уменьшился оборот общественного питания, розничной торговли, грузооборот автомобильного транспорта. Снижение объемов отмечено в

¹³⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2015. Табл. 23.8.

обработке древесины и производстве изделий из дерева, текстильном и швейном, целлюлозно-бумажном производстве, издательской и полиграфической деятельности, транспортных средств и оборудования, кожи, изделий из кожи и производстве обуви. Отрицательная динамика наблюдается в текстильном секторе. Снижены объёмы производства тканей из синтетических и искусственных волокон на 53,3%, трикотажных изделий - на 34,5%, хлопчатобумажных тканей – на 4,5%, нетканых материалов - на 0,8% вследствие уменьшения спроса на отечественный текстиль при высокой конкуренции со стороны импортных и контрафактных товаров.¹³⁵

2. На стадии вторичной модернизации:

4. *Быстрое вступление в 2005-2012 гг. в стадию вторичной модернизации.* Такой тренд характерен для Ивановской (из типа 2 в тип 4), Ярославской и Калужской областей. Наиболее впечатляет рывок Калужской области: в *кризисные* 2010-2012 годы она сразу на две ступени повысила свое состояние модернизированности (из типа 3 в тип 5).

Состояние экономики Калужской области в 2011 г. позволяет заключить, что основные позитивные тенденции связаны с увеличением объемов в большинстве отраслей реального производства, ростом доходов населения и устойчивым пополнением бюджета. Динамика большинства показателей, характеризующих социально-экономическое развитие области за январь-июнь 2011 года по отношению к 2010 году, имеет положительные значения.

В значительной мере положительные тенденции в экономике области обусловлены стабильным увеличением инвестиционных потоков - в 2010 году в экономику области вложено почти 70 млрд. рублей инвестиций. Общий объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования в первом полугодии 2011 года оценивается в 21,2 млрд. рублей, или 107% к уровню аналогичного периода 2010 года в сопоставимых ценах. Объем иностранных инвестиций в экономику области за указанный период оценивается в 600 млн. долларов США (106,7% к уровню января-июня 2010 года)¹³⁶.

Рост промышленного производства в области в большей степени обеспечен увеличением производства транспортных средств и оборудования, в том числе автомобилей - 185,1%, производства электрооборудования, в том числе телевизионных

¹³⁵ *Итоги социально-экономического развития Владимирской области в январе-мае 2015 года // Интернет-портал Администрации Владимирской области*

http://www.avo.ru/web/guest/main?p_p_id=58&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&saveLastPath=0&_58_struts_action=%2Flogin%2Flogin Просмотрено 15.08.2015.

¹³⁶ По материалам Постановления Правительства Калужской области от 04.04.2008 № 133 «О Положении о порядке и сроках составления проекта областного бюджета на очередной финансовый год и плановый период» http://kaluga.news-city.info/docs/sistemse/dok_iegvui.htm Просмотрено 15.08.2015.

приемников - 164,5%, химического производства - 217,5%, металлургического производства и производства готовых металлических изделий - 116,6% и др. На территории области расположены ведущие машиностроительные предприятия: предприятия автокластера ООО «Фольксваген Груп Рус», ООО «ПСМА Рус», ЗАО «Вольво Восток». В 2010-2012 гг. наблюдается значимый рост объема отгруженной продукции автокомпонентов. Начат выпуск новых видов продукции. Так, для потребностей иностранных производителей автомобилей выпускаются компоненты для автомобилей (ф-л ЗАО «Магна Технопласт», ООО «Бентелер Аутомотив», ООО «ЯПП Рус Автомобильные системы», ООО «Форесия аутомотив Девелопмент» и др.).

Создание на территории области автосборочных предприятий и связанных с ними дополняющих производств, в частности по выпуску автоэлектроники и автокомпонентов, способствует формированию автомобилестроительного кластера, конкурентоспособного на российском рынке и способствующего внутриобластной диверсификации экономики.

В 2010 г. в связи с ростом промышленного производства, инвестиционной активности и общей стабилизацией экономики региона на фоне низкой базы 2009 г. (93,6% к 2008 г.) фиксировался существенный прирост реального валового регионального продукта (ВРП) (20,8%). Ускоренному росту региональной экономики способствовали как внешние положительные факторы, так и внутренние, обусловленные в первую очередь развитием новых производств, наращиванием введенных производственных мощностей, оживлением спроса на рынках.

В соответствии с итогами 2010 г. по уровню экономической активности населения, уровню занятости, размеру средней заработной платы Калужская область занимает 3 место в ЦФО. Главным фактором роста заработной платы является повышение производительности труда за счет модернизации экономики.

Начиная с 2005 г. в Калужской области сокращаются показатели смертности. Ожидаемая продолжительность жизни за этот период возросла на 4,3 года (по России рост на 3,7 года) и достигла уровня 1991 г., с которого началось ее снижение. В области также наблюдаются положительные изменения по показателям рождаемости. Общий коэффициент рождаемости в 2010 г. составил 11,0 промилле (родившиеся на 1000 человек населения) против 10,4 промилле в 2008 г.

Ярославская область выделяется высокой инновационной активностью, ориентацией на переход региона к эффективному типу развития¹³⁷. Это регион с важными промышленными и транспортно-логистическими функциями, современной

¹³⁷ Согласно стратегии социально-экономического развития Ярославской области на перспективу до 2030 г. <http://resurs-yar.ru/files/vip22/blok1/3.pdf> Просмотрено 15.08.2015 г.

конкурентоспособной экономикой, в котором созданы оптимальные условия для бизнеса. В качестве базового варианта развития Ярославской области предлагается поэтапный переход к инновационному типу развития.

К важным предпосылкам эффективного развития региона относятся: значительный промышленный потенциал; близость к Москве как к крупнейшему потребительскому рынку; значительный научно-образовательный потенциал; благоприятный бизнес-климат; высокая инвестиционная привлекательность; значительные водные ресурсы; высокий уровень газификации; выдающееся историко-культурное наследие.

2010-2012 гг. характеризуются реализацией инвестиционной привлекательности Ярославской области в России и притоком прямых инвестиций по приоритетным направлениям стратегического развития; подготовкой инвестиционных площадок, реализацией пилотных стратегических проектов. Этап связан со стимулированием инновационной кооперации бизнеса и науки внутри региона; созданием межрегионального транспортно-логистического центра; повышением эффективности ключевых предприятий области и бюджето-формирующих хозяйствующих субъектов муниципальных образований, ликвидацией их убыточности; привлечением передовых технологий в промышленность.

В 2011 г. Ярославская область занимала второе место в Центральном макрорайоне (после Москвы) по инновационной активности организаций¹³⁸. В 2012 г. – третье место по затратам на технологические инновации после Москвы и Московской области¹³⁹; в 2010, 2012 гг. - первое место в ЦФО по объему инновационных товаров, работ, услуг (в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг)¹⁴⁰.

5. *Стабилизация высоких состояний вторичной модернизованности (между типами 5 и 6)*. Этот тренд демонстрирует Московская агломерация. Москва уже к 2000 г. достигла типа 6; в кризисных условиях конца десятилетия столица снизилась до типа 5, но к настоящему времени вернула утраченные позиции. В то же время Московская область активно использовала благоприятные возможности вблизи столичного ядра агломерации. В 2000 г. в Московской области индекс ВРП на душу был не существенно выше, чем в регионах тренда 2, но уже значительно выше была доля услуг в ВРП. В 2005 г. наблюдался быстрый рост ВРП на душу, а также дальнейший рост доли услуг в ВРП, что позволило Московской области не только войти в фазу перехода к вторичной модернизации, но и подняться в тип 6 модернизованности.

¹³⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2014. Табл. 21.15.

¹³⁹ Там же. Табл. 21.16.

¹⁴⁰ Там же. Табл. 21.17.

О возможных этапах стратегии интегрирующей модернизации Центрального макрорайона

В целом, переход многих регионов данного макрорайона к вторичной модернизации затрудняется следующими факторами: низкий уровень ВРП на душу, низкая доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП, высокая доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВРП и недостаточная ожидаемая продолжительность жизни.

К основным проблемам социально-экономической модернизации данных типов регионов ЦФО относятся также: низкая конкурентоспособность производимой промышленной продукции, обусловленная следствиями деиндустриализации 90-х годов: доминированием устаревших технологий, высоким уровнем износа основных фондов, низкой производительностью труда. Существует разрыв между развитием научно-технического потенциала региона и низкой восприимчивостью его производственной системы к инновациям.

Чтобы сделать конструктивные выводы об этапах стратегии модернизации регионов Центрального района ЦФО, примем во внимание охарактеризованные выше тренды состояний модернизованности этих регионов. На наш взгляд, **главный вывод** состоит в том, что часть этих регионов *может самостоятельно, опираясь на собственные силы*, поэтапно осуществлять интегрированную модернизацию, продолжая движение к более высоким ее состояниям.

Для успешного движения других регионов необходимо мобилизовать *среднесрочные кредиты* кластеров Московской агломерации и иных развитых регионов данного или других федеральных округов. Для этого требуются административная воля и управленческие компетенции администрации ЦФО, региональных и местных органов управления. От федеральных органов требуется не мешать региональным инициативам и в необходимых случаях поддерживать их своим административно-политическим ресурсом. *Легитимированная опора регионов на собственные силы при осуществлении модернизации, дополняемая регионально-кластерным взаимовыгодным кредитованием*, может стать вдохновляющим примером и принципом для многих регионов Российской Федерации.

Используя опыт Москвы, уже на **этапе 1** могут получить дополнительный импульс модернизации регионы, которые относятся к тренду № 3: Ивановская, Владимирская, Ярославская области. Эти регионы отличаются от предыдущей группы прежде всего экономическими индикаторами: более высоким ВРП на душу, большей долей добавленной стоимости сферы услуг по отношению к ВРП, меньшей долей добавленной

стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВРП. Вместе со столичной агломерацией регионы тренда 2 могут образовать *первичный модернизационный кластер*, влияющий на модернизацию Центрального района.

Этап 2. Целесообразно, чтобы регионы модернизационного кластера сформировали сеть горизонтальных взаимодействий между собой, а также с регионами тренда № 2: Тверской и Тульской областями. Вместе с ними, а также с венчурными фирмами и фондами они могут образовать более широкий, *вторичный модернизационный кластер* Центрального района или ЦФО в целом. Организационно-управленческие взаимодействия между ними могут быть дополнены взаимовыгодными кредитно-финансовыми взаимоотношениями, также сетевыми. Для успешного функционирования такого кластера могут потребоваться изменения действующих или создание новых правовых норм, законов и подзаконных актов. В этом случае необходима *административная* поддержка федеральных органов власти, исполнительных и законодательных.

Этап 3. При такой поддержке модернизационные кластеры регионов обретают способность *мультиплицировать* свои структуры и заполнять ими модернизационные пустоты социокультурного пространства, т.е. распространяться на другие федеральные округа, на все пространство Российской Федерации.

О подготовительных этапах модернизации, интегрирующей регионы Центрального федерального округа в целом

Качественные дистанции между состояниями модернизованности не только регионов, но и двух макрорайонов Центрального федерального округа с особой остротой выдвигают задачу разработки и осуществления стратегии интегрированной модернизации. Точнее, в данном случае становится очевидной необходимость стратегии *интегрирующей модернизации* как целостного процесса, нацеленного на уменьшение дистанций между модернизованностью российских регионов, на повышение конкурентоспособности всей России в глобализирующемся мире. Для решения этой задачи ЦФО обладает значительными конкурентными преимуществами и может рассматриваться как представительный объект для конструктивной апробации, результаты которой могут быть использованы в других федеральных округах России.

Одним из важнейших конкурентных преимуществ ЦФО является наличие развитых индустриального, аграрного, научно-образовательного и инфраструктурного секторов хозяйства. Усиление взаимодействия этих секторов между регионами, особенно между двумя макрорайонами округа способно дать значительный синергетический эффект.

Инновационно-модернизационными субъектами, своего рода модераторами этих взаимодействий могут стать университеты и другие вузы Центрального федерального округа, а также научные учреждения Москвы, наукограды Московской области. Прежде всего, они могли бы инициировать разработку многих проектов по созданию и распространению высокотехнологичных производств в регионах Центрального Черноземья. Это позволит достаточно быстро повысить востребованность интеллектуального, в целом культурного потенциала данного макрорайона, интенсифицировать процессы его модернизации.

Учитывая сложность задач разработки и осуществления стратегии интегрирующей модернизации и наличие нескольких уровней принятия решений, ограничимся характеристикой *подготовительных* ее этапов.

Этап 1. Желательно начать подготовку названной стратегии с определения научно обоснованной концепции и первоочередных ее этапов. Для подготовки проекта решения этой задачи необходим соответствующий заказ наиболее компетентным научным организациям. Лучшими кандидатами были бы подведомственные ФАНО институты РАН экономического и шире - социогуманитарного профиля.

Этап 2. Анализ состояния и трендов модернизации Центрального макрорайона позволяет заключить: Московская агломерация может и должна выступить инициативным локомотивом модернизации Центрального федерального округа в целом. Речь идет, прежде всего, о целевом формировании и вложении инвестиций за счет той административной ренты, которую эта агломерация получает благодаря московской и подмосковной «прописке» многих промышленных, аграрных, банковских организаций регионов ЦФО. Не менее важно активизировать совокупность запатентованных научно-технических достижений и разработок специалистов Москвы и подмосковных наукоградов в ответ на запросы деловых организаций регионов ЦФО и тем самым интенсифицировать процессы модернизации этих регионов. Как уже отмечено, миссию активных субъектов-модераторов этих процессов могли бы взять на себя университеты и другие вузы регионов, их кафедры, лаборатории, институты, вовлекая в эту работу научных сотрудников и преподавателей, аспирантов и студентов. Вопреки консервативной позиции министерства финансов, должна быть законодательно закреплена материальная мотивация авторов реализуемых достижений и разработок, равно как и участников их практического использования.

Этап 3. Широкое обсуждение предложений и первых полученных результатов научной общественностью и в СМИ. Принятие решений, обеспечивающих включение

обоснованных предложений в систему стратегического планирования на всех его уровнях – муниципальном, региональном, окружном, федеральном.

Необходимость стратегического планирования интегрирующей модернизации

Какой же следует ответ на вопрос о предпочтительном способе модернизации России: *Спонтанная модернизация или авторитарные мобилизации*? Как видим, ни то, ни другое. До сих пор наиболее успешными для России были реформы Александра II. Они означали *сочетание спонтанной модернизации снизу с авторитарной поддержкой государства*. В этом и состоит оптимальное для России решение поставленного выше вопроса. Но оно требует конкретизации к новым условиям.

В XXI столетии для эффективного сочетания спонтанности и государственного регулирования процессов модернизации необходимо опираться на результаты научных исследований. Изложенные в настоящем Атласе результаты исследований позволяют считать научно обоснованной стратегию *интегрирующей модернизации*: интегрирующей две ее стадии (индустриальную и информационную) и одновременно - все ее территориальные сообщества (муниципальные образования, регионы, макрорегионы), все население России в целостную цивилизацию. Вместе с тем, чтобы эта стратегия получила статус легитимной, государственной нормы, она должна использовать принципы и формы стратегического планирования как комплексной нормы государственного регулирования процессов эволюции России в XXI столетии.

Правовые нормы-рамки решения такой задачи сформулированы в Федеральном законе Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В нем дана характеристика принципов, задач и участников стратегического планирования, определены полномочия для каждого уровня органов власти и самоуправления, систематизированы документы, разрабатываемые в этой сфере на каждом уровне управления: от Ежегодного Послания Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации до муниципальных программ. Определено, что «к разработке документов стратегического планирования могут привлекаться объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации»; порядок взаимодействия с этими организациями устанавливают органы управления соответствующих уровней (ст. 11, пп. 6, 7). Специальные статьи (13, 14) посвящены общественному обсуждению проектов документов и информационному обеспечению стратегического планирования. Определены задачи и порядок контроля реализации документов, ответственность за нарушение законодательства в данной сфере.

Результаты социокультурных исследований модернизации могут быть, во-первых, научным основанием для подготовки проектов ряда документов и, во-вторых, предпосылкой для экспертизы проектов, вынесенных органами власти на общественное обсуждение. Первое предполагает, что исследователи должны конкретизировать содержание своих результатов применительно к нормативным рамкам каждого вида документа (этому посвящено большинство статей ФЗ-172). Второе означает: «замечания и предложения, поступившие в ходе общественного обсуждения проекта документа стратегического планирования, должны быть рассмотрены федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления, ответственным за разработку документа стратегического планирования» (статья 13).

Как видим, ФЗ № 172 создал правовые основания для повышения активности исследователей по использованию получаемых ими результатов в практике стратегического планирования модернизации России, ее регионов и муниципальных образований. Необходимо в полной мере уяснить и использовать эти возможности.

Результаты социокультурных исследований модернизации, в том числе представленные в настоящем Атласе, могут быть полезны для научного обоснования документов стратегического планирования модернизации, целеполагания и прогнозирования ее процессов и показателей на всех уровнях – федеральном, макрорегиональном, региональном, муниципальном. В области **целеполагания** - при подготовке: а) Ежегодного послания Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации, стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии национальной безопасности Российской Федерации; б) стратегии пространственного развития Российской Федерации, в) стратегии социально-экономического развития макрорегионов, субъектов РФ и муниципальных образований. В области **прогнозирования** – при подготовке: а) стратегического прогноза развития РФ, прогноза социально-экономического развития РФ на долгосрочный период; б) прогнозов социально-экономического развития регионов (на среднесрочный период) и муниципальных образований (на среднесрочный или долгосрочный период).

ДОЛГОСРОЧНОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Диссонанс социума и культуры – не частный недостаток цивилизованного сообщества, а принципиальное препятствие реализации потенциала культуры, которое обуславливает дисфункциональность этого сообщества, его способа жизнеустройства.

Эффективное преодоление диссонанса означает такое изменение социума, которое направлено на укоренение базовых ценностей и норм культуры большинства населения России в социальных практиках, прежде всего в управлении и бизнесе. В контексте принципов и форм стратегического планирования речь идет о долгосрочном целеполагании в отношении спонтанных процессов российской модернизации.

Население России предпочитает вектор реального гуманизма

Результаты всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» показали, что на постсоветском этапе сформировалась *цивилизационная альтернатива* ценностных позиций россиян: с одной стороны, **гуманизм, основанный на ценностях семьи, дружеского общения и приоритета закона**; а с другой - **авторитарность, означающая приоритет ценности власти над людьми, в сочетании с вседозволенностью**. При этом гуманизм является демократической позицией, которую поддерживает большинство населения (77%), в то время как авторитарность – позиция явного меньшинства (23%), причем не только элитного, а и примитивно-бандитского, грабительского.

С каким именно цивилизационным выбором соотносится эта аксиологическая альтернатива? Позиция вседозволенной авторитарности соответствует *традиционным азиатско-этатистским практикам* российского социума. Противоположную позицию (повседневный гуманизм) можно рассматривать как исходный ценностный ориентир качественно иного способа жизнеустройства, о котором давно мечтает подавляющее большинство населения России как о справедливом и достойном - этой мечте близок идеал цивилизации **реального гуманизма**.¹⁴¹

Этот выбор предполагает укоренение триединства фундаментальных ценностей человеческой цивилизации: *жизнь* человека; его *достоинство*; *ненасилие* в отношениях между людьми и странами. Их укоренению препятствует сохраняющаяся распространенность азиатско-этатистских практик авторитарной вседозволенности, в их российско-модифицированном виде. Вместе с тем, применительно к России результаты эмпирических исследований дают основание дополнить общецивилизационную триаду ценностей реального гуманизма двумя фундаментальными ценностями, которые сегодня доминируют в сознании россиян: это *семья* как основной институт воспроизводства цивилизации и всего человеческого рода и *законность* как современная ценность равного для всех следования закону, соблюдения законного порядка. Таким образом,

¹⁴¹ Концепт *реальный гуманизм* предложен Карлом Марксом в его ранних произведениях - «Экономическо-философских рукописях» (1844 г.) и «Святом семействе» (1845 г.), - когда он еще не сформировал свое мировоззрение как собственно марксистское и придерживался общедемократических взглядов (см. *Т.И.Ойзерман*. Возникновение марксизма. М., Канон-плюс, 2011. С. 318, 351 и др.)

получаем пентаграмму фундаментальных ценностей, которые ориентируют эволюцию современной России в направлении цивилизации реального гуманизма (рис. 3.4).

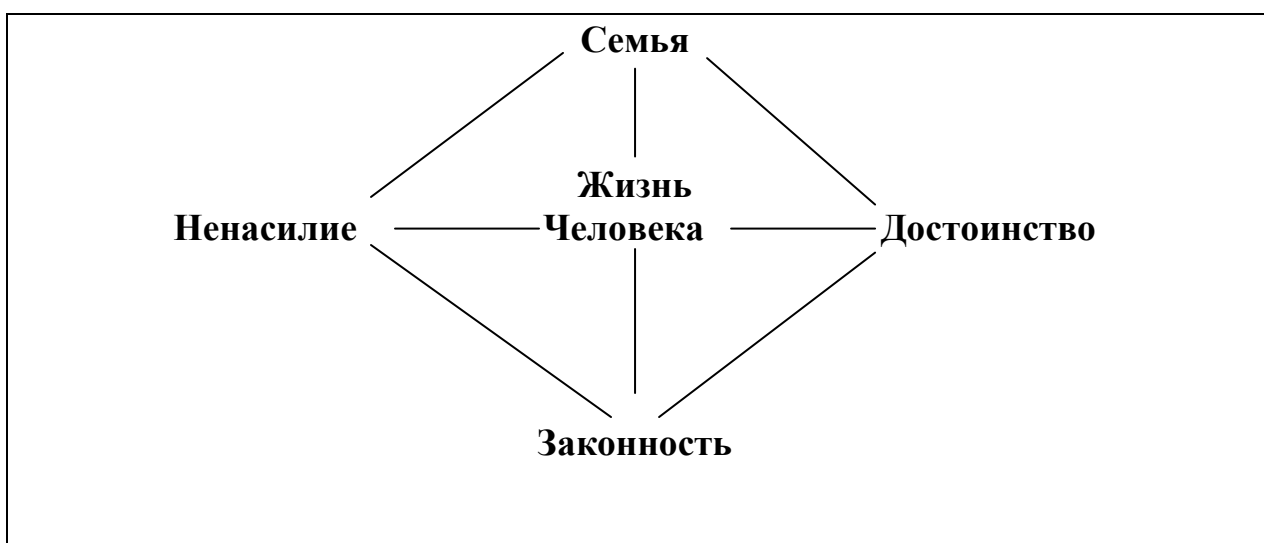

Рис. 3.4. Пентаграмма фундаментальных ценностей цивилизационного выбора России (вектор реального гуманизма).

Следовательно, **эндогенный цивилизационный выбор современной России – это выбор между инерцией традиционных практик вседозволенного этатизма, которые использует меньшинство населения, и латентной потребностью подавляющего его большинства жить в цивилизации реального гуманизма – осуществляемого, а не только желаемого идеала.**

Чтобы осуществлять эту латентную потребность, требуется активное участие всего населения страны в содействии гуманистической ориентации российской модернизации, поэтапного осуществления стратегии, интегрирующей ее индустриальную и информационную стадии.

Перспектива модернизации остается открытой; от ее характера и масштабов зависит содержание нового цивилизационного выбора России, ее перспектив как своеобразной цивилизации. Цивилизации, которая имеет почти тысячелетнюю историю, способна ответить на вызовы настоящего и открыта будущему.

О реализации конституционных основ российского государства как субъекта модернизации и устойчивого развития России

Осуществлять стратегию интегрирующей модернизации способно не любое государство. В условиях России модернизация означает комплексное развитие технико-технологической, социальноэкономической, социокультурной, институционно-регулятивной сфер жизнедеятельности на основе принципов Конституции Российской Федерации (Глава 1. Основы конституционного строя) как государства:

- которое является демократическим федеративным правовым с республиканской формой правления;
- в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а многонациональный народ – носителем суверенитета и единственным источником власти;
- которое является социальным, его политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека;
- в котором:
 - признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности;
 - признается и гарантируется местное самоуправление, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти;
 - признается идеологическое многообразие, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной;
 - признается политическое многообразие, многопартийность; общественные объединения равны перед законом;
- которое является светским, никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Подробнее остановимся на задаче *укрепления российского государства как социального*. В XX веке развитые капиталистические страны накопили немалый опыт создания и укрепления социального государства, в том числе в сложных условиях великой депрессии, Второй мировой войны. Утвердилась концепция «второго поколения» прав человека – социальных его прав на медицинское обслуживание, образование, достойное пенсионное обеспечение. Для их осуществления была радикально изменена структура распределения национального дохода.

Вот заключение известного французского экономиста Томаса Пикетти, который уже в нашем столетии основательно и по-новому изучил эту проблематику:

«В XIX веке и накануне Первой мировой войны во всех странах налоги составляли менее 10% национального дохода... Взимая налоги в размере 7-8% национального дохода, можно финансировать основные государственные институты (полицию, правосудие, армию, внешнюю политику, общую администрацию и т.д.), но не более того... С 1920-1930-х до 1970-1980-х годов во всем богатом мире наблюдалось существенное увеличение доли национального дохода, которая приходится на налоги и на государственные расходы (прежде всего на социальные расходы). Во всех развитых странах всего за полвека доля налогов в национальном доходе выросла как минимум в три-четыре раза (иногда в пять раз, как в странах Северной Европы). Опять-таки во всех странах можно констатировать практически полную стабилизацию доли национальном доходе с 1980-х до 2010-х годов. Эта стабилизация произошла на разных уровнях: всего 30% в Соединенных Штатах, около 40% в Великобритании и от 45 до 55% национального дохода в странах континентальной Европы (54% в Германии, 50% во Франции и около 55% в Швеции... Все богатые страны без исключения в XX веке перешли от баланса, в рамках которого налоги и государственные расходы составляли менее десятой части национального дохода, к

новому балансу, в рамках которого на эти цели уходит от трети до половины национального дохода» (*Thomas Piketti. Le Capital au XXI siècle.*, 2013; англ. пер., 2014. *Томас Пикетти. Капитал в XXI веке.* М., Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 472-474).

Как это было сделано?

По оценке Т.Пикетти:

«Ключевой инновацией XX века в налоговой сфере стало создание и развитие прогрессивного подоходного налога. В минувшем столетии он сыграл ведущую роль в снижении неравенства... То же касается прогрессивного налога на наследство, который представляет собой вторую важную инновацию XX века... Налог – это вопрос не технический, а прежде всего политический и философский, притом самый важный из всех. Без налогов не может быть общности судьбы и коллективной способности действовать». (Там же. С. 494).

Томас Пикетти выразил ключевое противоречие капитализма формулой $r > g$: «Главная дестабилизирующая сила обусловлена тем, что частная доходность капитала r может заметно и в течение длительного времени превышать темпы роста дохода и производства g .

Неравенство, выраженное формулой $r > g$, означает, что рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растут производство и зарплаты. Это неравенство выражает фундаментальное логическое противоречие. Предприниматель неизбежно склонен превращаться в рантье и усиливать свое господство над теми, кто владеет лишь собственным трудом. Накопленный капитал воспроизводит сам себя быстрее, чем увеличивается производство. Прошлое пожирает будущее... У этой проблемы нет простого решения... Правильное решение заключается во введении ежегодного прогрессивного налога на капитал. Это позволит избежать бесконечной спирали неравенства и вместе с тем сохранить силы конкуренции и стимулы, обеспечивающие постоянное накопление новых капиталов». (Там же, с. 585-586).

Укрепление социального государства в развитых капиталистических странах произошло отчасти в ответ на вызовы «реального социализма» и под давлением международного коммунистического и рабочего движения. Но в самом СССР, в драматичных условиях международной изоляции 20-х – начале 30-х годов XIX в. и Великой Отечественной войны, было создано социальное государство, ограниченное минимальными стандартами, отчужденное от человека и оплаченное высокой человеческой ценой.

В постсоветской России значительно разрушен советский социальный минимум. Не созданы сдержки безграничного накопления капитала, доходность которого растет за счет игнорирования социальных прав человека. Отсутствует экономическое обеспечение качества социальных услуг для массовых слоев населения. Остатки слабого, «минимального» социального государства оказались в ловушке механизма долгосрочной эволюции распределения богатства, выражаемого формулой $r > g$. Последовательность компонент этого механизма можно выразить так:

**Неограниченный рост доходности корпоративного капитала →
низкий социально-экономический рост →
социогуманитарная рецессия.**

В современной России доминирует корпоративный компрадорский капитал, который стремится неограниченно расти и инвестировать себя за рубежом. Прогрессивный налог на доходы может стать противовес этому росту.

Среди части политиков и высших чиновников России высказываются опасения, что прогрессивный налог на доходы невозможно собрать, а его введение повысит выплаты

теневых зарплат, вызовет напряжения среди населения и т.п. Однако такая мотивация свидетельствует о недееспособности самих чиновников, поскольку получение налогов – один из основных признаков государства как такового.

А как относится население России к целесообразности такого налога? Наш опрос в рамках всероссийского мониторинга (2015 г.) принес *хорошую новость*: среди населения преобладают ожидания *умеренно прогрессивной* шкалы налога, т.е. в пользу укрепления российского государства как социального.

Еще один аспект укрепления социального государства - *сокращение неравенства доходов регионов и муниципалитетов, в целом повышение ими востребованности человеческого потенциала*. Здесь важную роль играет межбюджетная политика, определение пропорций распределения налогов между муниципальными, региональными и федеральным бюджетами. В результате радикальных изменений 1991-2000 годов существенно расширились социальные функции местного самоуправления (многие из них прежде обеспечивались предприятиями и организациями), но это расширение не сопровождалось адекватным перераспределением финансовых ресурсов в пользу местного самоуправления. В итоге сложился устойчивый дисбаланс между расходными обязательствами и доходными возможностями местных бюджетов, в котором сосредоточилась значительная часть бюджетного дефицита.¹⁴² При этом Федеральное законодательство обязывает органы местного самоуправления обеспечивать удовлетворение жизненных потребностей населения (они отнесены к компетенции органов власти муниципальных образований) не ниже минимальных государственных социальных стандартов. С их учетом должны рассчитываться так называемые минимальные местные бюджеты. Но названные стандарты отсутствуют, используются социальные нормы и нормативы, утверждаемые Правительством РФ.

Многие эксперты считают обоснованной необходимость повышения уровня доходной самостоятельности местного самоуправления, в том числе путем изменения в пользу местных бюджетов пропорций распределения налогов между бюджетами разных уровней власти. Однако благодаря реформаторству Минфина России, с принятием Налогового и Бюджетного кодексов РФ большая часть налогов ушла с муниципального на региональный и федеральный уровни. В результате второй муниципальной реформы (2003-2008 гг.) еще сильнее обострились коллизии муниципального регулирования, в центре которых оказалась финансовая проблема. Предложения по стабилизации состояния местных бюджетов постоянно выдвигает Конгресс муниципальных образований РФ.

¹⁴² В.Н.Лексин, А.Н.Швецов. Реформы и регионы. Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М., URSS,2011. С.557.

Специалисты Комитета Государственной Думы по вопросам местного самоуправления предлагают законодательно закрепить на долговременной основе нормативы распределения налоговых поступлений между бюджетами разных уровней. Вопросы обсуждаются, но не решаются.

Дополнительными аргументами в пользу справедливой межбюджетной политики могут служить результаты названного мониторинга. Респондентам не предлагались варианты распределения налогов – они по собственному усмотрению называли цифры процентов, при условии, что сумма трех долей бюджетов должна составлять 100%. Поскольку респонденты – не эксперты, а обычные граждане с различным уровнем подготовки, около трети затруднились ответить на столь непростой вопрос. Полученные ответы объединяет простое правило: Чем ближе фирмы (индивидуальные предприниматели, малые и средние фирмы) к жизненным мирам населения, тем большая доля налогов должна оставаться по месту их создания. И наоборот. Это правило можно интерпретировать как существующие в массовом сознании «естественные нормы» (аналогичные нормам естественного права) или нравственные демократические правила **приоритетного обеспечения социальных потребностей населения**: в жилье, инфраструктуре жизненного пространства, медицинском обслуживании, образовании - за счет налогов тех компаний, фирм, которые находятся **на территории данного региона, поселения**, т.е. на которых занято живущее здесь население.

Этот пласт массового сознания не может долго оставаться не услышанным, какие бы калькуляции государственной важности ему ни противостояли. Первая забота государства – о сбережении народа, а общегосударственные потребности должны обеспечиваться преимущественно за счет предприятий государственных и с государственным участием. По этому вопросу должно быть достаточное **взаимопонимание** между работниками органов государственной власти и широкими слоями населения.

Однако, пока нет консенсуса. Тем не менее, политикам, чиновникам, бизнесменам, всем гражданам предстоит более определенно руководствоваться положениями **Конституции** Российской Федерации о социальном государстве в России, в соответствии с новой «**Стратегией национальной безопасности Российской Федерации**».¹⁴³ В новой Стратегии, несмотря на отсутствие термина «социальное государство», содержатся многие его составляющие - как *стратегические национальные приоритеты*. Отметим

¹⁴³ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2015, 31 декабря.

первоочередные для укрепления *социального государства*. Подраздел Стратегии о повышении качества жизни граждан открывается словами:

«Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения...» (ст. 50), «достойное пенсионное обеспечение» (ст. 52).

В подразделе об экономическом росте одним из главных направлений обеспечения безопасности *на региональном уровне* определено создание механизма сокращения социально-экономической дифференциации между субъектами РФ (ст. 65). Угрозы диспропорций развития регионов целесообразно устранять путем стимулирования их «самостоятельного экономического развития», укрепления их «бюджетной обеспеченности, совершенствования межбюджетных отношений» (ст. 66). В Стратегии имеются специальные подразделы о повышении качества образования и здравоохранения.

К *основным показателям* состояния национальной безопасности отнесены: удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств; ожидаемая продолжительность жизни; ВВП на душу населения; децильный коэффициент (соотношение 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения); уровень безработицы; доля расходов в ВВП на развитие науки, технологий и образования; доля расходов в ВВП на культуру (ст. 115).

Не оставляя сомнений в практической направленности Стратегии, ее статья 1 гласит: «Настоящая Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу».

Это предполагает разработку системы мер в рамках стратегического планирования России и ее регионов, в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (№ 172-ФЗ от 28 июня 2014). В том числе - действенных мер по укреплению социального государства, о которых сказано выше. И других мер, обеспечивающих социальную ориентацию корпоративного капитала. Иначе стратегические цели и задачи могут в очередной раз оказаться благими намерениями.

Выводы

Представленные в докладе материалы позволяют сделать значимые выводы.

1. В России приватизация 90-х годов была хаотичной по отношению к законности и рациональной логике действий. Но ее инициаторы (руководство России и его советники из «Вашингтонского консенсуса») имели четкую цель: любой ценой создать крупных собственников как гарантов невозврата России к доминированию государственной собственности. Эта цель была достигнута ценой развала СССР, грабежа общенародного достояния назначенными олигархами, повсеместного распространения коррумпированной смычки чиновников с олигархами, распродажи промышленного оборудования по цене металлолома, обесценения вкладов и обнищания населения. В народе эти процессы получили обобщено-образное название «прихватизация» и до сих пор не имеют моральной легитимации.

2. Достигнутая к 2014 г. стабилизация экономической и общественной жизни оказалась недостаточной для признания странами Запада права России на суверенную внутреннюю и внешнюю политику. Защита этого традиционно высшего права российского государства потребовала в 2015-2016 гг. энергичного укрепления его обороноспособности и внутренней консолидации общества. Чтобы достичь этого, необходима комплексная модернизация основных сфер жизнедеятельности населения путем свободной реализации социокультурного потенциала максимального числа людей, которая мотивируется их естественным желанием повышать качество своей жизни. Такая модернизация происходит в XXI столетии в большинстве стран мира – развивающихся и развитых, но в каждой стране по-своему, соответственно ее культурно-историческим особенностям, ценностям и традициям.

• 3. В современной России модернизация также осуществляется – благодаря утверждению частной и иных форм собственности, формированию успешных предпринимателей и ядра среднего класса, а также частичному приоткрытию гражданских прав и свобод более широких слоев населения. Но пока модернизация осуществляется преимущественно спонтанно, без реальной модернизационной стратегии государства. В итоге она происходит регионально неравномерно, а в целом – заторможено и неэффективно по социокультурным результатам. Потенциал большинства населения мало востребован, не реализуется в социальный капитал; возникла и обостряется совокупность потребностей этого большинства в существенном улучшении условий и повышений качества их жизни. Это базовое противоречие тормозит личностное и социальное развитие индивидов и всего российского общества. Сохраняется недоверие населения органам власти, обостряются социальные напряжения, множатся предпосылки политического недовольства государством.

4. В условиях России модернизация предполагает инновационное развитие основных сфер жизнедеятельности населения (технико-технологической, социэкономической, социокультурной, институционально-регулятивной), в соответствии с конституционными принципами государства, включая принцип социального государства, политика которого должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Исторический опыт развитых стран показывает, что успешную модернизацию может обеспечить сильное социальное государство, которое использует прогрессивный налог на доходы от капитала и создает условия для реализации потенциала интеллектуальных слоев населения и среднего класса.

4. В настоящем Докладе обоснована стратегия модернизации, интегрирующей регионы и российское общество в целом. Включение этой стратегии и соответствующих целевых программ в систему стратегического планирования позволит российской модернизации стать эффективной, повысить роль России в мировом развитии и качество жизни большинства ее населения.